П. ДРУНИН

ПОЛЬША И РОССИЯ И СССР

1928
ДЕВЯНОСТО
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

749.

Научная библиотека СПбГУ
1001084692

51752

Сп.6
ГИП

Д 3085
646
ИСТОРИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ
Л.Г.И.Л.И.
Отдел
Шкаф

В. П. ДРУНИН

ПОЛЬША РОССИЯ И СССР

★

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

С ПРЕДИСЛОВИЕМ
ФЕЛИКСА КОНА

Гос. ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
ИСТФАКА
УНИВЕРСИТЕТ
Государств. университет
Исторический кабинет

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ★ 1928 ★ ЛЕНИНГРАД

61
1780

ОТПЕЧАТАНО
в 1-ой Образцовой типографии
ГИЗа, Москва, Пятницкая, 71,
Главлит № А—575 Гиз. № 22994
Заказ № 4498. Тираж 5000 экз.

Проверено
2007

8842
23

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие *Феликса Кона* IV
От автора XII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I. Пястовская Польша и Киевская Русь 1
II. Эпоха феодализма на Руси, в Польше и в Литве 25
III. Ливонская война, стабилизация шляхетского строя в Польше и московская смута 47
IV. Польша, Украина и Москва в XVII веке 64
V. Торговый капитализм в Московском государстве. Гипертрофия феодализма в Польше и разделы Польши 79
VI. Порабощенная Польша 97

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I. Польский капитализм. Буржуазия и пролетариат в Польше 116
II. 1904 — 1905 гг. в Польше. Период реакции 133
III. Польша во время мировой войны 167
IV. Советско-польские отношения 180
V. «Освобожденная» Польша 195
VI. Переворот пилсудчиков 210

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемое читателю исследование взаимоотношений России и Польши, а в последнее время Польши и СССР составляет весьма ценный вклад в нашу сравнительно убогую в этом отношении литературу. Чуть ли не впервые в изучении этих взаимоотношений применен марксистский метод.

Автор в предисловии сам указывает на то, что «небольшой размер книги и желание поскорее выпустить ее в свет не могли, конечно, не вызвать целого ряда недостатков как в ее общем плане, так и в обработке деталей». Это верно. В характеристике развития рабочего движения есть серьезные пробелы; в частности, совершенно обойден вопрос о той борьбе, которая происходила внутри ППС, приведшая в конце концов к расколу и к образованию левицы ППС, впоследствии об'единившейся с социал-демократией Царства Польского и Литвы и образовавшей вместе с ней компартию Польши. Не затронуты и разногласия между Розой Люксембург, как главным идеологом социал-демократов Царства Польского и Литвы, и Лениным по национальному вопросу. Указывая на это, мы отнюдь не думаем умалять значения труда т. Друнина. Это лишь пробелы, которые автор несомненно восполнит при первой возможности, притом пробелы, именно потому резче выступающие наружу, что весь труд, отображающий происходившие вплоть до наших дней процессы, дает весьма полную картину и внутреннего развития обеих стран и их взаимоотношений.

Свое исследование автор доводит до майского переворота Пилсудского. С этого момента прошло полтора года, и если в момент переворота маршала Пилсудского он был поддержан и рабочим классом, и крестьянством, возложившим на него свои упования только в силу известного изречения: «враг наших врагов — наш друг», то за истекшие 18 месяцев рабочие и крестьяне могли убедиться, что «милые бранятся — только тешатся». Лозунг Пилсудского в момент переворота гласил: «революция без революционных последствий», другими словами, революция не для низвержения, а для укрепления капиталистического строя в Польше. Этот лозунг предрешал классовый характер

политики Пилсудского, которую он проводил и проводит до настоящего времени, политики п р о т и в тех слоев и классов, которые его поддерживали в мае 1916 г. и в интересах тех классов, против которых он тогда поднял, якобы, знамя восстания.

За полтора года произошла радикальная передвижка сил. Пилсудского поддерживают помещики, буржуазия, духовенство, кулачество и так называемая «интеллигенция», в то время как рабочий класс и большинство крестьянства идут против него. И хотя часть буржуазии, руководимая партией национал-демократов, продолжает кампанию против него, но это вопрос не классового, а партийного характера. Пилсудский, следуя примеру Муссолини, употребляет все средства к тому, чтобы дезорганизовать все прежде существовавшие партии и организовать свою «внеклассовую». Это толкнуло ППС на путь оппозиции не «его маршалскому величеству», а «его маршалского величества», оппозиции чисто формальной; это побуждает и национал-демократов не отказываться от оппозиционной борьбы.

Следуя примеру Муссолини, Пилсудский с первого же момента своего диктаторства и по настоящее время ведет весьма успешную борьбу за подчинение законодательной власти власти исполнительной. Безвольный, тряпичный, немощный и дискредитированный сейм под угрозой кнута сам пошел навстречу диктатору и сам издал законы, расширяющие компетенцию правительства в ущерб сейму. С этого момента диктатор перестал с ним церемониться и при малейшем, хотя бы только призрачном сопротивлении закрывает сессии и правит самодержавно даже в таких вопросах, как недавно законченный кабальный договор о займе с американскими банкирами, передающий контроль над всей финансовой политикой государства уполномоченному э т и х банкиров.

Издевательство маршала Пилсудского над сеймом доходит до того, что он, согласно конституции, представил в октябре в сейм проект бюджета на будущий год, но еще до обсуждении этого проекта сеймом отсрочил заседание сессии до 28 ноября, т. е. до дня, когда истекают полномочия теперешних депутатов сейма.

Не считая свое положение достаточно упроченным, опасаясь, что изменение к худшему избирательного закона, как этого требуют все без исключения помещичьи и буржуазные партии, окончательно оттолкнет от него рабочие и крестьянские массы и часть так называемой интеллигенции, Пилсудский не решился на этот шаг, и предстоящие в ближайшее время выборы будут происходить на началах так называемой «пятихвостки».

Предрешать результаты выборов при существующем в Польше полицейском режиме, когда партии, отстаивающие классовые интересы масс, как коммунистическая партия Польши, независимая крестьянская партия, белорусская «Громада» загоняются в подполье, выставляемые ими списки аннулируются, когда такая же участь постигает списки групп заподозренных в том, что они идейно солидарны с этими партиями, когда указанные в этих списках кандидаты арестуются и предвыборные собрания разгоняются полицейскими и военными силами — конечно, невозможно. Можно лишь предсказать, что, если выборы дадут результаты, не отвечающие желаниям диктатора, новоизбранный сейм разделит участь первой и второй царской Думы.

Такой исход весьма вероятен, так как и в рабочих и в крестьянских массах в течение истекших 18 месяцев заметно значительное полевение. Об этом свидетельствуют огромные успехи коммунистической партии Польши при выборах в городские самоуправления и в больничные кассы, об этом свидетельствуют грандиозные стачки, охватывавшие до 150 тысяч рабочих за раз, это подтверждает центральный орган польских соглашателей «Работник», скорбно констатирующий: «В психологии рабочего класса произошли изменения, болезненным (!) проявлением которых является известный рост коммунистического влияния».

Аналогичные явления замечаются и в крестьянстве. Ориентирующийся на помещиков и в частности на земельных магнатов, Пилсудский продолжает саботировать даже ту куцую земельную реформу, которая была установлена сеймом. В течение 1926 года получили земельные наделы всего 2% безземельных крестьян и 4% малоземельных. Ранее возлагавшее на Пилсудского все свои надежды крестьянство, разочаровавшись в нем, начало организовываться. Диктатор ответил на это такими репрессиями, каких не осмеливались применять его предшественники. Разгром белорусской «Громады» и «Независимой крестьянской партии» и аресты принадлежащих к этим партиям «неприкосновенных» сеймовых депутатов был ответом Пилсудского на эти начинания, ответом, мало действительным, так как напор снизу заставляет и соглашательские крестьянские партии и даже верноподданную ППС перейти в оппозицию под угрозой окончательно потерять доверие масс.

Не менее остро стоит национальный вопрос. Бросаемые украинской и белорусской интеллигенции подачки в виде разрешения пользоваться национальным языком в школах, после того как была разгромлена крестьянская организация, которая вела огромную работу политическую, хозяйственную и культурную, не могли удовлетворить крестьян. Отношения обострились и не могут не обостряться. Националь-

ный вопрос на так называемых «кресах» — окраинах Польши — это аграрный вопрос, а колонизационную политику окраин, не трогая земель помещиков, Пилсудский ведет более интенсивно, чем его предшественники.

В соответствии с ним находится и международное положение польской Речи Посполитой.

Как ближайшая территориально к СССР страна и самая мощная из всех соседей СССР, Польша с первого момента своего существования, как это и указано в труде тов. Друнина, стала плацдармом для наступающего на СССР империализма Запада. Орудие этого империализма в прошлом — маршал Пилсудский — представлял для него гарантию, что под его управлением Польша будет продолжать роль стража капитала на востоке, роль проволочного заграждения от «большевизма», а, если понадобится, — и роль, какая уже раз ей была навязана империалистами в 1919/20 году.

Осложнявшиеся отношения между консервативным правительством Великобритании и СССР и связанные с этим поиски подходящего орудия для нанесения удара СССР остановили внимание кабинета Болдуина на Пилсудском, так как свергнутое Пилсудским правительство, в котором самую влиятельную роль играла национал-демократия, самым опасным врагом воскресшей Польши считало не СССР, а Германию.

В январе 1927 года польский корреспондент «Берлинер Тагеблят», превосходно ориентирующийся в положении, писал: «Если два-три года тому назад задавали какому-либо польскому политическому деятелю, все равно к какому политическому лагерю он ни принадлежал, вопрос, каково его мнение о задачах польской политики, то он становился в позу и говорил с пафосом о «еще» не выполненных территориальных требованиях Польши, о «польских территориях, продолжающих оставаться в разбойничьих руках», указывая на Данциг, Верхнюю Силезию, Мазурские озера, на «два миллиона поляков, продолжающих оставаться под германским ярмом», и заявлял, что все это должно перейти к Польше». А теперь, «если собеседник принадлежит к левому лагерю, он пожимает плечами и молчит, а если к правому, то он возмущенно говорит, что Польша упустила удобный момент Рурской оккупации для того, чтобы занять Данциг и Восточную Пруссию».

Эта магическая перемена произошла в связи с переворотом Пилсудского, совершенном при участии Англии и с расчетом при помощи Пилсудского сорганизовать антисоветский блок государств. До тех пор, пока такие враждебные отношения существовали между Польшей и Германией, планы Англии были неосуществимы. На случай войны тыл

Польши со стороны Германии должен был быть обеспечен, и этим об'ясняется происшедшая перемена.

Переворот Пилсудского является лишь одним из звеньев в цепи принятых Англией мер для осуществления этой политики.

Орган национал-демократов «Газета Поранна Варшавска» недавно прямо заявил:

> «Мы можем стать предметом интриг и торгашества, утратить самостоятельность в своей заграничной политике в интересах Англии, чтобы, с одной стороны, стремления немцев были удовлетворены взамен доброжелательных отношений с ними на Востоке, а, с другой, — чтобы внимание Советов было направлено на польский фронт, а не индийский. Попытки соответственной дипломатической игры могут быть произведены в Лондоне, если Польша не ликвидирует своих внутренних неурядиц и резко не выступит против тех политических деятелей, которые охотно толкнули бы ее на Днепр для защиты «границ... Индии...»

Эти «деятели», о которых упоминает газета, это — именно Пилсудский, Бартель и другие так называемые федералисты, позиция которых была вполне ясно в свое время формулирована лидером польских меньшевиков Игнатием Дашинским: «Федерация свободных государств от Черного до Балтийского моря».

В связи с этим отношение Польши к СССР заметно изменилось.

На процессе грузинских меньшевиков обнаружилось, что действенную помощь этим агентам Англии в переправе их в СССР оказывал Тадеуш Голувко, тото самый Голувко, который так опечален тем, что крах похода на Киев не дал возможности Польше воспользоваться украинским хлебом и сахаром. С момента переворота Пилсудского в мае 1926 года этот польский меньшевик, действуя как негласный агент Пилсудского, проявил необыкновенную энергию. Он с'ездил в Прагу, вошел в контакт с местными петлюровцами, с'ездил в Латвию и пытался воздействовать на латвийских социал-демократов, добиваясь срыва намечавшегося договора между Латвией и СССР.

Голувко — только один из агентов. Таких агентов после майского переворота появилось много и все действовали и продолжают действовать в одном и том же направлении. В двух официозах Пилсудского: в военной газете «Польска Збройна» и в «Глосе Правды» появились статьи, в которых подчеркивалось, что Польша не может развиваться в своих этнографических границах, что существующие ныне границы не могут ее удовле-

творить, что экспансия (расширение) на востоке всегда была, есть и будет главной задачей Польши.

Этого нельзя было считать лишь пустыми словами. Этот лозунг «за Неман, за Буг» сопровождался целым рядом крутых мер по отношению к национальным меньшинствам на окраинах: закрытием белорусской «Громады», массовыми арестами белорусских крестьян, арестом «неприкосновенных» депутатов сейма, судом над 151 украинским крестьянином, кончившимся приговором их к 1 000 лет каторги, и т. д.

Это было подготовлением тыла на случай войны. Дальнейшие события уже в памяти у всех. Убийство нашего полпреда в Польше тов. Войкова русским монархистом Ковердой, произведенное в Варшаве вскоре после разрыва отношений Англии с нашим Союзом. «Милостивый» суд над убийцей, сопровождавшийся ходатайством милостивых судей перед президентом республики о смягчении его участи. Возведение убийцы в герои, разрешение ему принимать у себя в тюрьме монархистов, белогвардейцев и всех строящих козни против СССР, передача ему прокурорским надзором приветствий от торжествующих по поводу убийства тов. Войкова контрреволюционеров и т. д., и т. п.

Это, так сказать, «идейное» отношение к убийце представителя Советского Союза, с которым Польша формально находится в дружеских отношениях.

Весьма активное участие теперешних правителей Польши в процессе по поводу убийства Петлюры и целый ряд аналогичных выступлений ясно указывают на систематическое проведение в отношениях с СССР той линии, на какую в своем труде указывает тов. Друнин.

Это проявляется с особенной силой в отношениях современной Польши к Прибалтийским государствам и к Литве. Немедленно после майского переворота Пилсудский обратился к прибалтийским государствам с предложением заключить военный союз. Уже тогда во французских газетах отмечалось, что это предложение должно найти поддержку крупной державы, располагающей влиянием на Балтийские государства и заинтересованной в его успехе. Державой, которой выгодно осуществление этого предложения, является несомненно Великобритания, и оно (это предложение) является скорее великобританским, чем польским. Этого правительство Болдуина совершенно не скрывало и официально через своего посла в Риге заявило на совещании министров иностранных дел прибалтийских государств, что «Англия их поддержит в борьбе с большевиками, если представляемые ими страны об'единятся в союз, но если они не об'единятся, Англия не будет оказывать помощи каждой из этих стран в отдельности, так как «не об'еди-

ненные в союз они легко могут быть ликвидированы большевиками по одиночке». Несмотря на это нескрываемое стремление добиться цели в тех размерах, какие наметила Англия, Польше не удалось. Как известно, Латвия заключила договор с СССР, и этим отчасти парализуется намеченный Англией и проводимый Пилсудским план.

Но не только этим. Брешь в проектируемом блоке представляла и представляет Литва. До тех пор, пока не будут установлены вполне мирные и надежные отношения с Германией и пока Литва будет оказывать сопротивление захватническим поползновениям Пилсудского, стремящегося к традиционному об'единению под своим скипетром Литвы с Польшей, не только Литва, но и опасающиеся авантюризма Пилсудского прибалтийские государства не решаются вступить в антисоветский блок. Все прибалтийские государства, что бы они ни заявляли для того, чтобы пользоваться поддержкой и не вступать в конфликт с сильными капиталистического мира, сознают, что гарантией их самостоятельного существования является именно советский строй и что при всяком другом строе в России они обречены на гибель.

Яснее всего отдает себе в этом отчет Литва. После майского переворота Польша поставила литовский вопрос в порядок дня. «Литва, — как кратко, но метко формулировал один из военных деятелей, — является тем фактором, который разрывает в политическом и военном отношениях единую цепь проектируемого польско-английской дипломатией союза против СССР».

Этот «разрыв» Англия пытается пополнить всеми доступными путями, и это ее стремление совпадает со стремлением польских мечтателей о великодержавности Польши об'единить «Литву с Короной», спречь с Польшей. В последнее время делаются в этом направлении более решительные шаги. Для того, чтобы спровоцировать Литву на более резкое и решительное выступление, правительством Пилсудского принимаются такие меры, как закрытие литовских школ в Польше, созыв эмигрантского с'езда в Риге, на котором польский посланник Лукашевич говорил о военной помощи Польши эмигрантам для восстановления правового порядка» в Литве, вполне определенные шаги военного характера, и, наконец, разбор дела в Лиге наций и крайне сомнительного характера решение, принятое Лигой.

Во что выльются все эти шаги, предсказать трудно. Советское правительство своей нотой Польше и своим воздействием на Литву сделало все от него зависящее, чтобы предотвратить войну. Правительство Пилсудского не может не отдавать себе отчета в том, что соседи Польши — СССР и Германия — не могут безучастно

относиться к покушению Польши на самостоятельность Литвы, являющейся «трамплином» для нашествий на эти страны.

Таково внутреннее и внешнее положение Польши после 18 месяцев «царствования» Пилсудского.

Ценное исследование тов. Друнина, доведенное до майского переворота, дает ключ к осознанию и настоящего положения, дает возможность сделать соответственные выводы.

Феликс Кон.

Декабрь 1927 г.

ОТ АВТОРА.

Настоящие исторические очерки ни в какой мере не претендуют на значение научного труда: они являются лишь результатом добросовестной, в меру разумения автора, систематизации имеющегося в его распоряжении материала.

Цель книги — популяризация длительного исторического процесса, которым определилось, в конце концов, положение рабочих масс в современной Польше.

Небольшой размер книги и желание поскорее выпустить ее в свет не могли, конечно, не вызвать целого ряда недостатков как в ее общем плане, так и в обработке деталей. Тем не менее автор полагает, что, несмотря на все недостатки, книга эта может принести некоторую пользу широким кругам трудящихся нашего Союза, ознакомив их с важнейшими моментами исторической жизни их ближайших зарубежных братьев.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I. ПЯСТОВСКАЯ ПОЛЬША И КИЕВСКАЯ РУСЬ.

Польские и русские славяне издревле соседили друг с другом и в X веке занимали огромную территорию в пределах Великой восточно-европейской низменности, орошаемой реками: Одером, Вислой, Неманом, Западной Двиной, незначительными реками бассейна озера Чудского и Ильмень-озера, верхней Волгой, Днепром, Днестром и притоками Дуная — Прутом и Серетом.

При самом беглом взгляде на карту Польши и Руси X века бросается в глаза географическое единство этой огромной страны. Между территорией, населенной поляками, и территорией, занятой русскими славянами, не было таких естественных границ, которые разделяли бы эти два народа. Напротив, расположение речных бассейнов, этих великих центров оседлости и важнейших средств сообщения древности, как бы подчеркивало указанное географическое единство. В самом деле. Бассейн Одера тесно связан при посредстве Варты с Вислой, последняя при посредстве Буга — с Днепром, который, в свою очередь, при посредстве Припяти сближается с Вислой. Каждая из польских рек, впадающих в Балтийское море, обладает одним непропорционально развитым восточным притоком: Одер — Вартой, Висла — Бутом, Неман — Вилией. В свою очередь, русские реки связаны с западом: Днестр связан с Вислой при помощи Сана; Днепр при помощи огромного бассейна Припяти связан не только с бассейном Вислы, но и при посредстве Стыри, Горыни и Случа — с бассейном Днестра, а левыми притоками Припяти — с бассейном Немана. Березина ведет к Западной Двине, а верхнее течение последней, как и верхнее течение Днепра, близко подходит к бассейну великой Волги и к важному бассейну Ильмень-озера. По всей территории, орошаемой названными реками, разбросаны были многоводные озера, от большинства которых до настоящего времени остались лишь следы в виде особенно заболочен-

ных мест. В некоторых направлениях системы рек и озер образовывали сплошной водный путь, прерываемый кое-где волоками. Особенно важное значение в стране поляков имело озеро Гопло, в стране русских славян — озеро Ильмень.

Берега большинства и польских и русских рек были крайне топки, покрыты дремучими лесами и вследствие этого доступны лишь в отдельных местах; понятно, что при таких условиях реки и озера, как пути сообщения, приобретали особо важное значение.

Направление главнейших рек, протекающих по восточно-европейской равнине, указывало и польским и русским славянам пути к одним и тем же морям: на севере — к Балтийскому, на юге — к Черному.

Бóльшая часть этой равнины в X веке была покрыта дремучими лесами, которые тянулись сплошной стеной в бассейнах Одера, Вислы, Немана, Западной Двины, верхнего Днестра, Ильмень-озера, верхней и средней Волги. Приблизительно на параллели Киева начиналась лесостепь, переходившая постепенно в необозримые черноморские степи.

Только на крайнем юго-западе русско-польская равнина утрачивала свой по преимуществу низменный характер: здесь начинаются предгорья Карпат, отделявших эту равнину от Венгерской низменности.

Русские и польские леса изобиловали крупным и мелким зверем и птицей, а реки — рыбой. В лесах, кроме того, водилась в огромном количестве дикая пчела.

Климат равнины, в пределах указанных речных систем, повидимому, не представлял резких колебаний. Определенно выраженные четыре времени года — суровая снежная зима, жаркое грозовое лето и мягкие весна и осень, обилие осадков, количество которых заметно уменьшается по мере удаления от Балтийского моря, — вот что является наиболее характерным для климата этой страны.

Славянские племена поселились на описанной выше территории с незапамятных времен. Первые исторические свидетельства называют славян автохтонами (коренными жителями) восточно-европейской равнины.

Славяне, получившие после своего об'единения общее название поляков, занимали западную часть этой равнины и первоначально делились на несколько племен, занимавших более или менее обособленные географические области, среди которых наиболее важное историческое значение имели следующие:

Великая Польша — в бассейне Варты — была населена поляками. Это — обширная низменность, кое-где прорезываемая рядами невысоких холмов. Здесь было много значительных озер, среди которых

очень важное историческое значение имело озеро Гопло. Наименование «Польша» (от широких равнин, или полей) первоначально распространялось только на эту область, и только в XIII веке это наименование было перенесено на всю территорию, вошедшую в состав польского государства. Это — колыбель исторической Польши. Главный город области — Познань.

Хробация (Малая Польша) — в бассейне верхней Вислы — была населена хорватами, или вислянами. Эта область в значительной своей части представляет возвышенность, заключающую в себе северные склоны Западного и Восточного Бескидов и Татр и их отроги. Узкая долина верхней Вислы у впадения в последнюю Сана переходит в широкую Сандомирскую низменность. Эта область — центр старой польской культуры. Главный город — Краков.

Мазовия — страна мазовшан или мазуров — была расположена по обоим берегам средней Вислы. Это неправильной формы котловина. Юго-восточная часть Мазовии, в бассейне Бута, называлась Подлесьем. Политическое значение Мазовия приобретает лишь в конце XVI века. Главные города — Плоцк и Варшава.

Куявия — страна куявов — занимала также оба берега Вислы к западу от Мазовии, в непосредственном соседстве с нею. Эта бедная, очень болотистая и низменная область служила как бы посредствующим звеном между собственно Польшей и Мазовией.

Поморье — область между нижними течениями рек Одера и Вислы, упирающаяся в Балтийское море. Здесь жили собственно поморяне (на западе) и кашубы (на востоке). Главная часть страны — поморская озерная область с многочисленными озерами и торфяными болотами. Эта страна, лишь в XII веке вошедшая в состав польского государства, в конце концов подверглась полной германизации. Города — Гданск и Колобрег.

Силезия — страна сленэан, расположена была в бассейне верхнего и среднего Одера. С XIV века она утратила политическую связь с остальной Польшей. Главный город — Вроцлав.

На западе польские племена соседили с полабскими славянами, на юге — с чехами, на севере — с литовскими племенами, на востоке — также с литовскими племенами и с русскими славянами.

Главное занятие поляков, как и всех славян на заре их исторической жизни, было огневое земледелие. Рассеянные на огромном пространстве среди дремучих лесов, они при помощи огня очищали небольшие пространства от лесной растительности и выкорчевывали их. На очищенных от леса участках, обильно удобренных золой, они вели

первоначально ручное земледелие, т. е. обрабатывали землю при помощи мотыги (м о т ы ж н о е земледелие), а затем перешли к употреблению сохи и рабочего скота.

Огневое хозяйство требует упорного и притом коллективного труда. Вот почему основой общественного быта у поляков, как и у других народов, занимавшихся этим хозяйством, был коллектив — неразделыная, с неограниченной отцовской властью, семья. Постепенно разрастаясь, семья образовывала род, т. е. крупную общественную единицу, все члены которой, сознавая свое кровное родство, связаны были общими хозяйственными целями, к достижению которых они делали коллективные усилия. Польские роды образовывали поселение — «веси» (wieś), которые являлись самостоятельными хозяйственными единицами, управляемыми родовыми старейшинами. Эта хозяйственная обособленность ставила отдельные роды во враждебные отношения друг к другу, развивая в них хищнические инстинкты: роды не только враждовали друг с другом, но часто совершали и настоящие военные экспедиции друг против друга. Целью этих экспедиций чаще всего был грабеж и захват пленных, в особенности женщин.

Все члены отдельного рода были свободны и пользовались совершенно одинаковыми правами. Обрабатываемые земельные участки, пастбища и леса были общей родовой собственностью. Право частной собственности распространялось только на предметы личного потребления и на оружие.

Кроме земледелия, главного и основного занятия польских племен, непосредственно влиявшего на их общественный строй, нужно отметить и подсобные промыслы, связанные с жизнью среди лесов на берегах рек: бортничество, охоту и рыболовство. Скотоводство во время родового быта не играло у поляков, как и вообще у всех славян, сколько-нибудь заметной роли.

По мере того как родовые интересы уступали место более широким общественным интересам, польские роды стали об'единяться по хозяйственным соображениям в более широкие социальные группы, в так называемые ополья (opole), соответствующие русской верви. С течением времени соседние ополья об'единились в п л е м е н а. И ополья и первоначально племена не знали единоличной власти, управляясь собранием родовых старейшин. Необходимость организовывать время от времени племенную военную силу для нападения на соседнее племя или для отражения нападения заставляла племена на время войны выбирать военноначальника — жупана, воеводу. Последний во время войны обыкновенно получал значительно бо́льшую часть добычи, чем рядовые

члены племени. Добыча эта состояла главным образом в пленных, которые становились рабами жупана. Владея многими рабами, жупан их трудами очищал от лесу и обрабатывал большие пространства земли, которые выделялись из общей племенной сокровищницы, становились личной собственностью жупана и служили источником его обогащения. А вместе с богатством в руки жупана стала переходить постепенно и власть над племенем. Так среди польских племен возникла княжеская власть, которая стала передаваться по наследству.

Религия польских славян, подобно религии прочих славянских народов, состояла в культе предков и поклонении силам природы. Культ предков стоит в самой тесной связи с организацией семьи, в частности с неограниченной властью ее главы. И после смерти последний внушал живым членам семьи страх и уважение: влияние его на жизнь не прекращалось и после смерти. Отсюда культ предков, имевший целью расположить в пользу семьи прежде всего умерших домовладык, а затем вообще всех покойных членов семьи. Среди польских славян культ предков получил особенно сильное развитие, сохраняясь долгое время и в христианскую эпоху в виде целой системы обрядов, посвященных памяти умерших («dziady»). У нас нет определенных сведений о божествах, в лице которых польские славяне олицетворяли различные силы природы, но несомненно, что они чтили те же божества, что и славяне русские.

Так, до сих пор слово «перун» (piorun) в польском языке обозначает гром, а обычай колядования, сохранившийся в Польше, ничем в сущности не отличается от того обряда, который мы можем наблюдать теперь на Украине.

У поляков, как и у большинства славян, не было храмов, в которых они чествовали бы своих богов. Это они делали в священных рощах и на холмах, где они приносили богам жертвы, т. е., попросту говоря, корм [1]) в виде плодов, животных, а иногда и пленников. Последнее обстоятельство указывает на существовавшее у славян, когда они не вышли еще из состояния дикости, людоедство: обряды в честь богов совершали обыкновенно главы семей или родоначальники, что еще более усиливало их власть. Обычай жертвоприношения указывает вообще на материалистическое мировоззрение первобытного славянина, который и богов своих представляет себе в виде суб'ектов, поддерживающих свое существование пищей. Тем же мировоззрением об'-

[1]) Слово «жертва» — того же корня, что и слово «жрать». От того же корня происходит и слово «жрец».

ясняется и обычай древних поляков, как и прочих славян, хоронить вместе с покойниками и вещи, которыми они пользовались при жизни: на том, мол, свете пригодится!

По физическому своему типу польские славяне X века ближе всего подходили к славянам русским того же времени. Они были высокого роста, имели смуглый цвет лица, светлые волосы и голубые глаза. Они отличались искренностью, трудолюбием, честностью, гостеприимством. Войны они не любили, но мужественно защищали свою честь и свободу. Члены одного рода защищали друг друга от покушений со стороны чужих родов путем кровавой мести.

До X века у нас нет точных сведений о жизни польских племен, так как они, расселенные среди дремучих лесов и непроходимых болот, до указанного времени непосредственно не соприкасались с цивилизованными народами. Немцы, войдя в X веке в соприкосновение с польскими племенами, нашли у них уже сложившуюся государственную власть в лице национальных князей.

Процесс государственного об'единения польских славян начался в земле полян, где на заре истории Польши были все данные для общественной дифференциации, в итоге которой возникла княжеская власть.

Еще в глубокой древности между реками Вислой и Вартой шел торговый путь из Италии к берегам Балтийского моря. Этим путем ходили итальянские купцы за янтарем. Многочисленные озера, соединенные тогда друг с другом реками, облегчали купцам перевозку товаров. Впоследствии этим же путем стали пользоваться и киевские купцы в своих сношениях с янтарным побережьем. Важнейшим пунктом этого пути было поселение Крушвица, расположенное на берегу озера Гопло. Окрестности Крушвицы были богаты солью, которая еще в начале средних веков была не только важной статьей международной торговли, но и играла роль монеты. Тот род полян, который владел Крушвицей, занял в конце концов привилегированное положение среди своего племени: обладание важным торговым пунктом и запасами соли доставило ему богатство, а вместе с ним влияние и силу. По всей вероятности это был род Попелей, с которыми народное предание связывает возникновение польского государства. Один из представителей этого рода для защиты своих богатств и с целью господства над своими соплеменниками построил на берегу озера каменный замок и стал осуществлять в земле полян княжескую власть. Конечно, ему пришлось столкнуться со старым родовым укладом, но богатым и сильным попелидам не трудно было с ним справиться, так как этот

уклад под влиянием все развивавшегося товарно-денежного хозяйства стал уже разлагаться. По преданию, один из Попелидов отравил 12 представителей окрестных родов и стал распоряжаться в стране вполне самовластно. Династия Попелидов сменилась в Польше династией Пястов. Легендарный основатель этой династии, как показывает его имя [1]), по всей вероятности, был в родственных отношениях с Попелидами, но, воспользовавшись всеобщей ненавистью против последних, стал во главе народного восстания и в конце концов сам захватил власть.

Как бы то ни было, к середине X века страна полян представляла собой определенное политическое образование, княжество, во главе которого стояла национальная династия. С этого времени название Польши, которым первоначально обозначалась небольшая сравнительно область полян, начинает переноситься на всю страну, населенную польскими славянами.

Параллельно с развитием и усилением княжской власти в Польше происходит выделение из однородной первоначально народной массы особого слоя населения — так называемого можновладства. Увеличение населения, развитие торгово-денежного хозяйства и усовершенствование земледельческой техники способствовали разложению древнего родового строя. Среди родовых общин все чаще и чаще появляются люди, которым тесно становится в рамках патриархальной семьи, которых, с изменившимися экономическими условиями, прельщает возможность жить самостоятельно, независимо от патриархально-семейного гнета. Разложение родового быта выражается прежде всего в выходе отдельных семей из рода и занятии ими новых земельных участков вне культивируемой родовой территории. Эти земельные участки становились уже собственностью отдельных семей. Разлагающаяся родовая община была великолепным источником, питавшим эти новые социальные образования: она стала поставлять для последних рабочие руки в лице тех членов рода, которым выгоднее казалось работать на своих предприимчивых бывших сородичей, чем вариться в соку разлагающегося рода. Это обстоятельство естественно вызывало среди племени своеобразные экономические взаимоотношения, прежде всего кабальную зависимость продающих свою рабочую силу от покупающих ее. В результате этих взаимоотношений среди польских племен образовалось особое сословие, занявшее привилегированное положение по отношению к своим сородичам.

---

[1]) Пяст — пестун, кормилец, дядя.

Это сословие сделалось естественным союзником князей, с которыми его связывала общность интересов, возможность использовывать в своих интересах народные массы. Кроме того, оно поддерживало княжескую власть, как источник настоящего рабства. Известно, что войны, которые вели древне-русские и польские князья, были в сущности экспедициями с целью захвата пленных. Родовой общине пленные были не нужны, так как она со всеми работами справлялась собственными силами. Что же касается князей и можновладства, ведущих индивидуальное хозяйство, то дешевые, а тем более даровые рабочие руки были для них предметом самых заветных вожделений, тем более, что избыток пленных можно было выгодно продать как на восточных, так и на немецких рынках. Этими меркантильными соображениями прежде всего об'ясняется воинственность, характеризовавшая и князей и их приближенных.

Первым историческим князем Польши, фактически об'единившим под своей властью все польские племена, был Мешко I (Мечислав) из рода Пястов, умерший в 992 году. В его княжение произошло очень важное событие, в значительной степени определившее дельнейшую историю Польши — принятие христианства.

К середине X века происходят первые столкновения польских князей с немецкими. Немецкие князья свои разбойничьи набеги на соседившие с ними славянские племена прикрывали обыкновенно религиозными соображениями, желанием «просветить язычников светом христовой веры». Этими соображениями оправдывалось уничтожение целых славянских племен или в лучшем случае их порабощение. В этих разбойничьих походах обязательно принимало участие христианское духовенство, несущее в родовые славянские общины вместе с евангелием и крестом смерть и рабство. Духовенство с его сложной иерархией, рассчитанной на господство над «обращенными», было прекрасным политическим орудием в руках князей: епископы, прелаты и прочие духовные чины целой системой гнусных обрядов и проповедей запугивали доверчивых первобытных людей ужасами мести со стороны злобного бога, внушали им мысль о необходимости покоряться не только этому богу, но и всем земным владыкам. Духовенство работало в этом направлении, конечно, не бескорыстно: владетельные разбойники предоставляли ему полную возможность эксплоатировать «обращенных» по своему разумению и усмотрению. Но такое сотрудничество со светскими властями показалось христианскому духовенству невыгодным, и оно додумалось в конце концов до организации так называемых духовных орденов, т. е. стало организовывать собственные

разбойничьи шайки, орудовавшие с одинаковой ловкостью и крестом и мечом.

Опасность быть порабощенной немецкими светскими и духовными разбойниками для Польши определилось ко времени княжения Мешко 1. Восточные германские маркграфы — Герон, Вихман и Одон — под предлогом борьбы с «неверными» и обращения их в христианство совершали набеги на польскую территорию, предавали ее опустошениям, грабили скудное достояние мирных земледельцев, уводили пленных, которых тысячами продавали в рабство.

Чтобы предохранить свою землю от окончательного порабощения, Мешко I отдался под покровительство императора и принес ему ленную присягу. Но этот шаг не принес желательных для Мешко результатов: император не мог или не желал оказывать действительную защиту представителю языческого народа. Тогда у Мешко возникла мысль самому принять христианство и навязать его и своим соплеменникам, чтобы таким образом обезоружить своих врагов, лишив последних главного основания для их разбойничьих нападений. С этой целью Мешко вступил в близкие отношения с Чехией, недавно принявшей христианство, женился на Дубравке — дочери чешского князя Болеслава I, и в 966 году крестился в Гнезне, распорядившись, чтобы и весь польский народ сделал то же самое.

Принятие христианства не только обеспечивало в значительной степени неприкосновенность польских границ, но и способствовало усилению власти польских князей.

Одновременно с крещением Мешко город Познань был об'явлен резиденцией первого польского епископа. Первым польским епископом был немец, а большинство рядовых священников — чехи. Мало-по-малу ряды местного духовенства стали пополняться и представителями местного населения, причем высшие церковные должности занимали исключительно представители можновладства. Так образовалась церковная аристократия, всеми своими интересами связанная со светской.

Распространение христианства среди широких масс польского населения шло очень туго. Это религиозное учение было совершенно чуждо мировоззрению древнего славянина и ни в коей мере не соответствовало укладу его жизни. Привыкши удовлетворять свои первобытные религиозные потребности без специального сословия жрецов, он особенно недоброжелательно встретил христианских священников, не только навязывавших ему ненужное и непонятное учение, но и обременявших его целой системой поборов.

При таких условиях роль распространителей христианства среди «неверных» и защитников духовенства взяли на себя польские князья, которые в данном случае пошли по дорожке, протоптанной немецкими маркграфами. В области, отказывавшиеся креститься и принять навязываемых им священников, князья снаряжали специальные экспедиции, пути которых обозначались убийствами, грабежами и пожарами. В этих экспедициях самое деятельное участие принимало христианское духовенство: так уже на заре польской истории завязывался прочный союз меча и рясы.

Ко времени княжения Мешко I относится первое военное столкновение княжеской Польши с Русью.

Государственное об'единение русских славян произошло почти одновременно с об'единением славян польских. Но в то время, как переход Польши от племенного быта к государственному произошел в результате усиления одного из местных родов, подчинившего себе в конце концов все польские роды и племена, государственное об'единение русских славян было результатом военно-торговой деятельности в их стране одного из норманских племен, так называемых варягов. Первые норманские князья довольствовались захватом важнейших торговых пунктов на водном пути «из Варяг в Греки», т. е. из Балтийского моря в Черное (Великий Новгород — Киев — Царьград), и набегами на соседние восточно-славянские племена. Русские славяне, подобно польским, жили преимущественно среди лесов, занимались первобытным земледелием и подсобными лесными промыслами. Ко времени появления варяжских князей, т. е. ко второй половине IX века, они уже жили племенным бытом и управлялись своими племенными князьями. Потомки норманских князей, пустив с течением времени глубокие корни среди местного населения новгородской и киевской земель, постепенно прибрали к рукам этих племенных князей, обратив их в своих подручников и слуг.

Вся несложная организация власти норманских князей на Руси была направлена на собирание с туземных племен дани, т. е. таких произведений земледелия и лесных промыслов, которые могли быть предметом торговли с Царьградом, а также на захват пленных — самого ходкого по тому времени товара.

Все усиливавшиеся аппетиты потомков норманских князей, так называемых рюриковичей, должны были в конце концов столкнуться с неменьшими аппетитами князей польских, вывести и русские и славянские племена из более или менее мирного сожительства и бросить их друг на друга.

Мешко I, подчиняя своей власти польские племена, захватил и Хробацию (Малую Польшу) и вошел в соприкосновение с племенами русских славян, занимавшими по соседству с нею Червенскую землю. Последняя была без труда завоевана польским князем, т. е. разграблена, опустошена и обложена тяжелой данью.

Современником Мешко был киевский князь Владимир Святославович («Святой»). Облагая данью все русские племена, он в завоевании польским князем Червенской земли увидел нарушение своих интересов и, по словам киевской летописи, отправился в 981 году походом против поляков и отнял у них Червенскую землю.

При таких обстоятельствах произошло столкновение русских племен с польскими, — столкновение, причиной которого были своекорыстные расчеты их князей и стоявшей за ними знати.

Во время войны из-за Червенской земли Владимир Святославович был еще язычником, как и все подвластные ему русские племена. Сам он принял христианство и стал вводить его среди подвластных ему племен лишь в 988 году.

Христианство было занесено в древнюю Русь из Константинополя, с которым издавна связывали ее торговые интересы. После принятия христианства господствующие классы на Руси на долгое время подпали под культурное влияние упомянутого мирового центра, в то время как в Польше, позаимствовавшей христианство с Запада, эти классы подчинились влиянию последнего. Но византийская и римская культуры, несмотря на то, что обе они носили на себе яркий религиозный отпечаток, были по существу культурами враждебными (вражда эта об'ясняется прежде всего, конечно, соперничеством господствовавших классов Рима и Византии в области их экономических интересов).

Поэтому вполне понятно, что принятие христианства способствовало возникновению культурного отчуждения между родственными и в сущности культурно об'единенными польскими и русскими славянами.

Сын Мешко I, Болеслав Храбрый, присвоил себе титул короля Польши и передал его своим преемникам.

Об'единив под своею властью Польшу, Пясты, несмотря на постоянные столкновения с соседней могущественной Германской империей, от которой они с трудом отстаивали свою независимость, принимали самое деятельное участие в делах русских князей, с которыми они связаны были родственными отношениями.

Болеслав Храбрый, дочь которого была замужем за киевским князем Святополком (Окаянным), вмешался в борьбу последнего с братом Ярославом (Мудрым) за киевский престол. Уступая просьбам своего

зятя и рассчитывая вернуть Червенскую землю, он выступил в 1018 г. против Ярослава. Войска сошлись на берегах Буга, где Ярослав потерпел решительное поражение. После этой победы Болеслав занял Киев, посадил на киевском престоле Святополка и сам около месяца прожил в Киеве, самовластно распоряжаясь делами киевского княжества. На обратном пути в Польшу он занял червенские города, отнятые у него Владимиром Святославовичем, и возвратился в свое государство с огромной добычей и несколькими тысячами пленных.

Достигнув главной цели — завоевания Червенской земли и военной добычи, Болеслав бросил на произвол судьбы Святополка, который без поддержки своего тестя вскоре был изгнан из Киева Ярославом и умер в изгнании.

После смерти Болеслава Храброго (1025) сыну и наследнику его, Мешко II, пришлось вести войну с императором Конрадом II. Затруднительным положением польского короля воспользовался киевский князь Ярослав (Мудрый) и отнял у него Червенскую землю, предварительно опустошив и ограбив ее.

Но это обстоятельство не помешало Ярославу вступить в самые близкие отношения с сыном Мешко II, Казимиром I, выдать за него сестру свою Марию Добротневу и вмешаться во внутренние дела Польши. Вмешательство это было вызвано следующими обстоятельствами.

Переход от племенного строя к государственному совершался в Польше крайне болезненно, причем этот естественный процесс ускорялся вмешательством в него необыкновенно быстро развившейся единоличной княжеской власти. Когда, в результате разложения родового быта, появляются индивидуальные хозяйства и возникает можновладство, мало помалу подчинявшее себе экономически менее сильные разлагающиеся родовые общины, польские князья определенно становятся на сторону можновладства, видя в нем опору своей власти. Такое отношение к можновладству со стороны княжеской власти вполне понятно. Можновладство, порвавшее с родовыми традициями, видевшее в этих традициях препятствие для достижения своих личных целей, естественно тянуло к новому порядку вещей, к новой власти, столь же враждебной старому родовому и племенному укладу. Поэтому первые польские князья, смотревшие на свое княжество как на вотчину, ревниво оберегая свою единоличную власть от всяких посягательств со стороны можновладства, в то же время желали создать из него господствующий класс и совершенно развязывали ему руки для экономической эксплоатации массы земледельческого населения, продолжавшего крепко держаться своей общинной земли и древнего уклада. Понятно,

какие чувства питала эта масса и к можновладству и к его покровителям.

Одновременно с усилением на счет родового строя княжеской власти увеличивается число несвободного населения. Главной военной добычей князей были военнопленные, обращаемые обыкновенно поголовно в рабство. Князья или продавали этих пленных в чужие страны, или селили их на незанятых земледельческим населением землях, считавшихся собственностью князя. Такие поселенцы, обрабатывавшие землю в пользу князя, положили начало крепостному крестьянству. Заселенные таким образом земли князья стали щедро раздавать можновладству за его военную службу и за помощь, оказываемую им по управлению государством — вотчиной. С увеличением земель, заселяемых пленными, и продолжавшимся разложением родового строя происходит процесс обращения в крепостных и искони свободного туземного земледельческого населения: экономически слабые выходцы из родовых общин, не будучи в состоянии вести самостоятельное хозяйство, часто предпочитают селиться на «панских» землях и таким образом добровольно становятся крепостными; прибегать к этому выходу нередко заставляют свободного земледельца и всевозможные кабальные отношения, связывавшие его с соседями; зачастую целые свободные общины земледельцев обращались в крепостных путем самого беззастенчивого насилия. Как бы то ни было, в Польше уже в XII веке свободные земледельцы, сидевшие на собственной земле, были крайне редким исключением. Понятно, что этот процесс закрепощения начался гораздо раньше, с момента возникновения княжеской власти, и сознавался населением как результат возникновения последней.

Христианство было навязано польскому народу, и эту религию приходилось распространять почти повсеместно силою оружия. Особенно враждебно было встречено этим народом духовенство, которое сразу же стало играть среди него роль можновладства. Оно получало от князей огромные земельные угодья, населенные крепостными, и, кроме того, облагало население в свою пользу десятиной, чем вызывало со стороны этого населения жгучую к себе ненависть.

Государственное управление в пястовской Польше соответствовало взгляду князей этой династии на Польшу, как на свою вотчину: народом правили княжеские слуги. Все эти палатины, подкомории, канцлеры и т. д. были, в сущности говоря, княжескими холопами, совершенно чуждыми населению, ничем с ними не связанными. Понятно, что все действия этих княжеских «чиновников» ни в коей степени не имели в виду блага народа и сводились к насилию и поборам. Вся масса свобод-

ного и несвободного земледельческого населения пястовской Польши влачила самое жалкое существование. Непосильные поборы в пользу князя, десятины в пользу духовенства, всевозможные натуральные повинности и беспрерывные войны, обогащавшие князей, можновладство и духовенство, привели его уже ко времени Мешко II к полному обнищанию. В то же время княжеский двор утопал в необыкновенной по тому времени роскоши. Сохранились сведения о сильном впечатлении, которое произвела на Оттона III пышность двора Болеслава Храброго во время посещения императором столицы Польши Гнезна в 1000 году. За князем тянулись, конечно, и можновладство и духовенство. Эти привилегированные слои тогдашнего польского общества обогащались не только на счет военной добычи, но и на счет пота и крови всей остальной массы населения, вызывая в нем чувство ненависти и жажду мести.

Вот причины, которые вызвали в Польше после смерти Мешко II (1034 г.) в княжение его сына Болеслава народное восстание. Доведенный до отчаяния княжескими порядками, народ единодушно поднялся против князя, его чиновников и духовенства. Восстание было поднято во имя возвращения к старым племенным порядкам и языческой религии.

Во главе восстания стали племенные старейшины. Наибольшую популярность среди них приобрел потомок старейшин одного из влиятельнейших мазовецких племен по имени Маслав, провозгласивший себя князем Мазовии. Угнетенные народные массы, охотно примкнувшие к смелому и решительному руководителю восстания, опять обратились к язычеству и стали уничтожать княжеских сторонников: можновладство, духовенство и княжеских слуг. Болеслав Мешкович пытался было подавить восстание, но безуспешно: скоро он погиб во время борьбы с народом. В результате этого восстания Польша опять распалась на отдельные племенные об'единения, а значительная часть ее была занята чешским князем Бретиславом.

У Болеслава Мешковича был брат Казимир, изгнанный им из Польши и нашедший приют у императора Генрика III. После смерти Болеслава Казимир склонил императора к вмешательству в польские дела с целью возвращения польского престола «законному» государю. Генрик III вторгнулся в Чехию и заставил Бретислава очистить занятую им часть Польши, а Казимир с немецкими рыцарями возвратился в Польшу и вступил в борьбу с Маславом. Последний легко отразил нападение Казимира и сам, в свою очередь, перешел в наступление. Тогда Казимир обратился за помощью к киевскому князю Ярославу Владимировичу (Мудрому). Ярослав, рассчитывая на богатую военную добычу и желая приобрести влияние на польские дела, а также укрепить завязавшиеся

торговые отношения между Русью и Польшей, охотно согласился помочь Казимиру. Для укрепления союза с последним он выдал за него свою сестру Марию Доброневу и, породнившись таким образом с Пястами, выступил против Маслава.

Вмешательство Ярослава в борьбу Казимира с польским народом решило исход этой борьбы. Войско Маслава было уничтожено, дружина Ярослава совместно с немецкими рыцарями разгромила и разграбила значительную часть Польши, и «законный порядок» был восстановлен: Казимир воссел на польском престоле, население Польши опять «приняло» христианство, опять ему на шею село духовенство, опять им стали управлять княжеские слуги.

Сын и наследник Казимира I, Болеслав II Смелый (1058—1079), в свою очередь, вмешался во внутренние дела Руси и два раза (в 1069 и в 1076 гг.) совершал походы в киевскую землю для восстановления на киевском столе Изяслава Ярославовича, изгнанного младшими братьями. Вмешательство это было, конечно, не бескорыстно: оно сопровождалось, по обыкновению того времени, ограблением значительной части населения русских областей, захватом большого количества пленных и, повидимому, занятием Червенской земли.

При Владиславе I Германе (1079—1102) опять Червенская земля была захвачена русскими князьями Ростиславовичами, сыновьями Ростислава, внука Ярослава I. И опять захват Червенской земли сопровождался разорением этой злополучной области.

Сын Владислава Германа, Болеслав III Кривоустый (1102—1138), был женат на дочери Святополка киевского — Збиславе. Прикрываясь родственными соображениями, он вмешивался в междоусобные войны русских князей, боролся с Владимиром Мономахом, чтобы грабить и уводить в плен жителей пограничных с Польшей русских областей.

Отношения первых польских и русских князей не ограничиваются взаимным вмешательством во внутренние дела обеих стран с явным ущербом для их населения и столкновениями за Червенскую землю. Постепенно при непосредственном участии этих князей развивается и русско-польская торговля. В этом отношении главную роль играют русские князья, потомки предприимчивых и воинственных варягов, вооруженных купцов-грабителей. Повидимому, они были посредниками в торговых сношениях Польши с Византией: еще при Болеславе III в Польше ходила византийская и русская монеты.

Ко времени смерти Болеслава Кривоустого обычно приурочивают конец древнейшего периода польской истории. Этот период характеризуется разложением первобытного коллективного хозяйства и племен-

ного строя, дифференциацией населения, выразившейся в возникновении привилегированного шляхетского сословия и несвободного земледельческого населения, узурпацией власти племенных князей представителями одного рода (Попелиды, Пясты), введением христианства и установлением духовной иерархии, как опоры возникающей сословной аристократической монархии, борьбой князей за власть над об'единенными под их властью польскими племенами с соседними владетельными князьями, главным образом с немецкими, завоеванием некоторых слабых литовских племен, вмешательством в русские дела, упорным стремлением польских князей завоевать Червенскую землю, обнищанием трудового населения и его тщетными попытками восстановить старый племенной строй, возникновением торговых отношений привилегированных классов со всеми соседями и с Византией при посредничестве русских купцов.

Особенно оживленными были в этот период отношения между польскими и русскими князьями, часто об'единенными общностью интересов. Несмотря на различное происхождение княжеской власти в стране польских и русских славян, представители этой власти в одинаковой степени были чужды и тем и другим. Не принося с собой, вопреки общепринятому до последнего времени мнению, никаких творческих государственных начал, ограничивая свою роль обиранием населения, переживавшего и так глубокий кризис в связи с разложением «ойкосного» хозяйства, приспособляя весь аппарат с воей власти к этому обиранию, первые и русские и польские князья сыграли главным образом роль фермента, ускорившего это разложение, и подготовили таким образом почву для возникновения сословного, феодального строя.

После смерти Болеслава Кривоустого (1138) в Польше устанавливается тот же государственн порядок, какой введен был на Руси завещанием Ярослава Владимировича (Мудрого). Подобно Ярославу, Болеслав, видя в об'единенных под властью Пястов польских областях свою «вотчину», разделил их между своими четырьмя сыновьями: Владиславом, Болеславом, Мечиславом и Генрихом. Пятый сын его, малолетний Казимир, не получил удела и, по завещанию Кривоустого, должен был находиться на попечении братьев. Старший сын Кривоустого, Владислав, подобно сыну Ярослава Изяславу, был поставлен во главе братьев; ему же были отданы наиболее важные по своему окраинному положению области — Краковская земля и Поморье. Таким путем Кривоустый предполагал сохранить политическое единство своей земли. Но единство это было очень непрочно и во время Кривоустого, так как в Польше

к тому времени вполне сложился класс можновладства с определенными центробежными тенденциями и стремлениями к захвату власти на местах.

При преемниках Кривоустого можновладство уже открыто подняло голову: оно теперь стремится к тому, чтобы закрепить свое привилегированное положение за счет княжеской власти. С этой целью оно становится на сторону удельных князей в их борьбе с великим князем Владиславом, пытавшимся установить единовластие. На помощь светскому можновладству, возглавляемому воеводой Вшебором, выступило и духовенство в лице архиепископа Якова Жнинского, отлучившего от церкви Владислава и благословившего на борьбу с ним его братьев.

Владислав обратился за помощью к русским князьям, которые однако не смогли оказать ему существенной помощи, и он принужден был бежать к своему шурину, императору Конраду III, уступив свою власть брату, Болеславу Мазовецкому (1146).

Успешное выступление можновладства против Владислава ободрило его к дальнейшей борьбе за свои привилегии. Централизованная княжеская власть, ревниво оберегавшая себя от всяких покушений со стороны поместной как светской, так и духовной знати, была для этой знати нежелательна. При раздроблении княжеской власти можновладство скорее могло осуществить свое стремление — подчинить себе на местах экономически и политически всю массу земледельческого населения. Поэтому во время бесконечных княжеских усобиц, начавшихся после смерти Кривоустого, можновладство всегда держит руку удельных князей, выступающих против великого князя, и получает от них ряд привилегией, все более выделяющих его из всей массы населения в ущерб последнему. Так можновладство организовало восстание («rokosz») и против третьего сына Кривоустого, Мешко III, который попытался было прибрать к рукам усиливавшуюся знать. Во главе этого восстания стало духовенство с епископом краковским Гетко. В конце концов Мешко был изгнан из Кракова, и на краковский стол был призван самый младший сын Кривоустого Казимир.

Казимир II (1177—1194), обязанный престолом духовенству, предоставил ему всевозможные льготы и пользовался в течение всего своего княжения его расположением и поддержкой. Благодаря последней Казимиру удалось об'единить в своих руках почти все польские земли. Но фактически он находился всецело под влиянием духовенства, которое сообщало его внутренней и внешней политике ярко выраженный клерикальный отпечаток. С этого времени клерикальные соображения на-

51752
Библиотека Остфака Университет

чинают играть в деятельности польских государей более или менее видную роль.

Что же касается Казимира II, то несомненно влиянием окружавшего его духовенства об'ясняются его захватнические стремления по отношению к Руси.

Казимир установил свой протекторат над пограничным с Польшей княжеством Волынским, где княжил его племянник Роман Мстиславович, и присоединил к этому княжеству Брест-Литовский, когда население выгнало оттуда своего князя. Когда же в соседнем Галиче вспыхнуло восстание и оттуда был изгнан князь Владимир Ярославович, Казимир помог Роману присоединить к своим владениям и это княжество. Но когда Роман был изгнан из Галича венгерским королем, который посадил там своего сына, а Владимир нашел поддержку у императора Фридриха I, Казимир, желая, с одной стороны, снискать расположение императора, а с другой — сохранить свое влияние в Галиче, прогнал венгерского королевича и посадил в Галиче Владимира, обязав его признать протекторат Польши.

Протекторатом Казимира II над указанными русскими областями воспользовалось прежде всего католическое духовенство, которое начинает постепенно проникать туда и довольно удачно конкурировать с духовенством православным в области десятины и других поборов.

Казимир, ставленник крупного духовенства и фактически покорный исполнитель его воли, на все лады превозносится представителями этого сословия, давшими ему прозвище «Справедливого»; ему же поет дифирамбы известный летописец Кадлубек.

После смерти Казимира II на краковский стол после продолжительных смут был посажен духовенством сын Казимира Лешек Белый (1202—1227). Будучи, подобно отцу, послушным орудием в руках духовенства, он все свое государство отдал «под покровительство св. Петра». Из событий этого княжения необходимо отметить вмешательство Лешека в дела Галицкого и Владимирского княжеств.

После прекращения в Галиче линии Ростиславовичей это княжество занял князь Роман Мстиславович Волынский, которому, как было сказано выше, не удалось утвердиться в Галицкой земле при поддержке его дяди Казимира II. Честолюбивый Роман, с одной стороны, тяготился зависимостью от польского князя, а с другой — не мог забыть и вероломства последнего, покинувшего его в критический момент в угоду императору. Решив освободиться от этой зависимости и упрочиться на галицком столе, Роман в 1205 году начал войну с Лешеком и

вступил в пределы Люблинской земли, но в битве у Завихоста потерпел поражение и был убит.

После смерти Романа в Галицком княжестве бояре начинают играть ту же роль, какую со времени Казимира II играло в Польше можновладство. Воспользовавшись малолетством сыновей Романа, Даниила и Василько, они захватили в свои руки всю власть и пользовались ею ради увеличения своих земельных владений и постепенного закрепощения мелких представителей разлагавшихся и здесь родовых общин. Распоряжаясь княжеским престолом по своему усмотрению, они уронили всякий авторитет княжеской власти в глазах населения, переменившего уплату всевозможных поборов в пользу князя на фактически крепостные отношения к боярам. Усиление боярства и его близорукая эгоистическая политика были причиной глухого брожения среди галицкого населения и его частых открытых возмущений. Лешек решил воспользоваться галицкими смутами и захватить галицкую землю, но встретил отпор своим намерениям со стороны венгерского короля Андрея II, который сам на время захватил Галич, вследствие чего влияние польского можновладства временно сменяется влиянием венгерского короля и его знати.

История Польши первой половины XIII века характеризуется распадением этой страны на фактически самостоятельные княжества, усилением на местах власти светского и духовного можновладства, сосредоточением в его руках огромной земельной площади, обезземелением и фактическим закрепощением большинства земледельческого населения. Польские князья и можновладство в это время подпадают под влияние немецкой феодальной знати и папского Рима и ведут в угоду им близорукую, агрессивную политику по отношению к соседним с Польшей языческим литовским племенам.

Наиболее ярким примером этой политики служит приглашение в Польшу в 1226 году князем мазовецким Конрадом одного из военно-духовных орденов, изгнанного из Палестины, а затем и из Венгрии, где он поселился с разрешения венгерского короля Андрея II. Конрад отдал этому ордену довольно значительную часть польской территории (Хелминскую и Нешавскую земли) с условием, что орден завоюет для Польши пограничную с Мазовией прибалтийскую землю, населенную языческим племенем пруссов. Орден этот, под предлогом распространения христианства среди язычников, не только захватил всю землю пруссов и их самих совершенно уничтожил, но стал то же самое проделывать и в стране соседних с пруссами ятвягов и других литовских племен, вызывая страшную ненависть последних к немцам

и к полякам, их союзникам и покровителям. Как известно, это покровительство польских князей дорого обошлось Польше: орден обратился в конце концов против своих покровителей, и не мало было пролито польской крови в борьбе с немецкими рыцарями-монахами.

Время наиболее резко выявленной децентрализации государственной власти в Польше и фактического перехода ее в руки поместной земельной знати, т. е. время, когда вполне определенно слагается польский феодализм, совпадает с нашествием на Восточную Европу татар. К этому же времени и княжеская власть на Руси прошла в общих чертах эволюцию, отмеченную нами для Польши: то же распадение земли на самостоятельные княжества, то же усиление политической власти поземельной знати, основанное на обезземеливании массы земледельческого населения.

Татарское нашествие, окончившееся включением русских областей в пределы огромной монгольской державы и сопровождавшееся разорительными набегами на польские земли, значительно изменило начавшиеся определяться в известном направлении русско-польские отношения.

Прежде всего нужно отметить факт образования могущественного Галицкого государства.

Галицкая земля, расположенная в юго-западной части восточноевропейской равнины и по северо-восточным склонам Карпат, на границе с Западной Европой, соседившая с поляками, венграми, степными кочевниками и Киевским и Владимирским княжествами, имела все данные, чтобы занять первенствующее положение среди прочих русских областей. Мягкий климат и плодородная почва очень способствовали интенсивному развитию земледелия и скотоводства, которые не только обеспечивали своими продуктами местное население, но и давали ему значительные излишки, вывозимые в соседние области. Благодаря мощным залежам соли Галиция снабжала этим продуктом всю тогдашнюю Русь и ближайших западных соседей, что способствовало оживлению в стране торговых сношений и раннему возникновению многочисленных городов и предприимчивого городского населения.

Но эти преимущества Галиции делали эту страну в глазах соседей очень лакомым куском: венгерские короли, польские, киевские и владимирские князья вели за нее бесконечные войны и держали ее в состоянии непрерывных смут и междоусобий.

После татарского нашествия, стеревшего с лица земли Киевское и Волынское княжества, страшно опустошавшего Польшу и Венгрию

и постоянно угрожавшего им завоеванием, Галицкая земля была на время предоставлена самой себе: соседям было не до нее.

По счастливой случайности татарский хан придавал мало значения этой земли и даже не обложил ее данью, обязав только князя Даниила Романовича, утвердившегося после продолжительных смут на Галицком столе еще до нашествия татар, помогать ему войском. При таких условиях Даниилу не трудно было сосредоточить в своих руках всю государственную власть в княжестве и подчинить ей галицких бояр, оставив, впрочем, в их руках огромные земельные владения с закабаленным им населением. Даниил постепенно присоединил к своему княжеству разоренные татарами русские земли вплоть до Киева. В течение нескольких лет, оставленный в покое всеми соседями и татарами, он настолько усилился, что стал подумывать о войне с татарами и о полной от них независимости. С этой целью он завязал сношения с римским папой, рассчитывая получить от него помощь, но тот ограничился присылкой Даниилу королевского титула. Выступление Даниила против татар собственными силами окончилось неудачей, и ему пришлось примириться с зависимостью от них.

Впрочем, эта зависимость была номинальной и нисколько не мешала Даниилу быть вполне самостоятельным как во внутренних делах его государства, так и в сношениях с иностранными державами. Он вел великодержавную политику, которая дорого обходилась населению. Насколько тяжело жилось последнему, свидетельствует тот факт, что жители юго-западной части княжества обратились к татарскому хану с просьбой взять их в непосредственное свое управление. К тому же стремились и жители восточной окраины княжества, но Даниил силою удерживал их в своем подчинении.

После татарского нашествия Даниил по отношению к Польше повел резко агрессивную политику. Так, во время одного из нашествий татар на Польшу отряды Даниила принимали вместе с татарскими ордами участие в опустошении этой страны. Он искусно пользовался раздроблением политической власти в Польше и происходившими там бесконечными войнами между соперничавшими князьями, чтобы усилиться на счет этого государства. В его интересах было поддержание в Польше постоянной смуты, почему он вмешивался в польские дела и помогал мазовецким князьям в их борьбе с пытавшимися восстановить единство Польши князьями краковскими. При таких условиях он без особого труда занял и присоединил к своим владениям Люблинскую землю.

Одновременно с усилением Галицкого княжества происходит усиление и об'единение Литвы под властью Миндовга. Опасность, угрожавшая Литве со стороны татар, а особенно со стороны немецких рыцарей, захватывавших литовские земли и заводивших в них немецкие феодальные порядки, ускорила об'единение литовских племен и переход их от родового быта к государственному. Об'единенные литовцы не только успешно отстаивали свою землю от посягательств рыцарей, но и стали вторгаться во владение покровителей последних — польских князей.

Хитрый Даниил видел в усиливавшейся Литве свою естественную союзницу в борьбе с татарами и поляками и постарался поэтому установить дружеские отношения с Миндовгом. После смерти Миндовга и Даниила (1264) сыну последнего, Шварну, даже удалось на время стать литовским князем.

При преемниках Даниила Галицкая земля делается ареной смут, междоусобий и вражеских нашествий. Лев, старший сын Даниила, в своих стремлениях держать, по примеру отца, в своих руках всю землю встречает противодействие со стороны братьев и польских и литовских князей. В борьбе с ними Лев стал приглашать к себе на помощь татар, которые, появляясь в Галицкой земле, не столько помогали Льву в его борьбе с врагами, сколько грабили население, вызывая в нем ненависть к этому князю. Благодаря своей недальновидной эгоистической политике Лев потерял Люблинскую землю, отошедшую опять к Польше.

Конец XIII века в истории Польши характеризуется непрерывными войнами польских князей из-за Кракова. Это дает повод чешским королям вмешиваться во внутренние дела Польши и совершать опустошительные походы в ее пределы. Так, чешский король Вацлав II, при поддержке императора, в 1291 году отправил сильное войско в пределы Малой Польши и занял Краков. Замечательно, что этим войском предводительствовал пражский епископ. Вскоре в руки этого короля перешла и Великая Польша. В благодарность за оказанную императором помощь Вацлав об'явил Польшу леном империи. Таким образом Польша фактически потеряла свою политическую независимость.

Но такое положение дел продолжалось недолго: Владиславу Локотку (1306 — 1333), одному из последних Пястов, удалось не только восстановить независимость Польши, но и об'единить в своих руках бо́льшую часть польских земель и короноваться в Кракове.

Сын и преемник Локотка, Казимир I «Великий» (1333—1370), чувствовал себя настолько прочно на королевском престоле, что уже

не довольствовался властью над польскими землями и, воспользовавшись слабостью Галицкой Руси, присоединил ее к своим владениям.

После смерти Льва Галицкого его сыновья, Андрей и Лев, искали поддержки у литовского князя Гедимина, которому уступили часть своей земли и выдали дочь Андрея замуж за одного из сыновей Гедимина, Любарта, и таким образом породнились и с мазовецким князем Болеславом Тройденовичем, женатым на одной из дочерей Гедимина.

Рассчитывая на помощь своих родственников, Андрей и Лев II начали войну с татарским ханом за освобождение Галицкой земли от номинальной, правда, зависимости от татар. Но расчеты эти не оправдались. Восстание галицких князей окончилось полной неудачей: войско их было разгромлено, вся Галицкая земля была занята татарскими отрядами, а оба князя были убиты (1324).

Со смертью Андрея и Льва II прекратилась династия галицких князей, и Галицкой землей стал править татарский хан чрез своих баскаков. Но татарское хозяйничанье продолжалось здесь недолго: вследствие смут в Орде и осложнений в отношениях с северо-восточной Русью хану было не до Галицкой земли, которую он и очистил в 1325 году.

Власть над бесправным и разоренным вконец населением этой земли перешла в руки земельной знати — галицких бояр, которые решили, в целях сохранения в своих руках захваченных ими во время беспрерывных галицких смут огромных земельных владений и власти над обезземеленным и закрепощенным населением, отдать княжеский стол Болеславу Мазовецкому и ограничить его власть боярским представительством.

Болеславу, подручнику краковского короля, мысль стать независимым князем обширной Галицкой земли показалась очень привлекательной, и он принял предложение галицких бояр (1325).

Сначала Болеслав, принявший православие и княживший под именем Юрия II, был послушным орудием в руках бояр, которые, оказывая ему знаки внешнего внимания, постоянно давали ему чувствовать зависимость от их воли. Когда же этот князь сделал попытку освободиться от опеки бояр, они не постеснялись отравить его (1340).

После смерти Юрия II на Галицкую землю заявили права три претендента: польский король Казимир I, литовский князь Любарт Гедиминович и венгерский король Карл-Роберт. Казимир сумел заключить по вопросу о судьбе Галицкой земли соглашение с Карлом-Робертом и вступил в ожесточенную борьбу с Любартом. Первое столкновение между ними закончилось договором, по которому Кази-

мир получил Галицкую землю, а Любарт — Волынь. Казимир, утвердившись в Галицкой земле, отрабил много галицких городов и увез много сокровищ в Польшу, а население обложил тяжелой данью.

Многострадальный галицкий люд, на протяжении многих десятков лет служивший предметом военной добычи своих и соседних князей, поднял против Казимира открытое вооруженное восстание и обратился за помощью к татарскому хану Узбеку. Последний отправил против Казимира многочисленный отряд, который опустошил значительную часть Польши и Венгрии, но был разбит Казимиром под Люблином. Казимир и галицкие бояре, испуганные галицким народным движением, соединились, чтоб подавить его совместными силами. Казимир, сохраняя за собой суверенную власть над Галицкой землей и право сбора дани и пошлин, управление ею передал боярам, одного из которых поставил во главе правительства с титулом «блюстителя и старосты Русской земли»; господство земельной знати в Галиции удержалось и при Казимире I.

Борьба между Любартом и Казимиром I за Галицкую землю закончилась тем, что польский король уступил Любарту Волынь.

Между тем другой литовский князь — Ольгерд, воспользовавшись ослаблением Орды и указанной борьбой, захватил киевскую землю. Таким образом к концу XIV века все южно-русские земли вошли в состав частью Литвы, частью Польши.

II. ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА НА РУСИ, В ПОЛЬШЕ И ЛИТВЕ.

При более или менее внимательном рассмотрении хозяйственного и общественного строя Польши и Руси конца XIV века не трудно увидеть очень много общих явлений.

Так, и в Польше и на Руси все население резко делилось на два, численно очень неравных слоя: привилегированное меньшинство и фактически несвободное подавляющее большинство.

Все права и привилегии указанного меньшинства связаны с фактом владения им землей. Подобно русским князьям и их боярам и польские князья и можновладство были прежде всего крупными землевладельцами. В XIII веке и Русь и Польша были усеяны барскими усадьбами, населенными дворовой челядью и крестьянами, обязанными работать на барина. Эти крестьяне на Руси носили наименование с м е р д о в, в Польше — х л о п о в. Последнее наименование сохранилось в Польше за крестьянами до настоящего времени. И в Польше и на Руси крупные землевладельцы в рассматриваемое время не вели крупного хозяйства: их крупные земельные владения распадались на мелкие крестьянские хозяйства, платившие своим господам оброк произведениями сельского хозяйства, а в конце периода, с возникновением товарно-денежного хозяйства, кой-где и деньгами. Кроме того, на крестьянах лежали и всевозможные натуральные повинности, вплоть до военной службы.

Крупные земельные владения образовались в обеих странах путем экспроприации мелких земельных собственников, выходцев из родовой общины. В деле концентрации земельной собственности необходимо отметить в одинаковой степени для Польши и для Руси и обычай «пожалования» землей. Князья не стеснялись «жаловать» своих приближенных землей, находившейся во владении свободных мелких земледельцев. Последние после такого пожалования рассматривались собственностью жалуемых вместе с той землей, на которой они сидели. В самых широких размерах практиковался также и насильственный

захват земельных владений свободных землепашцев, причем захватывали эти владения не только князья, но и их бояре и шляхта. И в этом случае крестьяне обращались в крепостных.

И польские и русские крупные землевладельцы были в своих вотчинах в сущности настоящими государями: они собирали со своих крестьян подати и судили их. Здесь мы видим смешение политической власти с правом собственности.

Такой государь, неограниченный владыка в пределах своей вотчины, был связан известной подчиненностью по отношению к тому государю, который «пожаловал» его землею или санкционировал ее захват, т. е. к князю. Эта зависимость выражалась прежде всего в самой важной по тому времени натуральной повинности — в военной службе.

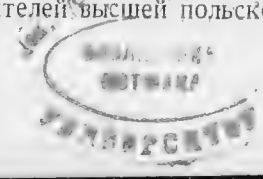
Но бывали нередко случаи, особенно в Польше, когда и мелкие государи-помещики в свою очередь «жаловали» землей своих холопов, которые благодаря этому становились государями в пожалованной земле, обязанными известными повинностями по отношению к своим «благодетелям».

51759

В этом строе, который является не столько системой права, сколько известной системой хозяйства, не трудно видеть тот же феодализм, который так характерен для средневековой истории Западной Европы и существование которого на Руси и в Польше до самого последнего времени страстно оспаривалось и польскими и русскими буржуазными историками. Здесь налицо и сеньеры и вассалы, здесь то же совпадение границ государства с границами земельного владения, а роль замка с успехом играет барская усадьба. Впрочем, в средневековой Польше князья и можновладство научились строить замки не хуже своих западных соседей.

И польское и русское средневековое высшее духовенство занимало в феодальной иерархии вполне определенное и притом очень видное место. В его руках сосредоточивались как путем «пожалования», так и путем захвата огромные земельные владения, в которых оно играло ту же двойную роль сеньеров и вассалов, что и бояре и шляхта. Ту же роль играли и монастыри.

Но необходимо отметить, что политическое влияние польского духовенства было несравненно сильнее, чем духовенства русского. Это об'ясняется тесными связями, которые поддерживало первое с Римом, а Рим в то время имел достаточно в своем распоряжении способов, чтоб заставить польских князей считаться со своей волей, выразителями которой он справедливо считал своих ставленников — представителей высшей польской церковной иерархии.



Таким образом мы видим, что сущность феодализма на Руси и в Польше, как, впрочем, и во всей Европе, сводилась к довольно простым хозяйственным взаимоотношениям между привилегированными сословиям, имевшим целью систематическую эксплоатацию всей массы деревенского населения.

Понятно, что общность интересов служила прочным цементом, спаивавшим в одно монолитное целое представителей этих сословий, начиная с великого князя и кончая захудалым «вассалом», недавним холопом, «пожалованным» каким-нибудь незначительным боярином или шляхтичем. Недоразумения между представителями русской и польской феодальной знати, выражавшиеся в беспрерывных княжеских междоусобиях и столкновениях между более мелкими «государями», были в сущности неизбежными в большой семье семейными друзьями, за которые в окончательном итоге расплачивались и русские смерды и польские хлопы.

Мало того. Сознание общности сословных интересов было не чуждо и русским и польским князьям при их сношениях друг с другом. Наиболее ярким доказательством этого может служить подавление Ярославом Мудрым народного восстания в Польше после смерти Мешко II.

Если мы обратимся к истории возникновения городов в Польше и на Руси и образования в них особого класса горожан, то здесь мы заметим в каждой из названных стран своеобразные черты. И русские и польские города возникли из укрепленных, огороженных мест, где отсиживались жители окрестных селений во время вражеских нашествий. С возникновением торговых отношений те города, которые были расположены на торговых путях, сделались складочными местами для товаров и центрами торговых операций, носивших первоначально характер «разбойничьей торговли». Эти же города сделались и резиденциями князей, которые вели очень крупную по тому времени торговлю сельскими продуктами, собираемыми ими в виде дани, или главным предметом военной добычи, ради которой они вели бесконечные войны, — рабами. Таково происхождение и русских и польских городов. В дальнейшем пути их развития резко расходятся.

Весь строй средневекового русского города об'ясняется его полуторговым, полувоенным происхождением. На-ряду с князем, представителем военной силы, утратившим уже первоначальные свои функции купца-разбойника, мы видим здесь представителей торгового и ростовщического капитала — тысяцкого и сотских, ведавших дела господствовавшего тогда в городе купеческого сословия.

Древне-русский город представлял собой вечевую общину, которая с течением времени прошла очень заметную эволюцию. Если в начале русской истории городская община была представлена вечем из родовых старейшин, то в XII веке городское вече состояло из всех свободных граждан, в руках которых фактически сосредоточивалась власть над городом, а в середине XIII века решающую роль на вече — а следовательно, и в городских делах — играют представители хищнического, торгового и ростовщического капиталов, находившиеся под особой опекой княжеской власти.

Древне-русский город жил исключительно на счет эксплоатируемой им деревни. Первоначально эксплоатацию эту осуществляли князья, при поддержке аристократического веча, путем самого откровенного грабежа. Но и «демократическое» вече XII века не прочь было сообща с князьями попользоваться на счет смердов. Торговый же и ростовщический капитал XIII века видел в деревенских жителях своих холопов, специально созданных для эксплоатации.

Таким образом развитие древне-русского города происходило в самых ненормальных условиях: параллельно с ростом городского населения и увеличением его благосостояния шло разорение деревни. Понятно, что при таких условиях древне-русские город и деревня были враждебными друг другу силами. Разбойничья эксплоатация городом деревни повела к тому, что город, высосавши из нее все соки, сам стал хиреть и разлагаться, и к середине XIII века для многих русских городов вполне реально стала определяться опасность быть поглощенными разоренной, обнищавшей, но все же живучей деревенской стихией. Этому способствовал и упадок внешней торговли после захвата в 1204 году французскими и итальянскими крестоносцами Константинополя; франко-итальянский торговый капитал, захватив в свои руки восточные рынки, лишил всякого значения торговый путь «из Варяг и Греки».

Нашествие татар, ярость которых была направлена главным образом против городов, нанесло окончательный удар развитию последних: большинство из них превратилось в крупные поселения деревенского типа.

Совсем по другому пути шло развитие городов в Польше. Здесь города уже с конца XII века получают так называемое немецкое, или магдебургское, городовое право, т. е. устройство, которое является характерным для большинства западно-европейских городов в эпоху феодализма. Вводилось это устройство в польских городах следующим образом.

Какой-либо князь или магнат, желая дать новое устройство своему городу, обращался в ближайший соседний немецкий город с воззванием к его населению, приглашая желающих переселиться в польский город и завести в нем «немецкие порядки». Желающие почему-либо оставить родину и искать счастья на чужбине группировались обыкновенно около какого-либо предприимчивого и состоятельного человека, который на правах своеобразного предпринимателя заключал определенное условие с владельцем польского города.

Условие обыкновенно сводилось к тому, что этот предприниматель обязывался привести с собой в город определенное число ремесленников и купцов, которые и составляли ядро реформируемого города. В число жителей последнего включалось и местное население.

Население реформируемого города выходило из-под власти его прежнего владельца и получало самоуправление, которое сводилось к следующему.

Лицо, заключившее вышеуказанное условие с тем или иным князем или магнатом, получало наследственное звание начальника города, или войта, сосредоточивая первоначально в своих руках управление городом и председательствование в городском суде. Войту отводились значительные участки как в пределах города, так и в его окрестностях, что вместе со взимаемыми в его пользу судебными пошлинами служило для него крупным источником дохода.

С течением времени прерогативы войта были значительно урезаны городским советом из 6—24 гласных («райцы»), выбиравших из своей среды председателя совета — бургомистра. В ведение этого совета перешли административно-экономические дела города, так что в руках войта остался лишь суд.

Население города, носившее название мещан, было освобождено от общегосударственных налогов и повинностей, за исключением обязанности во время «посполитого рушенья» (всеобщего ополчения) поставлять обоз. Но зато мещане платили бывшему владельцу города определенную ежегодную подать за пользование городскими земельными участками и строениями.

Мещане занимались преимущественно торговлей и ремеслами. Купцы и ремесленники организовывались в своеобразные союзы (гильдии и цехи), руководящую роль в которых играли наиболее состоятельные их члены, вследствие чего среди населения польских городов очень рано замечаются расслоение и антагонизм. Особенно резко последний проявляется в отношениях между купцами и их приказчиками и дру-

гими служащими, а также между ремесленниками-мастерами и их подмастерьями и учениками.

Купцы польских городов, пользовавшихся магдебургским правом, поддерживали очень оживленные торговые сношения друг с другом, а также с немецкими и другими западно-европейскими городами, а ремесленники снабжали своими изделиями не только все городское население, но и население ближайших деревень.

Благодаря торговле и ремеслам польские города быстро достигли значительного по тому времени благосостояния, но богатства, скоплявшиеся в них, были распределены среди городского населения крайне неравномерно. В то время как в руках крупных купцов и ремесленников-мастеров сосредоточивались значительные капиталы, люди, находившиеся на службе у них, жили в крайней бедности.

Это обстоятельство способствовало раннему возникновению среди населения польских городов многочисленного пролетариата, который вступает в борьбу с представителями торгового капитала и ремесленной аристократии, организуясь в союзы ремесленных подмастерьев и учеников.

На-ряду с немцами видное место среди населения польских городов занимали евреи, которым, несмотря на благожелательное в общем отношение к ним польских князей, запрещено было проживать в деревнях.

Одновременно с проникновением магдебургского права в польские города в Польше возникают и деревни, пользующиеся тем же правом. Эти деревни основывались немецкими колонистами, которые оказали большое влияние на сельское хозяйство Польши: у них польские земледельцы позаимствовали трехпольную систему, которая была большим шагом вперед сравнительно с системами подсечной и переложной. Введение этой системы сопровождалось уничтожением общинной обработки земли и разделом последней между отдельными крестьянскими семьями.

В XIV веке многие крупные польские помещики вводят основы магдебургского права и в своих деревнях, но приспособляют их исключительно к своим интересам. Так, освобождая своих крестьян от всяких поборов в пользу князя, предоставляя им некоторую видимость самоуправления, они захватывали фактически в свои руки в деревне и управление и суд.

Введение магдебургского права в польских городах имело огромное влияние на всю историю Польши. Оно способствовало развитию городской жизни, сделало города средоточием торговли и ремесленной

промышленности, вызвало к жизни многочисленный класс городского пролетариата. Мало-по-малу начинает тяготеть к городам и крестьянство: по мере развития товаро-денежного хозяйства оно устанавливает все более тесную связь с городскими рынками, доставляя на них продукты сельского хозяйства. Вырученные от продажи этих продуктов деньги крестьяне частью употребляют на уплату помещику оброков, частью на покупку у городских ремесленников различных необходимых в сельском хозяйстве предметов.

Из Польши магдебургское право проникает и на Русь, прежде всего в Галицию, все города которой получают это право тотчас же после завоевания ее Казимиром I. Понятно, что магдебургское право и здесь сыграло ту же роль, что и в Польше.

Общеизвестны торговые сношения древней Руси с Византией. Из факта оживленных торговых операций, которые вели русские князья и их дружинники с цареградскими купцами, часто заключают о могущественном влиянии на русский «народ» византийской культуры, причем это влияние видят прежде всего в уничтожении язычества на Руси и в замене его христианством, в возникновении русской письменности и литературы и новых, неизвестных русским славянам, правовых отношений в области частного и публичного права.

Но в действительности сфера византийского влияния в указанных областях была очень узкой, захватывая по преимуществу высшие, привилегированные в политическом и наиболее мощные в экономическом смысле, слои древне-русского общества. Что же касается «народа», т. е. всей массы земледельческого, деревенского населения, то это пресловутое культурное византийское влияние сказалось исключительно в появлении среди него христианского духовенства, которое обложило его новыми поборами, ограничиваясь в своей «просветительной» деятельности исполнением ненужных никому обрядов и произнесением замысловатых, непонятных русскому «смерду», проповедей.

Гораздо действительнее в это время было влияние на массы русского земледельческого населения тех народностей, с которыми им пришлось непосредственно сталкиваться: хозар, половцев, печенегов, в конце концов — татар. Влияние это сказывалось в семейном быту, в религиозных верованиях, в домашней обстановке и внешнем облике, в поэтических представлениях, в языке. В западных и юго-западных областях Руси очень рано стало сказываться и влияние средневековой Европы. Очень важную посредствующую роль в этом отношении сыграла Польша.

Мы уже указывали на то, что еще в глубокой древности через пределы исторической Польши пролегал торговый путь из Италии к берегам Балтийского моря. В более позднюю эпоху, после образования польского государства, с Польшей поддерживали деятельные торговые сношения русские купцы, которые являлись посредниками в торговле между нею и византийским и другими восточными рынками. С захватом в 1204 году Константинополя франко-итальянским крестоносным ополчением пути торговых сношений с Востоком перемещаются в Западную Европу, и роль Днепра, как торгового пути в греческие страны, переходит к Рейну, на берегах которого возникают богатые торговые города, ведущие бойкую торговлю с восточными рынками через Венецию.

Понятно, что при таких условиях значение Киева, как посредствующего звена в торговле между Польшей и странами Востока, совершенно падает и центр русской торговли передвигается на север, в Новгород. Последний, принужденный оставить давно проторенный, привычный путь «из Варяг в Греки», обращает свой взор к Балтийскому морю, через которое заводит непосредственные сношения с Ганзой, возникшей из союза прирейнских городов.

Эти обстоятельства заставляют польских купцов искать новых торговых путей, которые компенсировали бы польскую торговлю за потерю днепровского водного пути, и обратить все свое внимание на Запад, в результате чего и польская торговля втягивается в сферы торгового влияния союза прирейнских городов, а затем и Ганзы.

Этим прежде всего об'ясняется то могучее культурное влияние, какое оказывала на пястовскую Польшу средневековая городская немецкая культура. Но тут необходимо учитывать и постоянные военные столкновения польских князей с немецкими маркграфами, а затем и императорами, приглашение в Польшу тевтонского ордена и, начиная с XIV века, широкую колонизацию польских городов и отчасти деревень немецкими купцами, ремесленниками и земледельцами. Насколько сильно было культурное влияние в Польше этих переселенцев, свидетельствует тот факт, что почти все ремесленные инструменты до сих пор в польском языке сохраняют немецкие названия; то же самое относится к терминам, употребляемым в торговле.

Из Германии проникли в Польшу и начала средневековой, так называемой схоластической науки, которая на много столетий утвердилась в польских школах. Языком науки и литературы в Польше, как и во всех государствах средневековой Европы, стал язык латинский.

Привилетированный слой населения Польши — светское и духовное можновладство — в устройстве своей иерархии и образе жизни стал подражать западно-европейскому рыцарству и духовенству.

Словом, влияние средневековой, феодальной Европы сказывалось на многих сторонах жизни пястовской Польши.

Влияние это мало-по-малу проникает из Польши в пограничные с нею русские области, особенно в Галицкую землю, и сказывается на тех же сторонах жизни, что и в Польше, хотя, быть может, и не так резко.

К второй половине XIV века уже вполне определилась опасность, которая стала угрожать господствующим классам Польши со стороны приглашенных мазовецкими князьями тевтонских рыцарей. Последние, успешно выполнив поставленную им задачу, т. е. уничтожив пруссов, стали угрожать и владениям польских князей. При этом они не ограничивались занятием польских земель, бывших всегда предметом вожделений феодальной немецкой знати: они постепенно стали захватывать в свои руки и посредничество в торговых сношениях между польскими и немецкими городами, чем наносили явный ущерб заметно уже окрепшему к тому времени польскому торговому капиталу.

Опасность, в равной мере угрожавшая со стороны немецкого рыцарства и можновладству и городскому купечеству, вызвала союз этих двух слоев польского населения для борьбы с тевтонами.

В то же время немецкое рыцарство, в лице другого немецкого ордена, ордена меченосцев, основавшегося в XII веке в устьях реки Западной Двины и заключившего тесный союз с тевтонским орденом, начало систематически захватывать земли литовцев, не порвавших еще вполне с племенным бытом. Захват этот сопровождался построением в захваченных областях замков и порабощением уцелевшего от уничтожения населения.

Под влиянием опасности, угрожавшей литовцам со стороны немецких рыцарей, процесс государственного об'единения и усиления Литвы совершается ускоренным темпом: в 1236 году она уже наносит страшное поражение меченосцам, после которого эти рыцари сливаются с тевтонскими в один орден, а в 1253 году один из литовских князей — Миндовг, принявший христианство, получает от римского папы титул короля. Принимая христианство, Миндовг, подобно польскому князю Мешко I, преследовал политические цели: он полагал этим актом лишить рыцарский орден главного аргумента, приводимого им в пользу необходимости завоевания Литвы. Но так как действительной целью рыцарских завоеваний был захват литовской земли и

порабощение ее жителей, то и после принятия Миндовгом христианства политика ордена по отношению к Литве не изменилась, как не изменилась и политика немецких маркграфов по отношению к Польше после крещения Мешко I.

Делу об'единения литовских племен под властью национальных князей способствовала главным образом ненависть литовцев к появившимся в их стране насильникам-рыцарям. Признавая власть князей, как организаторов и руководителей в борьбе за землю и свободу, литовские племена, с переходом от племенного быта к государственному, естественно теряли свою экономическую независимость и становились данниками своих же князей и их ближайших сподвижников. Мало того: князья и появившаяся одновременно с княжеской властью внеплеменная аристократия, не ограничиваясь уже всевозможными поборами со своих единоплеменников, начинают захватывать их земли и закабалять сидевших на них свободных звероловов и земледельцев. В конце концов в об'единенной полуварварской Литве устанавливаются отношения, очень близко напоминающие феодальные отношения, господствовавшие в средневековой Руси и Польше.

Сосредоточив в своих руках всю силу литовского народа, литовские князья все же не чувствуют себя достаточно сильными для агрессивных действий против немецких рыцарей: здесь они ограничиваются обороной. Зато проснувшиеся в них одновременно с сознанием своей силы завоевательные инстинкты нашли полное удовлетворение в соседних русских областях.

Разложившаяся в силу указанных выше экономических причин древне-русская городская община не могла, а закабаленная ею масса деревенского населения и не хотела оказать действительного сопротивления татарским завоевателям.

Разоренная южная и юго-западная Русь представляла мало интереса для татарских ханов, которые не могли рассчитывать собирать с нее сколько-нибудь значительную дань. Поэтому по отношению к этой Руси они довольствовались признанием со стороны уцелевших князей зависимости от Орды и периодическими набегами на и без того уже опустошенную территорию.

Все свои способности в области систематической эксплоатации покоренных народов татарские ханы сосредоточили на Владимирской, Московской, Тверской и других землях северо-восточной Руси, меньше пострадавших от погромов. Эти земли были заселены предприимчивым и хозяйственным населением, управляемым князьями, цепко державшимися за свою власть и в целях ее сохранения первоначально не за

страх, а за совесть служившими ханам. Эти земли в сущности были сданы на откуп их князьям и служили обильным источником дохода как для последних, так и для ханов, которые, осевши на Ахтубе, в значительной степени потеряли свой былой воинственный пыл: вся масса кочевого татарского населения была обеспечена обильными пастбищами, а ханы и окружавшая их родовая аристократия, собирая богатую дань с северо-восточной Руси и пошлины с перевозимых по обширной татарской державе товаров, не имели никаких оснований пускаться в опасные авантюры и всячески избегали серьезных столкновений с окрепшими западными соседями — Польшей и Литвой.

При таких условиях литовцы, находившиеся под постоянной угрозой со стороны немецких рыцарей, отрезанные ими от берегов Балтийского моря и стремившиеся выйти из тесных пределов своей национальной, лесистой и болотистой территории, стали естественно раздвигать эти границы в направлении наименьшего сопротивления — к востоку и к югу. Этим стремлением литовцев и об'ясняется завоевание ими вскоре после татарского нашествия значительной части русской территории.

В конце XIV века в состав Литовского княжества входили следующие русские области: Брянская, Северская, Черниговская, Подольская, часть Волынской и Киевской земель, а также значительная часть владений полоцких, туровских и смоленских князей.

Это было обширное Литовско-русское государство, в котором в численном и культурном отношениях преобладала русская народность. Внешним выражением об'единения Литвы и Руси был титул, который носил литовский великий князь: «Великий князь литовский, жмудский и русский».

Политическое об'единение Польши и Литовско-русского государства произошло в 1386 году. Об'единение это было результатом соглашения между польским и литовским можновладством и подготовлено было главным образом столкновением интересов польской феодальной знати и немецкого рыцарства, а также желанием этой знати обезопасить восточные границы Польши от постоянных набегов литовцев. Состоялось оно при следующих обстоятельствах:

После смерти польского короля Людовика Венгерского (1382), племянника и преемника Казимира III, польское можновладство отдало польский престол младшей его дочери — Ядвиге. В это время литовским великим князем был Ягелло, внук основателя литовского могущества — Гедимина (1315—1341). Польские вельможи предложили ему об'единить под его властью Польшу и Литовско-русское государство. Ягелло согласился. Договор этот был скреплен женитьбой его на Ядвиге и пере-

ходом из православия в католичество, после чего он был провозглашен польским королем, под именем Владислава II.

Польско-литовская уния была делом польского можновладства, пытавшегося путем тесного союза с литовско-русским боярством упрочить в обеих соседних странах экономическое и политическое преобладание земельной аристократии и отстоять свои огромные земельные владения от покушений на них со стороны немецкого рыцарства. Но это можновладство, самую влиятельную часть которого составляло высшее духовенство, из боязни слишком сильного увеличения привилегированного сословия, предоставило право польского можновладства лишь высшему слою литовско-русского боярства, принявшему католичество. Это вызвало недовольство унией и оппозиционное настроение по отношению к польскому королю со стороны очень значительной языческой и православной части средней и мелкой литовско-русской знати.

Ягелло, сделавшись польско-литовско-русским государем, стал щедро раздавать литовские и особенно русские земли своим приближенным и колонизировать восточные окраины Польши польскими крестьянами.

Такая политика польского короля, способствуя распространению недовольства унией и среди широких масс населения Литвы и Руси, вызвала в этих странах ряд кровавых восстаний; некоторые из них не только ставили на карту вопрос об унии, но и серьезно угрожали существованию самого польского королевства.

Особенно опасны были для Польши два восстания населения Литвы и Руси: в начале царствования Ягелло — под предводительством двоюродного брата Ягелло, Витовта, и в конце этого царствования — под предводительством родного брата Ягелло, Свидригайло.

Витовт поднял восстание под лозунгом создания независимой от Польши великой литовско-русской державы и собрал под своими знаменами всю недовольную новыми порядками литовскую и русскую знать. Он заручился поддержкой рыцарского ордена и вступил в союз с великим князем московским, Василием Дмитриевичем, за которого выдал свою дочь Софью. Поддержку своим стремлениям он нашел не только среди южно-русской знати, но и в торговых кругах Новгорода и Пскова, рассчитывавших под покровительством могущественного литовско-русского государя завести прямые торговые сношения с Западом без посредничества конкурирующих с ними немецких купцов.

Путем удачных военных действий и хитрой внутренней и внешней политики Витовту удалось создать независимое от Польши огромное

государство, в состав которого вошли не только коренная Литва и южнорусские земли, но и обширная Смоленская область.

Витовт не только порвал всякие связи с Ягелло и прекратил платить ему дань, но и составил план освобождения всей Руси от татарской зависимости. С этой целью он стал вмешиваться в татарские дела, и когда там начались смуты и хан Тохтамыш был свергнут с престола, он с большим войском выступил против Орды под предлогом защиты интересов низложенного хана. Но литовско-русские войска были на голову разбиты на берегах Ворсклы мурзой Эдигеем (1399), полководцем соперника Тохтамыша — Тимура, и могущество Витовта после этого так пошатнулось, что ему пришлось искать поддержки у Ягелло и признать его покровительство. В результате переговоров Витовта с Ягелло было заключено между ними в Вильне соглашение, в силу которого Литовско-русское государство поступает в пожизненное владение Витовта, после смерти которого это государство опять соединяется с Польшей.

Союз Ягелло с Витовтом способствовал осуществлению давнишних намерений польско-литовского можновладства разгромить тевтонский орден: в 1410 году на полях Грюнвальда соединенная польско-литовско-русская рать нанесла ему такой удар, от которого он уже не мог оправиться и в конце концов должен был признать свою зависимость от Польши.

Но связь Литвы с Польшей была очень непрочной, так как все выгоды от этой связи получали в сущности лишь высшие слои польского можновладства. Что же касается литовско-русского боярства, то оно было недовольно вовлечением его в сферу великодержавной польской политики, что сопряжено было для него с необходимостью нести все тяготы этой политики, а на всей массе сельского и городского населения уния отражалась прежде всего в увеличении поборов и повинностей и все большем ограничении личной свободы.

При таких условиях брожение в Литовско-русском государстве во все время княжения Витовта не прекращалось, а сам Витовт в конце своей жизни, уступая всеобщему недовольству, еще раз попытался отделиться от Литвы, но опять безуспешно.

После смерти Витовта в Литве и на Руси опять вспыхнуло восстание, с которым польскому можновладству удалось справиться с большим трудом. Востание возглавлял брат Ягелло, Свидригайло, который, провозгласив лозунг независимости Литовско-русского государства и возвращения к старым порядкам, поднял против польского короля и избравшего его можновладства все недовольные новым порядком вещей элементы.

Свидригайло заручился поддержкой немецкого ордена, который ему и его сторонникам казался менее опасным для Литвы и Руси, чем аристократическая политика польского королевства.

Польское можновладство в борьбе со Свидригайло постаралось внести раскол в среду его сторонников путем натравливания католиков на православных и язычников и приема части русского боярства в ряды польского можновладства. Против ордена последнему удалось поднять пруссов, что помешало ордену оказать действительную помощь Свидригайло. Вытесненный из Литвы, он в течение нескольких лет с успехом боролся за независимость русских областей. Но и тут в конце концов польскому можновладству удалось путем подкупов и предоставления некоторых льгот склонить на свою сторону бо́льшую часть русских бояр. Оставленный ими Свидригайло пытался продолжать борьбу, опираясь на крепостное сельское население, мелких городских ремесленников и городской пролетариат, но эти слои населения, будучи слишком инертны и неорганизованы, не могли представлять собой сколько-нибудь реальной силы, и Свидригайло не оставалось ничего, как пойти на мир с Ягелло. Это была последняя серьезная попытка отстоять независимость Литовско-русского государства.

Что же касается Галицкой земли, то она при Людовике Венгерском была включена в состав Венгрии. Вступив на польский престол, Ягелло занял ее своими войсками и опять присоединил к Польше.

Продолжительное царствование Ягелло (1386—1434) было в сущности временем безраздельного господства в Польше крупной феодальной знати, среди которой главную роль играло духовенство. Ягелло получил престол из рук этой знати и мог чувствовать себя прочно на этом престоле только при ее поддержке. Литовец по происхождению, он чувствовал себя чужим среди поляков и естественно искал опоры в наиболее влиятельном и сильном слое польского населения.

Можновладство и до Ягелло фактически управляло Польшей и распоряжалось ее судьбой, но при этом государе оно постаралось, так сказать, конституироваться, оформить свои отношения к королю. Оно образовало так называемый королевский совет («rada krolewska»), получивший современем название сената («praelati et barones») и официально уже ограничивший королевскую власть. Таким образом в Польше к началу XV века утвердилась власть крупной земельной аристократии, среди которой первенствующую роль играло духовенство.

Аристократическим государственным строем Польши, возникшим на почве крупного землевладения, об'ясняется вся ее внутренняя и внеш-

няя политика в течение всего царствования Ягелло; ею же в значительной степени об'ясняется и дальнейшее развитие не только истории названного государства, но и Литвы и Руси.

Польское можновладство воспользовалось своей властью прежде всего для получения всевозможных привилегий в ущерб интересам остального населения. Оно захватило в свои руки все лучшие земли в Польше, Литве и на Руси и закабалило сидевших на них мелких земледельцев, по отношению к которым стало осуществлять не только помещичью, но и государственную власть. Города, пользовавшиеся магдебургским правом, также служили для него богатым источником доходов. С развитием в этих городах ремесл и торговли можновладство все увеличивало поборы, взимаемые в пользу бывших владельцев городов. Образовавшаяся к тому времени мелкая аристократия, так называемая шляхта, владевшая сравнительно небольшими земельными участками, экономически вполне зависела от можновладства и естественно была послушным орудием в его руках. Такое же независимое по отношению к можновладству положение занимало и купечество, представлявшее собою развивающийся в условиях городской жизни торговый капитал. Торговое мещанство польских, литовских и русских городов было слишком слабо, чтобы оспаривать гегемонию у аристократии, и даже искало у нее защиты от конкуренции со стороны несравненно более мощного торгового капитала немецких городов, проникавшего в Польшу при содействии и покровительстве обосновавшихся на берегах Балтийского моря рыцарских орденов. Этим и об'ясняется поддержка, которую встречало со стороны города польское можновладство в своей борьбе с немецкими рыцарями.

В то время как южно-русские области, об'единенные под властью литовско-русского великого князя, вошли в состав польского королевства, в северо-восточной Руси заканчивался процесс политического об'единения русских областей около Москвы.

Возвышение значения Москвы среди прочих городов северо-восточной Руси об'ясняется ее положением на важных торговых путях. Торговый путь по рекам Москве и Клязьме уже в древности соединял Смоленскую землю со столицей приволжских болгар, игравшей столь важную посредствующую роль в торговле между Азией и Европой. Один из узлов этого пути лежал на реке Яузе, по берегам которой были расположены древнейшие поселения, одно из которых, вероятно, положило начало Москве. Значение Москвы, как торгового пункта, особенно усилилось с того времени, как Великий Новгород завел оживленные торговые сношения с «Низом», т. е. с Поволжьем: тогда Москва, как узловой тор-

говый пункт, приобретает международное значение, будучи связана через Новгород с Балтийским морем.

Столь важное торговое значение Москвы способствовало образованию в ней уже к концу XIV века очень многочисленного и довольно влиятельного купечества, сосредоточившего в своих руках значительные капиталы, и ремесленного люда, населявшего в Московском посаде целые улицы. Иногда это посадское население в критические минуты жизни Москвы выступало единодушно и организованно, но все же политическое значение принадлежало не ему, а исключительно феодальному боярству.

Особенно важную роль это боярство сыграло в деле «собирания русской земли», чем главным образом и характеризуется политическая история северо-восточной Руси XIII — XV веков. Роль в этом деле татар, московских князей и духовенства была совершенно ничтожна. Русскую землю собирала феодальная знать, потому что это ей было выгодно: дробление земли между мелкими князьями не давало ей возможности об'единиться в сколько-нибудь значительную группу. В деле борьбы с дроблением политической власти русская феодальная знать проявляла живую инициативу и необыкновенную энергию. Так, например, борьба между московскими и тверскими князьями за великое княжение сводилось в сущности к борьбе между московским и тверским боярством за гегемонию в деле об'единения русских областей.

Нельзя забывать и о многочисленном населении московского посада, умевшем в критические моменты жизни Москвы выступать единодушно и организованно. То же мы видим и в других городах, лежащих на торговом пути из Новгорода в Поволжье, и прежде всего в Твери.

Это посадское население было слишком слабо, чтоб взять на себя руководство политической жизнью страны, но оно вместе с тем не было в этом отношении вполне пассивно: купцы в централизации власти видели единственную гарантию неприкосновенности своих капиталов и безопасности торговых путей, и потому держали руку боярства, «собиравшего» землю; ремесленники же и прочий мелкий боярский люд, не заинтересованные в этом «собирании», находились в постоянной оппозиции и к представителям крупного землевладения, боярам, и к представителям торгового капитала, купцам.

«Собирая» северо-восточные области, московское феодальное боярство имело прежде всего в виду увеличение земельного фонда своего князя, фонда, который в конце концов поступал в его пользование. Осуществляя эту цель своего класса, боярство в то же время работало и в интересах московского торгового капитала, уничтожая его конкуре-

тов и открывая для него новые торговые перспективы. Общностью интересов феодальной знати и московского купечества об'ясняется продолжительная ожесточенная борьба Москвы с Тверью и Новгородом, обострившая отношения между Московским княжеством и Литовско-польским государством.

В своем стремлении присоединить к Москве все северо-восточные русские области московские князья и их бояре находили мощную поддержку у татар, которым было выгодно собирать дань с Русской земли и держать ее в повиновении при содействии покорного ханам московского князя. Благодаря этой поддержке Москва ко второй половине XV века не только захватила почти все земли северо-восточной Руси, но и окрепла настолько, что освободилась от зависимости Орды.

Упорнее всех княжеств отстаивали свою независимость от Москвы Тверь и Новгород.

Тверская земля лежала между владениями Москвы и Новгорода, которые были тесно связаны друг с другом торговыми отношениями: Новгород не мог существовать без поволжского хлеба, а Москве необходимы были как заморские товары, доставляемые новгородскими купцами, так и сырье обширных северных новгородских колоний.

Понятно, что независимость Тверской земли была бельмом на глазу не только у московских бояр, но и у купцов. И те и другие в одинаковой степени были заинтересованы в присоединении к Москве Тверского княжества: первые не прочь были увеличить свои вотчины отнятыми у тверских князей и бояр земельными владениями и получить возможность собирать пошлины с перевозимых по Тверской земле товаров, вторые были кровно заинтересованы в непосредственных торговых сношениях с Новгородом.

Тверские князья и боярство искали защиты от Москвы первоначально у литовских князей, а затем, уже после завоевания Москвой Новгорода, и у польско-литовского короля Казимира, сына Ягелло, и таким образом давали предлог польско-литовскому можновладству вмешиваться в русские дела.

Обещая от имени Казимира и Твери и Новгороду защиту от московских притязаний, польское можновладство тем не менее не было в состоянии оказать этим городам существенной поддержки: оба названных города были поглощены Московским княжеством. Присоединение Новгорода к Москве (1478) обозначало для него не только потерю политической независимости, но и всякого торгового значения, так как его конкурентка, торговая Москва, постаралась, правда чисто по-вар-

варски, но тем не менее очень ловко, узурпировать его торговые функции. Это было лишь окончательным завершением вековой борьбы Москвы с Новгородом за монополию торговли с Западной Европой и за право хищнического торгового капитала Москвы эксплоатировать такие огромные рынки, поставляющие сырье, каким были новгородские колонии — Двина и Заволочье.

В XV веке Московское княжество стало непосредственно граничить с русскими областями, вошедшими вместе с Литвой в состав об'единенного Польско-литовского королевства. Крупные пограничные литовско-русские феодалы, видя, с одной стороны, необыкновенное усиление московского боярства и положительно сказочное увеличение земельного фонда, которым фактически оно распоряжалось по своему усмотрению, а с другой стороны — замечая, что с заключением польско-литовской унии в Литве и на Руси влияние русского боярства постепенно падает, уступая место влиянию польско-литовского можновладства, а также все усиливающейся шляхты, начинают переходить на службу к московскому князю.

Это между прочим служило предлогом для постоянных военных столкновений между Литвой и Москвой, истощавших обе стороны. В конце XV века была сделана попытка установить прочный мир между этими странами: литовский князь Александр женился на дочери московского князя Ивана III и подписал с ним договор, по которому признавалось право перехода служилых литовско-русских бояр на службу к московскому князю, за которым было признано право титуловаться «государем всея Руси».

Но, конечно, такое семейное, так сказать, разрешение вопроса не могло дать сколько-нибудь прочных результатов, так как оно не устраняло главной причины столкновений между московским и польско-литовским государствами, лежавшей в стремлениях как московского боярства, так и польско-литовского можновладства к захвату у своих соседей земель, составлявших в феодальную эпоху главный источник обогащения. Кроме того, Москве для безопасности ее восточных границ и успешности захватнических замыслов по отношению к литовско-русским землям необходимо было завоевать занятый литовскими князьями Смоленск, который, будучи расположен в верховьях Днепра, имел огромное стратегическое и торговое значение, открывая путь к Киеву и ко всему бассейну этой реки.

Вот почему уже через 8 лет после заключения Иваном III и Александром, избранным в 1501 г. польским королем, «вечного» мира вспыхивает между ними война, длившаяся почти 3 года (1500—1503).

Москва вела эту войну в союзе с перекопским ханом Менгли-Гиреем, Польша — с ливонским орденом, причем татары страшно опустошили Галицкую Русь и увели из нее несколько десятков тысяч пленных, а немецкие рыцари, под предводительством магистра ордена Плеттенберга, осадили Псков, предварительно опустошив Псковскую землю не хуже, чем татары Галицию. Война эта закончилась уступкой Ивану III некоторых земель в бассейне Десны и разорением многих тысяч крестьянских хозяйств в Литве и на Руси. Смоленск остался за Польшей.

Последнее обстоятельство было причиной целого ряда военных столкновений (1512—1522) между сыном и преемником Ивана III, Василием III, и польским королем Сигизмундом I Старым, закончившихся перемирием, по которому Смоленск остался за Москвой.

В начале XVI века и в Польше и в Московской Руси совершается крупный аграрный переворот, связанный с разложением крупного — феодального и мелкого — крестьянского землевладения. С развитием в этих странах городской жизни и торговли в меновой оборот вовлекается и хлеб: он вместе с землей делается товаром. Среди части крупных землевладельцев, стремящихся к накоплению денег, на которые можно было на городских рынках приобретать не только все необходимое, но и предметы роскоши, возникает стремление к ведению хозяйства в крупных размерах, к сосредоточению в своих руках больших количеств хлеба, который во всякое время можно было обратить в деньги. С этой целью эта часть землевладельцев захватывает земли крестьян и их самих переводит на барщину. Этот порядок находится в полном противоречии с прежними отношениями в области сельского хозяйства, при которых большие феодальные земельные владения были раздроблены на мелкие крестьянские хозяйства, уплачивавшие известный оброк феодалу натурой.

Другая часть и московской и польско-литовской знати переводит своих крестьян с натурального налога на денежный, значительно увеличивая последний сравнительно с натуральным. Эта реформа оброка несла гибель мелким хозяйствам крестьян-вотчинников. С одной стороны, аппетиты феодальных владельцев к денежному оброку развивались несравненно сильнее, чем к натуральному, что вызывало повсюду непомерное увеличение обложения крестьянских дворов; с другой стороны — реализация крестьянами на городских рынках хлеба и других сельскохозяйственных продуктов сопровождалась совершенно непроизводительными расходами и затратой времени. Это вызывало повсеместное разорение крестьянских хозяйств, которое сопровождалось закабалением

крестьян крупными землевладельцами, обезземеливанием их и превращением в холопов феодального боярства и можновладства.

Но такое положение дел оказалось в конце концов гибельным и для крупного землевладения.

Обезземеленные, нищие крестьяне не видели для себя никакой выгоды содействовать своим трудом благосостоянию своих разорителей: они или работали на полях последних кое-как, из-под палки, или разбегались куда глаза глядят. При таких условиях огромные земельные владения феодальной знати давали ей ничтожные доходы, оставаясь в значительной своей части необработанными.

В то же время и московские бояре и польские можновладцы вовсе не склонны были лично заниматься сельским хозяйством и проживали свои доходы, высылаемые им приказчиками, в столицах, проводя праздную, паразитическую жизнь в бесконечных дворцовых интригах.

При таких обстоятельствах довольно быстро совершался процесс дробления владений крупных земельных собственников и даже обезземеливание последних.

В результате изложенного аграрного переворота и в Московской Руси и в Польско-литовском государстве возник класс средних земельных собственников, который вступил в открытую борьбу с крупным землевладением и одержал над ним победу. Этот класс известен в Московской Руси под названием поместных дворян, в Польше — шляхты.

Этот класс — более живой, деятельный и жизнеспособный, чем старая феодальная знать — не только сам крепко сидел на земле, но сумел прикрепить к ней и крестьян; он не только довольно рационально по тому времени вел сельское хозяйство, но не прочь был подзаняться и торговлей.

Представители польского и русского торгового капитала почувствовали в развитии этого класса угрозу своим интересам и поспешили во время разгоревшейся борьбы между средним и крупным землевладением сблизиться с последним.

Для русского торгового класса борьба эта кончилась довольно благополучно, так как он сумел во-время изменить свою позицию и войти в соглашение с победившим крупных феодалов поместным дворянством; что же касается польского торгового мещанства, то торжество шляхты надолго подорвало его материальное благосостояние и политическое значение.

Борьба между московским крупным и мелким землевладением закончилась в царствование Ивана IV, Грозного (1533—1584), установле-

нием опричины. В указанной борьбе Иван IV решительно стал на сторону поместного дворянства, и весь смысл установленной им опричины сводился к тому, что в руках царя сосредоточился огромный земельный фонд, которым он мог распоряжаться по своему усмотрению, совершенно не считаясь с интересами феодальной знати. Этой возможностью Иван IV пользовался очень широко, что между прочим видно из московской летописи, по словам которой он роздал своим опричникам 1 000 поместий.

Борьба между крупным и средним землевладением в Польше происходит при деятельном участии в ней королей. Первоначально последние держат сторону крупной феодальной знати, в которой видят свою единственную опору против очень рано проявившихся поползновений шляхты придать своим местным собраниям, сеймикам, значение законодательных учреждений. Но уже при Казимире Ягеллончике (1444—1506) отношения между королевской властью и можновладством резко изменяются к худшему.

Казимир, нуждаясь в средствах для своих военных предприятий, обложил специальной военной податью все население, в том числе и можновладство. Последнее пыталось было не подчиниться распоряжению короля, но Казимир, прибегнув к помощи шляхты, поставил на своем. С этого времени начинает усиливаться политическое значение шляхты, которая раньше его не имела, несмотря на то, что несла все тяготы военной службы и платила большие подати.

Но и Казимир и его преемники не были столь решительны и дальновидны, как московский царь Иван IV: во время борьбы между можновладством и шляхтой они становились то на сторону можновладства, то на сторону шляхты, чем естественно вызывали недоверие к себе со стороны обоих враждовавших лагерей.

Такая нерешительная политика польских королей в момент обострившейся борьбы между крупным и средним землевладением повела, несмотря на победу шляхты, к сближению последней с можновладством, что в конце концов вызвало фактическое уничтожение королевской власти: в начале XVI века Польша является в сущности аристократической республикой, во главе которой стоял выбранный аристократией президент, носивший титул короля. За ним сохраняется только представительство, а вся полнота власти переходит в руки шляхты, осуществляющей эту власть через свои местные сеймы («сеймики») и общий («вальный») сейм, состоящий из королевской «рады», рода верхней палаты, и «посольской избы», в которой заседают представители отдельных сеймиков.

В сейме заседала исключительно шляхта; ни мещане (за исключением мещан г. Кракова) ни тем более крестьяне не имели в сейме своих представителей. Исключение было сделано только для высшего духовенства: оно было допущено в «раду», но и то лишь потому, что по закону 1505 года должности епископов и прелатов могли занимать только шляхтичи.

Шляхта, пользуясь своей властью и привилегированным положением для систематического угнетения и эксплоатации всех других классов населения, превращается в паразитирующее сословие, высасывающее все жизненные соки из мещанства и в особенности из крестьянства.

К половине XVI века все польские крестьяне в результате целого ряда законов, принятых шляхетскими сеймиками и утвержденных сеймом, были прикреплены к шляхетским имениям, безусловно лишаясь права перехода. Это вызвало бегство наиболее предприимчивых и свободолюбивых крестьян от панской неволи: в западных областях Польши они бежали в города, где и скрывались от помещиков («гультаи»); крестьяне восточных областей бежали в «дикие поля», т. е. в незаселенные места в бассейнах рек Днепра, Дона и Волги, и образовывали там казацкие поселения.

Доведя своих крестьян до крайней степени нищеты, шляхта своей узкой эгоистической политикой подорвала и экономическую жизнь городов. Получив право вывозить беспошлинно свои сырые произведения, она провела в сейме закон (1565), воспрещавший мещанам вывозить товары за границу и разрешавший иноземным купцам ввозить в Польшу свои товары беспошлинно, чем нанесла сокрушительный удар польской торговле, перешедшей в руки иностранцев; обязывая мещан продавать шляхтичам свои земли вне городской черты, воспрещая крестьянам переселяться в города, лишая шляхетского достоинства шляхтичей, занимавшихся в городах торговлей и ремеслами, шляхта способствовала очень резкому понижению населенности польских городов, большинство которых ко второй половине XVI века обратилось в поселения деревенского типа, населенные преимущественно безземельным мещанством, поддерживавшим свое жалкое существование случайным поденным заработком, мелким ремесленным трудом, мелкой лавочной торговлей и маклерством у соседних помещиков. Это мещанство в подавляющем большинстве состояло из евреев: немногочисленному слою польского мещанства, сохранившему еще за собой землю вне пределов городов и занимавшемуся сельским хозяйством, и шляхте было категорически запрещено заниматься ремеслами и торговлей.

III. ЛИВОНСКАЯ ВОЙНА, СТАБИЛИЗАЦИЯ ШЛЯХЕТСКОГО СТРОЯ В ПОЛЬШЕ И МОСКОВСКАЯ СМУТА.

После присоединения Новгорода к Москве и разорения его московская торговая буржуазия, освободившись от конкуренции новгородских купцов, усиливает свои торговые сношения с Западной Европой, главным образом через порт близ Архангельского монастыря в устье Северной Двины. Довольно значительные постоянные сношения московского купечества с Европой начинаются со времени случайного посещения первым английским кораблем устья этой реки и путешествия капитана Ченслера в Москву, в результате которого английские купцы получили большие льготы по торговле с Московским государством (1553).

Но северный морской путь был крайне неудобен для торговых сношений: Архангельский порт, слишком удаленный от Москвы и других торговых пунктов Московского государства, не был связан удобными путями с Москвой и замерзал, как и в настоящее время, на 6—7 месяцев.

Понятно, что купечество Московского государства в поисках удобных морских торговых путей обратило внимание на ближайшее к границам этого государства юго-восточное побережье Балтийского моря, которым владел ливонский орден. В середине XVI века этот орден был в состоянии упадка и казался московским руководящим кругам очень легкой добычей. Мысль о необходимости завоевания Ливонией находила многочисленных сторонников не только среди московского торгового класса, но и среди представителей мелкопоместного дворянства, рассчитывавшего на наделение в отвоеванной у ливонских рыцарей земле поместьями.

Несмотря на противодействие феодальной знати, не видевшей для себя никаких выгод в этой авантюре, Иван IV начал войну с Ливонией, прикрывая захватнические планы купечества и дворянства религиозными соображениями. Он об'явил, что лифляндские немцы оскорбили религиозное чувство русского народа: обратившись в протестанскую веру, они сожгли в одном из храмов православные иконы.

Война тянулась с некоторыми перерывами с 1558 года по 1582 год. Первые столкновения московских войск с рыцарями были очень удачны для первых: обладая огромным численным перевесом, русские воеводы заняли Нарву, установили прямой путь между Псковом и балтийским побережьем и стали угрожать всей Ливонии.

Это всполошило польскую шляхту и представителей польского торгового капитала. При слабости ливонского ордена шляхта издавна привыкла смотреть на его земли, как на свою законную добычу, а польские купцы вовсе не склонны были уступать ливонские гавани своим восточным соседям. Этого было, конечно, достаточно, чтобы заставить польское правительство начать войну с Москвой и, под предлогом защиты неприкосновенности границ Ливонии, аннексировать последнюю.

Шведские и датские правящие классы также давно зарились на ливонское наследство, и вскоре после начала московско-ливонской войны шведские войска заняли Ревель.

Войска Ивана IV, быстро занявшие в начале войны значительную часть Ливонии, не могли избежать окончательного поражения в результате затянувшейся войны со своими по-европейски вооруженными и обученными противниками, располагавшими притом гораздо более солидными экономическими ресурсами, и к 1581 году, после целого ряда поражений, были оттеснены к Пскову польским королем Стефаном Баторием (1576—1586), очень талантливым полководцем.

Иван IV принужден был просить у Стефана Батория мира, который и был заключен при посредничестве римского папы в Яме Запольском (1582). По этому миру Москва отказалась от всяких притязаний на берега Балтийского моря и уступила Польше, захватившей почти всю Ливонию, Полоцк.

Официальная Польша, вмешавшись в московско-ливонскую войну, не только решительно закрыла Москве доступ к берегам Балтийского моря, но и надолго подорвала ее престиж среди угнетенных масс литовско-русского населения, питавшего надежды на освобождение при помощи московских войск от подчинения польской аристократии.

Ко времени ливонской войны относится заключение между Литвой и Польшей так называемой Люблинской унии (1569). Политическое об'единение этих государств, совершившееся при Ягелло и оформленное затем рядом договоров (1401, 1413, 1501), держалось главным образом на общности династии: великий князь литовский был одновременно и королем польским. Естественно, что с прекращением на польском престоле династии Ягеллонов мог возникнуть вопрос о разрыве политических связей между Литвой и Польшей, тем более, что масса

трудового населения литовско-московских областей крайне тяготилось этими связями.

С польским королем Сигизмундом Августом (1548—1572) прекращался род Ягеллонов, так как этот король был бездетен. Чтобы предупредить возможность отделения после его смерти Литовско-русского государства от Литвы, польская шляхта подняла вопрос о необходимости об'единения Литвы и Польши навсегда, независимо от того, кто будет преемником последнего Ягеллона на польском престоле.

Этот проект, кроме пассивного, правда, недовольства среди широких масс населения Литвы и Руси, вызвал резкое противодействие со стороны представителей крупного литовско-русского землевладения, которое дольше, чем в Польше, сумело удержать свои господствующие позиции среди среднего дворянства и боялось об'единения последнего с польской шляхтой, успевшей уже нанести решительный удар своему можновладству.

Во главе оппозиционной литовско-русской феодальной знати стал Николай Радзивилл Черный, который, пользуясь влиянием и среди литовского дворянства, пять раз срывал польско-литовский сейм, собиравшийся для разрешения вопроса об унии. Тогда польская шляхта решила обойтись без литовско-русских магнатов и привлекла на свою сторону представителей южно-русского среднего землевладения, которые на сейме в Люблине (1569) заявили, что они порывают всякие связи с Литвой и присоединяются непосредственно к Польше.

Это был необыкновенно ловкий политический ход: литовскому дворянству, оставшемуся в меньшинстве, поневоле пришлось бросить оппозицию, в результате чего 1 июля 1569 года была подписана уния между Польшей и Литвой на следующих главнейших условиях: 1) Польское королевство и великое княжество Литовское составляет одно нераздельное государство; 2) они выбирают общего короля и общие сеймы; 3) в Польше и в Литве вводится общая монетная система; 4) жители Польши и Литвы имеют право свободного жительства на территории обоих государств; 5) Украина (т. е. южно-русские области) отделяется от Литвы и входит в состав Польши; 6) Литва сохраняет свое управление, финансы и войско.

Местом созыва общих польско-литовских сеймов был назначен город Варшава, куда современем была перенесена и резиденция королей из Кракова.

Для дальнейшего развития русско-польских отношений особо важное значение имело постановление Люблинского сейма о включении Украины непосредственно в состав Польши. Это постановление нарушило уста-

новившееся с XIV века равновесие между Польшей и Литовско-русским государством и еще более разожгло захватнические аппетиты польской шляхты.

Люблинская уния была крупной победой польской шляхты, которая сумела привлечь на свою сторону и литовско-русское дворянство и нанести таким образом сокрушительный удар можновладству и за пределами Польши. Эта шляхта, представлявшая собой польское поместное дворянство, прекрасно сознавала свои классовые интересы и, руководя внутренней и внешней политикой Польши, считалась только с ними.

Так, справедливо видя в Иване IV представителя и защитника интересов среднего землевладения, она дважды — на сеймах 1573 и 1577 гг.— выставляла его кандидатуру на польский престол, не смущаясь в данном случае ни патриотическими, ни национальными, ни религиозными соображениями, которыми она обыкновенно об'ясняла все свои действия.

Военные успехи Польши в XVI веке, в результате которых это государство включило в свои пределы земли обоих рыцарских орденов, ловкая политика по отношению к Литовско-русскому государству, благодаря которой Польша не только установила свою бесспорную гегемонию в коренной Литве, но и отторгнула от нее русские области, удачное в общем отражение татар и турок, наседавших на южные границы Польши, — сопровождались крайне ненормальным развитием ее внутренних отношений.

Польша превратилась в своеобразное государство, совершенно откровенно обслуживающее исключительно интересы польского поместного дворянства. Вся конституция Польши, с ее сеймиками, сеймом и избираемым шляхтой королем, была приспособлена к обслуживанию интересов одного этого сословия.

Захватив в свои руки всю землю, обратив все трудовое земледельческое население в своих крепостных, шляхта захватила в свои руки внутреннюю и внешнюю торговлю хлебом, которую она вела при посредстве особых маклеров («факторов»), по преимуществу евреев-мещан. Эта торговля, а также всевозможные поборы, взимаемые как с земледельческого, деревенского, так и с торгового и ремесленного, городского, населения и попадающие в конце концов в бездонные шляхетские карманы, способствовали сосредоточению в руках шляхты огромных земельных владений и крупных денежных капиталов.

Параллельно с этим шло крайнее обнищание крестьян и мещан, которые сошли положительно на положение париев.

Польшу даже официально не называли иначе, как шляхетским государством; народ — это шляхта, мещанство же и крестьянство — это

скот, «быдло», существующее лишь для того, чтобы работать на своих господ — шляхту.

Высшее духовенство, имевшее огромное влияние в Польше, выходило исключительно из родов шляхты, а низшее, городское и сельское, в материальном отношении вполне зависело от последней и было послушным орудием в ее руках.

Король и шагу не мог ступить без шляхты, которая часто попросту нанимала короля, предоставляя ему в виде замаскированного жалованья известные государственные доходы, за что он обязывался служить шляхетским интересам. Оберегая свою «золотую свободу», шляхта узаконила право шляхтича не повиноваться распоряжениям короля и даже с оружием в руках сопротивляться ему. Отсюда целый ряд узаконенных войн между королем и непослушными шляхтичами, так называемые «рокоши» и «конфедерации».

Счастливо сложившаяся для Польши XVI века международная обстановка, благодаря которой шляхта могла удачно вести свою захватническую политику по отношению к орденским, литовским и русским землям и все более и более обогащаться военной добычей и преходящей все границы эксплоатацией трудового населения, создала среди шляхты убеждение, что та анархия, в которой очутилась Польша,— это основание шляхетской «золотой свободы», что шляхетская Польша «стоит анархией».

Умственный уровень польской шляхты был крайне низок: образование она получала в монастырских школах и иезуитских коллегиях. Краковский университет, основанный в 1364 году, в XVI веке продолжал влачить жалкое существование, находясь в руках польского духовенства, которое главную задачу университета видело в борьбе его с реформацией.

Школьная система, позаимствованная Польшей с Запада в эпоху господства схоластики, застыла в схоластических формах и не допускала в области науки свободного исследования, пробавляясь истолкованием на все лады средневековых «истин», освещенных главным образом авторитетом библии и Аристотеля.

Понятно, что, получая образование в таких школах, шляхта отличалась необыкновенно узким миросозерцанием, не выходившим за рамки классовых материальных интересов и грубых развлечений.

Непрерывные внутренние и внешние войны, которые вела шляхта, преследовали также узкие шляхетские интересы: чем больше лилось крови польского крестьянства и мещанства, тем более увеличивалось благосостояние этого сословия-паразита.

К концу XVI века среди шляхты закончился процесс дифференциации, вполне определенно наметившийся еще в XIV веке. Шляхта распалась на 3 слоя: мелкую шляхту (владевшую ничтожными клочками земли, а иногда и безземельную), среднюю, составлявшую главное ядро польского поместного дворянства, и высшую — небольшое число магнатов, сосредоточивших в своих руках огромные земельные владения, напоминавшие по своим размерам крупные удельные княжества.

Экономически более слабые представители шляхты подпадали под влияние более сильных и часто нанимались к ним на службу. В лице магнатов таким образом постепенно восстанавливалось прежнее можновладство. Магнаты мало-по-малу захватывали в свои руки государственную власть.

Неразвитое, грубое шляхетство представляло прекрасную почву для культивирования католического фанатизма. Только в пятидесятые и шестидесятые годы XVI столетия часть польской шляхты склоняется к реформации в ее аристократически-республиканском течении, т. е. к кальвинизму. Это шляхетское увлечение об'ясняется прежде всего тем, что устранение церковной иерархии давало возможность помещикам собирать десятину в свою пользу. Польское духовенство, встречая поддержку со стороны большинства шляхты, не желало, конечно, сдавать своих позиций: в конце семидесятых годов начинается его победоносное наступление, так называемая католическая реакция.

Раскол в католической церкви, известный под именем реформации, принял в Европе XVI века такие огромные размеры потому, что это религиозное движение совпало по времени с целым рядом движений социально-экономического порядка.

Средневековый строй, равностно охраняемый католической церковью, еще задолго до реформации стал разлагаться под влиянием глубоких перемен, происшедших во всех сторонах народного хозяйства Европы. Торгово-денежное хозяйство, все более и более развивавшееся в международном масштабе, не могло развиваться нормально в условиях феодального строя, приспособленного к хозяйству с крайне ограниченным обменом, к хозяйству феодального поместья.

Отсюда всеобщее недовольство и брожение, которое, не поспей к этому времени религиозное движение, все равно прорвалось бы наружу. Реформация лишь ускорила этот процесс и выдвинула известные лозунги, лозунги борьбы против католического духовенства, прикрывавшие социально-экономическое содержание. К реформации примкнули средневековые философы и ученые, так называемые гуманисты, боровшиеся за свободу мысли против религиозного мракобесия; во имя ре-

формации поднимались против помещиков крестьяне и городские низы против эксплоатировавших их представителей хищнического торгового и ростовщического капитала; во имя той же реформации мелкие рыцари воевали с крупными феодалами, — словом, чисто революционная борьба разных слоев европейского общества XVI века велась под знаменем религии.

Это движение, охватившее всю Европу, вызвало как со стороны духовенства, так и со стороны сторонников отживавшего средневекового строя в лице значительной части крупной феодальной знати противодействие, так называемую католическую реакцию, задавшуюся целью восстановить пошатнувшееся положение католической церкви и возвратить ей то влияние, каким она пользовалась в средние века.

Главными представительницами католической реакции были Испания, Австрия и Польша; последняя в лице короля Сигизмунда III (1587 — 1632).

Сигизмунд III, сын шведского короля от его брака с Екатериной из рода Ягеллонов, воспитанный в традициях монархизма, был фанатичным католиком и ненавидел реформацию, видя в ней опасное народное движение, которое в конце концов может обратиться и против королевской власти. Крайне ограниченный и недальновидный, он окружил себя передовым отрядом католической реакции — орденом иезуитов, который, легко справившись с польской реформацией, не нашедшей в Польше подходящей почвы для своего распространения, и очутившись таким образом на положении безработного, внушал польскому королю мысль о необходимости борьбы не только с реформацией, но и с православием.

Мысль эта была поддержана и польскими магнатами, сосредоточившими в своих руках огромные земельные владения в вошедших со времени Люблинской унии в состав Польши русских областях, получивших общее название Украины.

Украинские крестьяне, находившиеся вне влияния польского католического духовенства, ревностно защищавшего интересы поместного дворянства, казались последнему крайне опасными.

Обратить украинских крестьян в католичество, подчинить их влиянию польского духовенства, которое было таким могучим орудием в руках польской шляхты в деле порабощения крестьян в коренной Польше, казалось правительству Сигизмунда III вопросом первостепенной важности.

В то же время и высшее православное духовенство Польши не прочь было путем унии с католичеством порвать крайне тяготившую

его зависимость от алчных восточных патриархов, присваивавших себе львиную долю епископских доходов. Кроме того, этому духовенству, владевшему на правах феодалов огромными земельными имениями, доставляли много хлопот так называемые православные братства, вокруг которых организовывалась городская буржуазия, стремившаяся освободиться от опеки духовных феодалов путем получения права выбирать себе епископов. Самым радикальным средством, способным раз навсегда покончить с братствами, в глазах православных духовных магнатов была та же уния.

Все эти обстоятельства подготовили созыв собора в Брест-Литовске (1595), на котором было об'явлено соединение под главенством римского папы католической и православной церквей, причем православной церкви были оставлены некоторые ее прежние обряды и церковно-славянский язык.

Церковная уния, осуществленная по мысли светской и духовной феодальной знати, вызвала резкое противодействие со стороны украинской буржуазии в лице мелкого духовенства, городского населения и казачества. Антагонизм между указанными феодалами и буржуазией выливается в форму ожесточенной классовой борьбы под религиозными лозунгами. Правительство Сигизмунда III, естественно, стоит на стороне первых и принимает самое деятельное участие в разгоревшейся борьбе. Одним из средств этой борьбы в руках польского правительства было ограничение политических и гражданских прав православного населения Польши. Так возникла в Польше религиозная борьба и связанный с нею вопрос о диссидентах, т. е. об иноверцах, — вопрос, которому суждено было сыграть самую роковую роль в истории этого государства.

В царствование Сигизмунда III Польша в лице ее короля и шляхты вмешалась во внутренние дела Москвы, сыграв очень важную роль в истории московской «смуты».

Опричина Ивана IV не могла, конечно, разрешить накопившихся веками в московской жизни противоречий. Прежде всего нужно отметить, что победа поместного дворянства над родовитым феодальным боярством была непрочна. С одной стороны, последнее не было окончательно уничтожено и сохранило свое прежнее значение в земщине; с другой же стороны — многие представители дворянства, пользуясь благодаря близости к царю неограниченными возможностями усиливать свое влияние и обогащаться, возвысились на степень прежних всесильных бояр. Крестьянство и холопы в результате борьбы крупного и среднего землевладения ровно ничего не выиграли, и экономическое их поло-

жение нисколько не изменилось к лучшему. Московская буржуазия, т. е. посадские купцы, кровно заинтересована была лишь в одном: в таком государственном порядке, который создавал бы подходящие условия для развития выгодной торговли; а этих условий как раз и не было. Казаки, представлявшие в конце XVI века крупную социальную единицу и являвшиеся в сущности мелкими окраинными землевладельцами и промышленниками, тяготились своим шатким и опасным положением на границах государства и не прочь были при случае потребовать и себе поместий в центральных частях государства.

После смерти Ивана IV (1584) все эти силы стали приходить в движение, чтобы к концу царствования Бориса Годунова (1598—1605) вызвать стихийную революцию, в которой приняли участие все классы тогдашнего русского общества. Начало положило боярство.

Борис Годунов, прошедший в качестве одного из любимцев Ивана IV его политическую школу, пошел по стопам своего учителя и, опираясь на среднее служилое дворянство, стал самыми суровыми террористическими мерами подавлять поднявшее было после смерти Грозного голову феодальное боярство.

Последнее, учитывая шаткое положение Годунова, как неродовитого боярина, случайно усевшегося на московском престоле, выдвинуло против него соперника в лице Названого Дмитрия, будто бы спасшегося от подосланных Годуновым убийц сына Ивана IV. Историческая наука до сих пор не выяснила подлинной личности Дмитрия, но несомненно одно, что он не имел ничего общего со «страдником, ведомым вором, богоотступником, еретиком, расстригой Гришкой Богдановым, сыном Отрепьевым», как его величают официальные годуновские документы.

Названый Дмитрий в самом начале XVII века появляется в Киеве, где вокруг него группируются мелкие литовско-русские служилые люди, а также казаки с Дона и Днепра. В 1603 году мы его видим при дворе одного из крупнейших польских магнатов, князя Адама Вишневецкого. Здесь Дмитрий встречает самый радушный и почетный прием, подготовленный его успехами в Киеве. Просьба Дмитрия помочь ему низложить Годунова и занять московский престол встречает среди польских магнатов полное сочувствие: Мнишки, Рожинские, Вишневецкие охотно обещают ему не только свою помощь, но и поддержку Сигизмунда III. Сандомирский воевода Мнишек спешит даже породниться с будущим московским царем: дочь Мнишка Марина становится невестой Названого Дмитрия.

Сочувствие планам последнего со стороны магнатов и короля находит отклик и среди мелкой шляхты, которая толпами стекается к

претенденту на московский престол и вместе с ним отправляется в поход против Годунова (1605).

Это вмешательство польской знати в русские дела было самой откровенной авантюрой, но именно поэтому все предприятие Названого Дмитрия и казалось ей необыкновенно заманчивым. Авантюра эта, необыкновенно смелая по замыслу, могла при удаче окончиться захватом Москвы: какие широкие перспективы, вплоть до присоединения Московского государства к шляхетской Польше, открылись бы тогда перед польской шляхтой, при помощи которой, как ей казалось, и возможно было осуществление всего плана!

Борис Годунов, не сумевший создать себе прочной опоры ни в одном из классов московского общества, умер, когда дело его было уже бесповоротно проиграно. Вскоре после его смерти Названый Дмитрий вступил в Москву и стал московским царем (1605—1606), причем ему не пришлось иметь дела с преемником Бориса, сыном его Федором: московские бояре самым зверским образом расправились с ним и с его матерью.

Ополчение, завоевавшее для Дмитрия московский престол, состояло из мелких окраинных дворян, казаков и польской шляхты. Понятно, что в них-то новый царь и видел опору своей власти и старался поэтому всячески их задабривать, причем особенное внимание оказывал шляхте, как наиболее воинственной и опытной в военном деле части своего войска.

Создавшееся положение дел совсем спутало все расчеты московского феодального боярства, которое при Дмитрии не только отошло на второй план, но и постоянно находилось под угрозой конфискации своих земельных владений для удовлетворения поместьями мелких служилых людей и казаков, очень недвусмысленно выражавших свои пожелания в этом духе. В то же время Названый Дмитрий, по мнению этого боярства, уничтожив династию Годуновых, выполнил свою задачу и больше был не нужен.

В своем решении отделаться от Дмитрия московские бояре нашли поддержку в московских посадских людях, напуганных огромным наплывом в Москву польских жолнеров, которые, пользуясь своим привилегированным положением, стали вести себя вызывающе и нередко грабили лавки в торговых рядах на Ильинке. Недовольны были Дмитрием и северно-русские служилые люди, стянутые к Москве по случаю задуманного им похода на Крым. Это служилое дворянство, обойденное вниманием царя, расточившим все свои милости окраинным служилым людям, видело в крымском походе уступку царя требованиям последних, в ущерб прочему дворянству.

Боярство, посадские люди и северное служилое дворянство и составили ту силу, которая 17 мая 1606 года умертвила Названого Дмитрия и перебила поляков.

После смерти Дмитрия на престол посадскими людьми, т. е. московской буржуазией, воспользовавшейся происшедшим замешательством в рядах боярства и служилого дворянства, был посажен руководитель заговора 17 мая боярин Василий Шуйский. Это был первый московский царь, власть которого была официально ограничена в интересах буржуазии и феодального боярства, которое, будучи поставлено перед фактом вступления Шуйского на престол и помня то влияние, каким пользовались при Дмитрии мелкие служилые люди, вошло в соглашение с посадом. Таким образом время царствования Василия Шуйского было временем нахождения у власти московской буржуазии и феодального боярства.

Но этот характерный блок не замедлил вызвать возмущение против московского правительства тех слоев русского общества, которые посадили на престол Дмитрия. На этот раз движение против Москвы сопровождалось восстанием боярских крестьян и холопов, первое время поощряемым поднявшим движение мелким поместным дворянством, в глазах которого крестьяне и холопы были менее опасными врагами, чем феодальное дворянство. Поэтому начало восстания было ознаменовано совместными действиями вождей провинциального служилого класса — Ляпуновых, Сумбулова, Пашкова и предводителя ополчения крестьян и холопов — беглого холопа Болотникова. Но союз этот по вполне понятным причинам не мог быть прочным. Прокопий Ляпунов, приблизившись к Москве, завязал сношения с Василием Шуйским, который, пообещав «пожаловать» дворян поместьями, убедил их предводителя примириться с московской властью и выступить против Болотникова. Так создался боярско-дворянский блок, в результате которого было уничтожение ополчения Болотникова, который и сам был убит под Тулой. Но торжество Шуйского было непродолжительно.

Вскоре после победы над Болотниковым на Москву из Стародуба-Северского двинулось новое ополчение, возглавляемое каким-то проходимцем, выдававшим себя за спасшегося якобы от рук заговорщиков Дмитрия. В этом походе главную роль играли польские отряды под начальством воинственных панов Лисовского и Рожинского.

По всем данным этот московский поход, как и первый с Названым Дмитрием, поддерживался и польским правительством и отдельными влиятельными магнатами, не покидавшими надежды прибрать к своим рукам и Московскую Русь.

Василий Шуйский двинул свои войска против быстро приближавшейся к Москве рати нового Дмитрия, но они были разбиты им наголову. Летом 1608 года этот Дмитрий подступил к Москве и расположился в селе Тушине, которое вскоре сделалось второй столицей государства со своим царем, патриархом, боярами, служилыми людьми и так далее.

Существенное отличие Тушина от Москвы заключалось в том, что руководящую роль при тушинском дворе играла польская шляхта, стоявшая во главе многочисленных отрядов польских жолнеров. Необходимо отметить и то обстоятельство, что к Тушину тянули крестьяне и холопы, которые движению против Москвы сообщили характер выступлений против крупных землевладельцев: их отряды занимались главным образом тем, что громили усадьбы бояр и богатых помещиков.

Такому образу действий тушинских крестьян шляхта сочувствовать, конечно, не могла, но она и не принимала никаких мер против них, так как ей выгодно было поддерживать «смуту». Глядя далеко вперед, шляхта ближайшей своей целью поставила приведение страны в состояние полного разложения, чтобы затем тем легче захватить в ней власть. Притом крестьянское движение не затрагивало пока непосредственно ее интересов и не казалось ей настолько серьезным, чтоб в случае надобности нельзя было с ним легко справиться.

Но эти соображения польской шляхты были, конечно, чужды тушинскому служилому дворянству, для которого крестьянское движение представляло непосредственную опасность.

Отсюда-то и возникла среди этого дворянства мысль обратиться к Сигизмунду III с просьбой поскорее покончить с разраставшейся «смутой» (1610).

В это время Сигизмунд осаждал Смоленск. Его поход в пределы Московского государства был вызван заключением Шуйским союза со Швецией с целью получить от нее помощь против Тушина: этот союз Сигизмунд, бывший во враждебных отношениях со Швецией, принял как вызов.

Тушинские послы, во главе с Салтыковым, отправились к королю под Смоленск и предложили ему, в виде компенсации за его вмешательство во внутренние дела Москвы, московский престол для его сына Владислава. Это предложение было принято, и между тушинскими послами и Сигизмундом было заключено соглашение, сущность которого сводилась к следующему: 1) власть Владислава ограничивается «советом бояр и всей земли» (под последней разумелось, конечно, только дворянство), 2) новый царь сохраняет неприкосновенность православ-

ной церкви и преобладание русских в делах управления, 3) подтверждает запрещение перехода крестьян и освобождения холопов.

Из этих условий ясно, что договор между польским королем и русским поместным дворянством был в сущности договором против восставшего крестьянства с целью его окончательного закрепощения и установления в Московском государстве аристократической формы правления по образцу польского государственного строя.

Между тем тушинский лагерь под нажимом шведского вспомогательного отряда, которым предводительствовал племянник Василия Шуйского Михаил Скопин-Шуйский, распался, тушинский «вор» отступил к Калуге, а главная его сила — польский отряд Рожинского — пошел на соединение с войсками Сигизмунда.

Освободившись от постоянной угрозы со стороны Тушина, Василий Шуйский поспешил послать на освобождение Смоленска отряд под начальством своего брата Дмитрия Ивановича. Отряд этот состоял преимущественно из наемных иностранных солдат, приведенных Скопиным-Шуйским, умершим вскоре после вступления в Москву.

Дмитрий Шуйский был разбит наголову под Клушиным одним из талантливейших полководцев Сигизмунда Жолкевским, после чего последний направился к Москве и осадил ее. В то же время к югу от Москвы опять появился «вор», к которому массами стекались крестьяне и беглые холопы и которого с нетерпением ожидала московская «чернь». Потерявший всякую популярность и совершенно растерявшийся Василий Шуйский был свергнут с престола рязанскими дворянами, во главе которых стоял Захар Ляпунов, и Москва присягнула Боярской думе, как временному правительству.

Дума было поставлена перед дилеммой: или признать царем Владислава, чего требовал Жолкевский, или сдать Москву «вору», за которого стояли восставшие крестьяне и московская «чернь». Бояре, конечно, выбрали первое разрешение вопроса, присягнули Владиславу и из боязни восстания черни впустили Жолкевского в Москву.

После смерти тушинского «вора» (1610) революционное настроение среди крестьян, оставшихся без своего кандидата на московский престол, идет заметно на убыль. Среди южных поместных дворян, после избрания Владислава Боярской думой, начинается движение против Владислава, который им уже кажется боярским ставленником, а им нужен был свой, дворянский царь. Против Владислава начинают высказываться и города в лице торговой буржуазии, изверившейся окончательно в способности бояр и их ставленников положить конец разорившей торговых людей «смуте».

Начал дворянское движение Прокопий Ляпунов в Рязанской земле, откуда двинулось первое ополчение с целью освобождения Москвы от поляков, которые после вспыхнувшего против них восстания сожгли бо́льшую часть столицы и заперлись в Китай-городе и в Кремле.

К дворянскому ополчению, осадившему Китай-город, присоединились казаки, во главе которых стояли князь Трубецкой и Заруцкий. Ляпунов и названные казацкие предводители на соборе, созванном в ополчении, состоявшем лишь из служилых людей, были провозглашены правителями государства с ограниченной собором властью (1611). Московское же правительство, самые видные члены которого сидели вместе с поляками в Кремле, было об'явлено низложенным.

Провозглашением этого своеобразного триумвирата собор думал добиться прочного примирения между служилым дворянством и казаками, но цель эта не была достигнута: раздоры продолжались, и жертвой их пал сам Ляпунов, убитый казаками. При таких условиях о взятии Москвы не могло быть, конечно, и речи.

Московское государство дошло до крайней степени разрушения: поляки заняли Смоленск и засели в московском Кремле, шведы захватили Новгород, в Пскове появился самозванец, какой-то Сидорка, в областях бесконтрольно хозяйничали поместные дворяне, казачьи предводители и польские партизаны, крестьяне глухо волновались, и во многих местах восставали против помещиков, в городах, с прекращением торговли, жизнь стала замирать.

При таком безнадежном, казалось, положении страны инициативу очищения Москвы от поляков и восстановления «порядка» взяли на себя города, т. е. торговая буржуазия. Города вступают в переписку друг с другом с целью учета своих сил и возможностей. Деятельное участие в движении принимает и духовенство: оно рассылает из Троицкого монастыря по городам грамоты с призывом к созданию всенародного ополчения, которое выгнало бы поляков из Москвы, избрало бы «природного» государя и спасло таким образом «гибнущее православие».

Монашеские грамоты встретили самый живой отклик среди посадских людей Московского государства, но последних, конечно, менее всего интересовала судьба «православия»: приходилось спасать свои «животы», спасать себя от полного разорения, которое было неизбежно при продолжении «смуты».

Во главе движения городов стал Нижний-Новгород в лице своего старосты, богатого мясника, Кузьмы Минина-Сухорукого. Последний не только составил план предварительных действий, имевших конечною целью освобождение Москвы от поляков и подавление «смуты», но и

приступил к осуществлению этого плана. А план сводился к тому, чтобы собрать среди посадских путем добровольных пожертвований и обязательной раскладки возможно больше денег и ценных предметов на наем нового помещичьего ополчения.

Союз этих двух классов московского общества — городской буржуазии и поместного дворянства, наиболее заинтересованных в прекращении «смуты» — на этот раз оказался прочным. Дворянство выдвинуло из своей среды талантливого полководца, князя Пожарского, который стал во главе нанятой на купеческие деньги дворянской рати, двинувшейся в 1612 году к Москве. Здесь стоял казацкий отряд Трубецкого, вовсе несклонный итти под начало Пожарскому, вследствие чего между дворянским ополчением и казацким начались раздоры, чуть не погубившие всего дела.

Минин и Пожарский, понимая, что без казацкой помощи дворянскому ополчению, составленному наспех, плохо вооруженному и совсем не дисциплинированному, Москвы не взять, постарались привлечь на свою сторону казацких вождей путем подкупов и обещаний щедрых наград в будущем. Совместные действия ополченцев и казаков не замедлили отразиться на их военных успехах: ими был разбит гетман Ходкевич, пробиравшийся с провиантом к засевшим в Москве поляками, взят Китай-город (1612) и отбит от Волоколамска король Сигизмунд. Засевший в Кремле малочисленный польский отряд, доведенный голодом до людоедства, принужден был сдаться, и Москва таким образом перешла в руки земского и казацкого ополчений. Необходимо отметить, что решающую роль в благоприятном исходе всех этих военных предприятий играло казачество.

После занятия Москвы представитель служилого дворянства, князь Пожарский, и вождь казацкого ополчения, князь Трубецкой, приступили к созыву Земского собора «для земского совета и государственного избрания».

Заседания собора начались в Москве в начале 1613 года; участники его поделились на мелкие партии, отстаивавшие своих кандидатов, выдвинутых совершенно случайно по происках непосредственно заинтересованных в избрании царя аристократических фамилий.

Наиболее сильной партией на соборе была партия казацкая, которая выставила две кандидатуры: сына тушинского «царька» и Михаила Романова, сына тушинского патриарха Филарета. Когда собор отверг первую кандидатуру, казаки на ней не настаивали, но тем упорнее стояли за «природного» царя, т. е. за Михаила. Эту кандидатуру поддержали служилое дворянство и посадские торговые люди: для них она

была приемлемее, чем кандидатура старинных княжеских родов. Согласованное выступление казаков, дворянства и купечества решило исход выборов, и на московский престол был избран Михаил Федорович Романов (1613). С этим избранием примирилось в конце концов и боярство. Так, Шереметьев, уведомляя князя Голицына об избрании Романова, писал: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел и нам будет поваден».

Таким образом «всенародное» избрание Михаила Романова произошло без всякого участия основной массы населения Московского государства — крестьянства и городской «черни», с мнением которой господствовавшие классы Московского государства и не думали считаться. А мнение это было далеко не в пользу Романова: крестьяне и городская «чернь» лелеяли мысль о своем крестьянском царе и готовы были признать царем любого проходимца, лишь бы избавиться от царя, выдвигаемого их классовыми врагами.

С избранием Михаила Романова запутанные и без того взаимоотношения между Москвой и Польшей еще более осложнились. Сигизмунд и не думал отказываться от прав своего сына на московский престол и считал Михаила, избранного после присяги, принесенной Владиславу, узурпатором и клятвопреступником. Это мнение разделяло и польская шляхта, для которой признание Польшей Михаила обозначало полное крушение всех шляхетских планов, связанных с присоединением к Польше Московского государства, и напрасную трату людей и средств во время походов на Москву.

В 1617 году Владислав, заключив в качестве московского царя договор со своим отцом Сигизмундом, выступил в поход на Москву с цветом шляхетской молодежи. Взять Москву ему не удалось, и он заключил с Михаилом перемирие на 16 лет в селе Деулине; по этому перемирию за Польшей остались Смоленск, Новгород-Северск и Чернигов.

Это позорное для Московского государства перемирие не делало чести новой династии, и сторонники ее при первом удобном случае нарушили его: воспользовавшись смертью Сигизмунда III и наступившим в Польше междуцарствием, московское правительство начало против нее военные действия (1632). Царский воевода Шеин вступил в пределы Польши занял Новгород-Северск и осадил Смоленск.

Владислав (1632—1648), избранный на польский престол после смерти отца, предводительствуя отборным шляхетским войском, нанес решительное поражение Шеину и открыл себе дорогу в Москву. Но натянутые отношения с Турцией, интриги магнатов, грозное брожение на Украине не позволили Владиславу в полной мере использовать свои успехи, и он удовольствовался заключением с Михаилом Поляновского

мира (1634), которым подтверждались условия Деулинского перемирия, причем Владислав отказался от прав на московский престол.

Но Поляновский мир не мог, конечно, гарантировать более или менее продолжительных мирных взаимоотношений между Польшей и Московским государством: слишком много исторических счетов накопилось между господствовавшими в этих государствах классами.

Дед Ивана IV, Иван III, и отец его, Василий III, осуществляя политику феодального боярства, не только «собрали» вокруг Москвы все земли северо-восточной Руси, но и отвоевали у Польско-литовского государства земли Смоленскую и Северскую и таким образом раздвинули пределы Московского государства до линии Днепра. В деятельности названных царей уже вполне определенно сказывается тенденция к возвращению своей «отчины и дедины», т. е. всех древне-русских областей, вошедших в состав Литвы и Польши. При Иване IV благополучно был разрешен вопрос о восточных границах Московского государства, которые расширились до Урала и Каспийского моря. Обезопасив границы Москвы с востока, правительство Грозного, поддерживаемое торговой буржуазией, решило путем войны с разлагавшимися ливонским орденом захватить принадлежавшие ему берега Балтийского моря, столь необходимые для развития московской торговли.

Ливонская война, о чем мы более подробно говорили выше, была крайне неудачна для Ивана IV: он не только не утвердился на берегах Рижского залива, но и потерял древние русские города, расположенные на берегах залива Финского.

В царствование сына Ивана IV, Федора, годуновскому правительству удалось отнять у шведов часть Финского залива, но во время «смуты» она опять перешла к шведам. Мало того: во время этой «смуты» поляки заняли Смоленскую и Северскую земли, возвратить которые тщетно пытался, как мы видели, первый царь из новой московской династии.

Постоянное стремление боярско-дворянской Московской Руси на запад сталкивалось со встречным движением шляхетской Польши на восток, движением, достигшим высшего напряжения во время московской «смуты». Эти два встречных движения при своем столкновении вызывали до поры до времени лишь попятное движение одной из сталкивавшихся сторон, причем до 2-й половины XVII века перевес в силе толчка бывал обыкновенно на стороне Польши. Но такое положение дел должно было в конце концов привести одну из сторон к катастрофе. Началом катастрофы для Польши послужило новое столкновение ее с Москвой в связи с так называемым малороссийским вопросом.

IV. ПОЛЬША, УКРАИНА И МОСКВА В XVII ВЕКЕ.

По Люблинской унии 1569 года бóльшая часть древне-русских земель, вошедших после татарского разорения в состав Литвы, отошла к Польше. Эти земли ко времени заключения унии составляли область, резко отличавшуюся во всех отношениях от Московской Руси и получившую название Украины. Область эта, входя в состав Литвы, пользовалась широкой автономией и управлялась представителями крупной феодальной аристократии, постепенно уступавшей свое влияние мелкому дворянству, именовавшему себя — по примеру польского поместного дворянства — шляхтой. Вся масса земледельческого населения Украины, т. е. крестьянство, находясь в сильной экономической зависимости от помещиков, все же была в гораздо лучшем положении, чем польские холопы: за украинскими крестьянами до Люблинской унии признавалась личная свобода, что сводилось прежде всего к свободе передвижения по огромным, мало населенным пространствам в среднем и нижнем течении Днепра.

К середине XVI века население большинства южно-русских вечевых городов под непосредственным влиянием городов Польши стало управляться по магдебургскому праву и образовало сословные мещанские общества.

После Люблинской унии управление Украиной постепенно переходит в руки королевских чиновников в лице польских и ополяченных магнатов и рядовых шляхтичей. В то же время начинается усиленная колонизация польской шляхтой средне-днепровья. Эта приносит с собой на Украину крепостное право, уже принявшее в Польше очень резкие формы. Шляхтич, привыкший у себя на родине смотреть на своего холопа, как на бесправного раба, над которым он имел право жизни и смерти, так же смотрел и на крестьянина украинского, с которым его не связывали даже такие слабые узы, как единство религии.

Не довольствуясь захватом населенных украинских областей, польские магнаты захватывают, в порядке королевского пожалования,

огромные не заселенные степные пространства, испрашивая себе должности старост в таких пограничных городах, как Канев, Переяславль, Черкасы и др. Бегущие от панской неволи крестьяне оседают здесь, привлекаемые льготами, на которые первоначально не скупились захватывавшие безбрежные степные просторы Вишневецкие, Замойские, Потоцкие и другие магнаты.

По мере того как заселялась страна и пограничная со степью полоса все более отодвигалась к югу, число крепостных крестьян все увеличивалось, так как известная свобода предоставлялась владельцами пограничных земель переселенцам только до тех пор, пока они занимали крайние южные пункты указанной полосы.

В связи с колонизацией южно-русской степи стоит такое интересное историческое явление, как украинское казачество, возникшее первоначально среди жителей пограничной степной полосы, а затем уже начавшее привлекать к себе и жителей внутренних областей не только Украины, но и Польши и Литвы.

Украинское казачество возникло в силу тех же причин, что и казачество великорусское. «Что было на Дону, то было и на Днепре. В этом отношении «черкасские» казаки, городовые и запорожские, были родными братьями великорусских казаков — «верховых» и «низовых». И тут и там экономической основой было промысловое хозяйство: охота, рыболовство и в очень большой степени бортничество» [1]). Но заниматься промысловым хозяйством на границе со степью можно было лишь вооруженному человеку, тем более, что «лупление» татар и турок входило в круг казацких промыслов.

«На окраине степи, откуда ежегодно появлялись татары, человеку естественно было быть военным: безоружный человек здесь жить не мог. Нужно было или отказаться от колонизации этих мест, или итти сюда не только с сохой, косой и топором, но и с ружьем. Ружье было так же необходимо здешнему населению XVI—XVII веков, как и южно-африканскому колонисту XIX: причем и там и тут роль этого орудия производства отнюдь не была только пассивная, как часто изображается. Грабежи татарских стад, «лупление чабанов татарских», а в более удачных случаях «лупление» и соседних турецких городков — входили в круг обычных промыслов в южно-русской степи точно так же, как грабежи туземцев — в круг «промыслов» южно-африканских» [2]).

---

[1]) М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, стр. 163.

[2]) Там же, стр. 167

Среди казаков были люди более или менее состоятельные, в зависимости от количества находившейся в их руках земли, степени развития указанных выше казацких промыслов и количества наемных рабочих рук, без которых не могло обходиться ни одно сколько-нибудь развитое казацкое хозяйство.

Таким образом перед вдумчивым исследователем казачества выступает, так сказать, его буржуазная подоплека. «Если не бояться характеризовать сложное явление по одному признаку, казацкую земельную собственность, в массе среднюю или мелкую, знавшую батраков и «подсуседников», но не знавшую ни организованной барщины сотен крестьян, ни сеньериальных прав землевладельца, ни иммунитета, ни права суда, ни мелких земян-вассалов, можно бы назвать буржуазной [1])».

Нет никаких серьезных оснований противополагать этим казакам, более или менее оседлым, «городовым», казаков запорожских, сыгравших столь важную роль в истории Польши. Запорожская сечь имела прежде всего промысловое значение: стекавшиеся сюда на летнее время «вольные» люди занимались рыболовством, охотой, в небольших размерах хлебопашеством и «луплением» татар и турок, причем последний «промысел» к началу XVI века среди запорожских казаков сделался основным.

Значительный контингент запорожских казаков состоял из тех же «городовых» казаков, на зиму уходивших в города и села. На зиму в Сечи оставалось лишь очень незначительное число казаков, на обязанности которых лежало стеречь общее запорожское добро в виде куреней, пушек, запасов пороха и т. п. Таким образом связь между «городовыми» казаками и Запорожьем никогда не порывалась.

И в Запорожье казаки делились на более влиятельных и богатых и голытьбу, которая у иностранных писателей получает даже название «черни», т. е. здесь замечается то же самое, что и на Дону, где казаки делились на «домовитых» и «голутвенных». Украинскому казачеству суждено было сыграть в истории гораздо более важную роль, чем казачеству великорусскому. «Местные географические и политические условия осложнили судьбы украинского казачества. Оно попало в самый водоворот международных столкновений Руси, Литвы, Польши, Турции и Крыма. Роль, какую пришлось играть днепровскому казачеству в этих столкновениях, и сообщила ему историческое значение... Это был люд, нужный для края и всего государства, но беспокойный, создавший много затруднений польскому правительству. Привычные к борьбе степные про-

[1]) М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, стр. 167.

мышленники доставляли лучшую оборону стране от татарских набегов. Но это было обоюдоострое оружие. Одним из степных отхожих промыслов, даже главным промыслом казаков, были их ответные набеги на татарские и турецкие земли. Нападали и с суши и с моря: в начале XVII века легкие казацкие челны громили татарские и турецкие города по северным, западным и даже южным берегам Черного моря, проникали и в Босфор к Константинополю. В отместку турки грозили Польше войной, которой поляки пуще всего боялись. Еще в начале XVI века составился в Варшаве план, как сделать казачество безвредным, не мешая ему быть полезным. План состоял в том, чтобы из беспорядочной и все разраставшейся массы казакующих выделить наиболее благонадежную часть и взять ее на государственную службу с жалованием и с обязанностью оборонять Украину, а остальных повоpотить «в прежний род жизни» [1]).

Все казацкие восстания до времени царствования Сигизмунда III были совершенно лишены каких бы то ни было религиозных и национальных соображений: они были поднимаемы как протест против польского правительства, препятствовавшего запорожским казакам заниматься своим основным промыслом, т. е. «луплением» татар и турок, и пытавшегося ограничить число всех казаков путем официальной их регистрации. Число таких «реестровых» казаков постепенно росло: в 1570 году в реестр было внесено лишь 300 человек, а в 1625 году — уже 6 000. Не занесенные в реестр казаки должны были быть обращаемы в крестьян.

Но эта регистрация не достигла цели, так как испытавший вольную жизнь казак не хотел, конечно, итти в помещичье ярмо. Поднимая время от времени восстания против польского правительства и вообще против шляхты, казаки находили искреннее сочувствие и деятельную поддержку со стороны «поспольства», т. е. со стороны крепостных крестьян и мелкого городского мещанства.

Со времени Брестской религиозной унии вожди казацких восстаний, бывших по существу проявлением борьбы мелкой украинской буржуазии против феодального дворянства, начинают выдвигать не только религиозные лозунги борьбы за православие против воинствующего католицизма, который в глазах и «поспольства» и казачества был панской религией, но и лозунги борьбы за украинскую народность против попользовений польской шляхты ополячить все население Украины. При этом ненависть против помещиков переносилась на все, что носило

[1]) В. Ключевский, Курс русской истории, ч. III, стр. 132—133.

польское имя, а также и на евреев, из которых по преимуществу состоял довольно многочисленный класс арендаторов помещичьих имений.

Таким образом революционные выступления мелкой украинской буржуазии против феодального дворянства совершались под знаком религиозного фанатизма и национальной нетерпимости, отличаясь в силу этого дикой жестокостью и крайним упорством. Эти стихийные и мало организованные выступления были особенно часты в конце XVI века (восстания Косинского, Лободы, Наливайки) и в первую половину XVII века (восстания Жмайла, Тараса, Сулимы, Павлюка, Остраницы, Гуни) и обыкновенно оканчивались жестокой расправой польской шляхты с казаками и в особенности с примкнувшим к ним «поспольством».

Упомянутые казацкие восстания служили как бы подготовкой к великой революции, вспыхнувшей в 1648 году и с необыкновенной быстротой охватившей всю Украину. Причина этой революции, как и предыдущих революционных вспышек, лежала в противоречии между казацкими интересами и интересами польско-украинского феодального дворянства, а ближайшим поводом к ней было издание польским правительством в 1638 году, после подавления бунта Павлюка и Остраницы, так называемой ординации.

Этой ординацией казаки лишались самоуправления и должны были управляться полковниками, назначаемыми правительством. Это распоряжение вызвало среди казаков всеобщее негодование: и казацкая аристократия и простая голытьба увидели в ординации первый шаг к непосредственному подчинению казачества шляхте, к обращению его в поспольство. Вслед за изданием ординации польское правительство, желая положить конец выходам казаков в Черное море, распорядилось уничтожить запорожские мореходные «чайки» и оставить запорожцам лишь рыболовные челноки. В этой правительственной мере Запорожье усмотрело нарушение самого важного своего права: без «лупления» татар и турок самое существование Сечи XVII века не имело никакого смысла.

Восстание казаков против шляхетской Польши нашло самый живой отклик среди поспольства. Украинские крестьяне, низведенные помещиками на степень рабочего скота, «быдла», неоднократно поднимались против своих угнетателей и независимо от казацких восстаний. Украинские помещики и их арендаторы жили в своих имениях под постоянной угрозой крестьянского бунта и принуждены были нанимать специальные воинские отряды, без которых не в состоянии были бы держать в повиновении озлобленных крестьян.

Неудивительно, что при первом известии о восстании против шляхты городовых и запорожских казаков крестьянская Украина поднялась, как один человек. Мало того: крестьяне проявили свою революционную активность до казацкого выступления, возглавляемого Богданом Хмельницким. «Еще Богдан сидел в Запорожье и вел переговоры с сечевиками, а в вотчинах Вишневецкого было больше чем простое брожение: Потоцкий доносил королю, что воевода русский (Иеремия Вишневецкий) отобрал у своих людей «несколько десятков тысяч самопалов», с которыми они собирались итти к Хмельницкому. Движение в Галиции началось задолго до того, как в этих краях показались первые отряды казаков: масса восставшего крестьянства была, наоборот, «авангардом армии Хмельницкого», по словам одного историка» [1]).

Сочувствие городского мещанства и низшего духовенства также было на стороне казачества, с которым их об'единяла общность мелкобуржуазных идеалов.

Понятно, что при таких условиях вождю восстания, энергичному, очень образованному по тому времени и умному, но не разбиравшемуся в средствах чигиринскому сотнику и писарю запорожского войска — Богдану Хмельницкому — нетрудно было поднять против шляхты всю Украину.

Не следует преувеличивать значения в исторической деятельности Хмельницкого его личного столкновения с чигиринским подстаростой Чаплинским, в результате чего будущий украинский гетман потерял жену, сына и родовое имущество, но несомненно, что этот факт мог способствовать решению Хмельницкого с оружием в руках выступить на защиту казацких интересов: ведь образ действий Чаплинского был очень симптоматичен в связи с действующей ординацией 1638 года.

Совместное выступление казаков и крестьян ни в коем случае нельзя об'яснять общностью их интересов. Хмельницкий, представитель казацкой аристократии, меньше всего думал об улучшении положения крестьянства, которое, по его мнению, должно лишь переменить свою зависимость от шляхты на такую же зависимость от именитого казачества.

Во время своих военных выступлений против шляхетской Польши в 1648—1649 годах Хмельницкий, не открывая своих карт, в своих обращениях к крестьянам в самых общих, туманных выражениях говорил о своих намерениях освободить весь украинский народ от польской

---

[1]) М. Покровский, Русская история с древнейших времен, т. II, стр. 188.

неволи. Крестьяне воспринимали эти слова, как обещание освобождения от помещичьей кабалы и видели в Хмельницком своего избавителя. Вскоре им пришлось горько разочароваться в своем герое, для которого крестьянство было лишь орудием в борьбе за узко-сословные интересы казацкой аристократии. К вопросам религии Хмельницкий, как и большинство казаков, был более чем равнодушен, но он пользовался лозунгами борьбы за православие против католичества и унии, этих вероисповеданий светской аристократии и высшего духовенства, чтобы привлечь на свою сторону городское мещанство и низшее православное духовенство.

Учитывая опыт предыдущих казацких восстаний, неизменно кончавшихся неудачами, Хмельницкий с ведома запорожцев поехал в Крым и заручился там помощью перекопского мурзы Туган-бея.

22 апреля 1648 года Хмельницкий, получивший от запорожцев почетное звание «старшего запорожского войска», во главе значительного казацкого отряда выступил из Сечи. В арьергарде шел Тулан-бей со своей ордой. Первое столкновение казацко-татарского войска с передовым польским отрядом произошло 6 мая при Желтых Водах. Уничтожив этот отряд, Хмельницкий врасплох напал под Корсунем на главные польские силы под начальством гетмана Николая Потоцкого и разгромил их, причем, кроме Потоцкого, были взяты в плен ближайшие его помощники Калиновский и Чарнецкий.

Уничтожение польской армии вызвало всеобщее восстание украинских крестьян и горожан, которые стали соединяться в крупные отряды и громить помещичьи усадьбы; помещики, в свою очередь, набирали отряды из мелкой шляхты и всякого сброда и громили крестьян и мещан, уничтожая целые деревни и местечки. Особенною жестокостью при этом отличился князь Иеремия Вишневецкий, именем которого крестьянки пугали своих детей.

Встревоженный стихийным движением угнетенных классов, которые своей целью ставили полное свое освобождение от всякого гнета, Хмельницкий держал себя в стороне от крестьянско-мещанской революции и, медленно продвигаясь вперед по направлению к коренной Польше, пользовался всяким случаем, чтобы завести сношения с польским правительством и, добившись у него уступок в пользу казацкой аристократии, заключить с ним мир и подавить восстание поспольства.

Насколько намерения Хмельницкого не имели ничего общего с революционным настроением масс, свидетельствует тот факт, что он отказался принять преподнесенное ему казаками звание гетмана, заявив, что это звание он может принять только от короля.

Превратившись против своей воли из «старшего войска запорожского» в вождя всего угнетаемого населения Украины, Хмельницкий не мог искренно стать на сторону последнего: это в корне противоречило интересам того слоя казачества, представителем которого он являлся. Этим и об'ясняется, почему он в полной мере не использовал своих поразительных успехов под Желтыми Водами и Корсунем.

Хмельницкий не прочь был заключить с польским правительством мир на желательных для казацкой старшины условиях, но шляхта, несмотря на полный разгром своих военных сил и наступившее после смерти Владислава IV бескоролевье, на мир не шла. Хмельницкому, увлекаемому могучим народным движением, не оставалось ничего, как продолжать войну.

Вяло и неохотно продвигаясь вперед, Хмельницкий подошел ко Львову, разорил его и осадил Замостье. Расположившись станом под стенами этой крепости, он не предпринимал никаких решительных действий. Эта нерешительность, вызывавшая негодование со стороны большинства казаков, татар и поспольства, об'ясняется тем, что Хмельницкий ожидал исхода шляхетского избирательного сейма, собравшегося в Варшаве, куда он тайно послал послов с предложением кандидатуры брата Владислава IV, Яна-Казимира, которому он выразил готовность подчиниться.

Когда избрание Яна-Казимира состоялось, Хмельницкий снял осаду Замостья и отступил в глубь Украины.

В начале 1649 года он с большой торжественностью вступил в Киев, где казацкая старшина и высшее духовенство приветствовали его как освободителя Украины от польской неволи.

Из уважения к польскому королю Хмельницкий не решился сделать Киев своей резиденцией, а переехал в Переяслав. Здесь он, не переставая уверять Яна-Казимира в своих верноподданических чувствах, держал себя независимым государем, непосредственно сносясь с турецким султаном, крымским ханом, московским царем, молдавским господарем, семиградским князем. Сюда же Ян-Казимир прислал Хмельницкому со специальным посольством грамоту на звание гетмана и знаки гетманского достоинства, украшенные польским государственным гербом.

Двойная игра Хмельницкого не могла не отразиться на взаимоотношениях Польши и Украины. С одной стороны, шляхетское правительство не могло примириться с тем независимым положением, которое, несмотря на внешние знаки покорности, занял Хмельницкий по отношению к польскому королю, а с другой стороны — поспольство и казацкая «чернь» вовсе не склонны были удовлетвориться изгнанием из пределов

Украины польского шляхетства и предоставлением шляхетских прав казацкой аристократии.

Поэтому, несмотря на официальное примирение Хмельницкого с польским правительством, война на Украине не прекращалась. Казацкие и крестьянско-мещанские партизанские отряды, так называемые загоны, продолжали свою деятельность и нередко переносили ее на польскую территорию.

Переяславские переговоры Хмельницкого с послами Яна-Казимира не дали никаких результатов, так как Хмельницкий, ввиду враждебного настроения со стороны большинства казачества против всякого соглашения со шляхетской Польшей, опять стал хитрить и вести двойную игру, вследствие чего восстановил против себя и посольство, которое прервало переговоры и ни с чем возвратилось в Польшу.

Впрочем, эти переговоры и не могли привести к миру между Польшей и Украиной, так как еще до возвращения послов из Переяслава польская шляхта, собравшись в январе 1649 года на сейм в Кракове, об'явила созыв всеобщего ополчения (посполитэ рушенье), которое вскоре и вступило в пределы Украины.

Хмельницкому ничего не оставалось, как опять взяться за оружие и опять обратиться за помощью к поспольству и крымским татарам. Заключив союз с крымским ханом Ислам-Гиреем, Хмельницкий поднял своими зажигательными универсалами все поспольство. «Летопись Самовидца» необыкновенно ярко описывает воодушевление, охватившее тогда широкие круги украинского крестьянства и мещанства: по словам этой летописи, и преклонные старики и чуть ли не дети, жители деревень и городов, бросали свои дома, семьи, нажитое имущество, брили бороды и, вооружившись чем ни попало, шли под знамена Хмельницкого.

Соединившись с Ислам-Гиреем, Хмельницкий двинулся против шляхетского ополчения и осадил его в Збараже. Здесь поляки под начальством Вишневецкого отсиживались более месяца, ожидая выручки со стороны Яна-Казимира. Но последний с 25 000-ным войском был окружен Хмельницким под Зборовом и едва сам не попал в плен. Казаки ворвались было уже в польский лагерь, но Хмельницкий вдруг отдал приказ о прекращении битвы, и таким образом король был спасен. В этом поступке, крайне возмутившем рядовых казаков и татар, проявилась обычная у Хмельницкого боязнь решительных шагов, которые могли бы повести к окончательному разрыву со шляхетским правительством.

Ислам-Гирей, заподозрив Хмельницкого в желании поскорее заключить мир, предупредил его: вступив в переговоры с королем и получив

от него 200 000 талеров, крымский хан прекратил военные действия. Затем и Хмельницкий поспешил заключить с Яном-Казимиром мир на следующих условиях: 1) число реестровых казаков определяется в 40 000; не внесенные в реестр участники казацких восстаний получают амнистию, но должны быть обращены в посполъство; 2) для жительства казакам, получающим при этом шляхетские привилегии, отводятся Брацлавское, Киевское и Черниговское воеводства, откуда изгоняются иезуиты и евреи; 3) Чигирин с округом поступает в личное владение гетмана; 4) уния подлежит уничтожению, и киевский митрополит допускается в сенат; 5) занимать государственные и общественные должности в казацких областях могут только шляхтичи православного вероисповедания.

Таким образом Зборовский мир, обеспечив интересы реестрового казачества, оставил в полной неприкосновенности старые порядки, узаконив прежнее социальное неравенство сохранением подразделения населения Украины на привилегированную шляхту и бесправное посполъство.

Хмельницкий, полагая, что с заключением Зборовского мира цель его достигнута, решил строго выполнять условия договора, несмотря на страшное озлобление огромного большинства населения Украины, не внесенного в реестр. Опираясь на казацкую аристократию, он сообща с польскими панами, возвратившимися в свои имения, принимал самые жестокие меры против крестьян, не желавших переходить в крепостное состояние: в своем рвении восстановить «порядок» на Украине Хмельницкий дошел до того, что стал сажать на кол «непокорных» крестьян целыми десятками.

Польская шляхта, наоборот, и не думала принимать всерьез Зборовского договора: она стала нарушать неприкосновенность казацкой территории, не допустила киевского митрополита в сенат и наводнила Украину своими шайками, грабившими и всячески терроризировавшими население. Когда же Ян-Казимир предложил сейму утвердить Зборовский договор, то сейм отверг его и постановил возобновить войну с казаками (1651).

Положение Хмельницкого и всей возглавляемой им казацкой аристократии, втянутых против своего желания в новую войну, было далеко не столь блестящим, как во время войны 1648 года. Авторитет Хмельницкого среди посполъства Украины был уже настолько поколеблен, что имя его, прежде столь популярное, вызывало теперь недоверие и озлобление. Особенно сильное возмущение вызвал новый союз Хмельницкого с крымским ханом, который, появляясь на Украине в качестве союзника

гетмана, вел себя в ней, как в завоеванной стране, уводя в Крым в качестве пленных десятки тысяч ее населения.

Склонив при содействии турецкого султана на свою сторону крымского хана, Хмельницкий опять стал рассылать универсалы с призывом ко всему населению подняться против «ляхской неволи». Но среди населения, испытавшего уже на себе все последствия Зборовского мира, универсалы эти не могли иметь прежнего успеха.

Не ограничиваясь универсалами, Хмельницкий разослал по Украине около 2 000 своих агентов, которые должны были поднимать крестьян против помещиков. Агенты эти проникли и в Польшу, где им удалось вызвать возмущение крестьян и мещан под руководством Костки Наперского, не имевшее, впрочем, сколько-нибудь серьезного значения.

Отношения между Хмельницким и крымским ханом, соединившимся с ним лишь по приказанию султана и не рассчитывавшим на сколько-нибудь обильную добычу в разоренной стране, были очень натянуты. Не менее были натянуты отношения и между рядовым казачеством и казацкой аристократией. Интересы этих двух слоев казачества резко расходились: в то время как казацкая аристократия была заинтересована лишь в проведении в жизнь условий Зборовского мира, казацкая «чернь», кровно связанная с посполством, стремилась прежде всего к полному экономическому освобождению последнего.

Такое положение дел не предвещало для Хмельницкого ничего хорошего. И действительно, при первом же столкновении казацко-турецкого войска со шляхетским ополчением под Берестечком Хмельницкий потерпел полную неудачу; татарский хан не только в самый разгар битвы отдал приказ своей орде об отступлении, но и захватил с собой в качестве пленника самого Хмельницкого, а казацкая старшина тайком покинула окруженных поляками казаков, чем вызвала среди последних панику, окончившуюся полным их разгромом.

Шляхетское ополчение, уничтожив под Берестечком главные казацкие силы, вскоре заняло Киев. Хмельницкий, возвратившись на Украину после полуторамесячного плена в Крыму, собрал вокруг себя лишь незначительные остатки казацкого войска и начал с поляками партизанскую войну, которая не могла, конечно, дать ему решительного перевеса над сконцентрированными в районе Киева силами польской шляхты.

При таком положении дел Хмельницкий принужден был вступить в переговоры с представителями польского правительства в Белой Церкви и заключить мир на следующих условиях: 1) число реестровых казаков сокращалось до 20 000, причем для жительства казакам отво-

дилось только одно Киевское воеводство; 2) владельцы земельной и иной собственности в пределах Киевского, Брацлавского и Черниговского воеводств восстанавливаются во всех своих правах; 3) резиденцией гетмана остается Чигирин, причем гетман Украины подчиняется власти польского коронного гетмана; 4) гетман Украины не имеет права вступать в сношения с иностранными государствами.

Условия Бело-церковского мира не удовлетворили ни одну из враждующих сторон: казаки не могли примириться с потерей всего того, чего они добились в результате удачных военных действий в течение 1648—1649 годов, а польская шляхта, оправившись от разгромов, стремилась теперь к полному порабощению не только поспольства, но и казачества. Что же касается крестьян, то они готовы были подняться против помещиков при всяком удобном случае.

Несмотря на то, что положение Хмельницкого после Бело-церковского мира очень пошатнулось, Украина фактически продолжала оставаться в его руках, что позволяло ему строить самые широкие планы на будущее. По сведениям современных источников, Хмельницкий стал мечтать о независимой Украине и о создании для нее династии. Чтобы увеличить престиж своего имени, он задумал женить одного из своих сыновей, Тимофея, на дочери молдавского господаря. Тимофей отправился в Молдавию с большим войском, что очень встревожило польскую шляхту, считавшую и эту страну и Валахию в сфере своего влияния.

Чтобы воспрепятствовать осуществлению планов Хмельницкого, против Тимофея был послан 20 000-ный шляхетский отряд под начальством гетмана Калиновского. Сражение произошло в пределах Подолии; отряд этот был разбит на-голову, а сам Калиновский был убит (1652). Так началась новая казацко-шляхетская война.

При известии о новом разгроме шляхты опять поднялось украинское поспольство, и на Украине вспыхнула ожесточенная гражданская война.

Теперь большинство крестьян, потеряв доверие к казацкой старшине, не шло уже под знамена Хмельницкого, а, организуя партизанские отряды, ограничивалось разгромом помещичьих имений и уничтожением помещиков и их прислужников. Действовавшее против поляков казацкое ополчение Хмельницкого, уже не пополнявшее своих потерь поспольством, не могло во время этой войны рассчитывать на решительные успехи.

Не встречавший сочувствия и поддержки среди широких масс украинского населения, которым он и сам не доверял и которых боялся,

оставленный своим союзником, крымским ханом, потерявший доверие турецкого султана, Хмельницкий для спасения своего положения принимает определенные шаги для передачи Украины под протекторат Москвы.

Москва уже издавна зарилась на Украину, но ближайшей, непосредственной ее целью было обладание ключом к этой стране — Смоленской и Северской землями. Неудачная война 1632—1634 годов отодвинула осуществление планов Москвы, казалось, на самое неопределенное время. Стоявшее у власти московское дворянство утратило после шеинского разгрома свой воинственный пыл и больше всего боялось вновь рассориться с упивавшейся своими успехами шляхтой. Этим настроением дворянства и об'ясняется та осторожная и притом двуличная политика, какой следовало московское правительство в своих сношениях с Богданом Хмельницким.

Еще в 1648 году Хмельницкий обращался к царю Алексею Михайловичу (1645—1676) с предложением совместно выступить против Польши, обещая за это ему протекторат над Украиной. Но царское правительство, боясь открыто выступить против Польши, не хотело в то же время лишить себя возможности вмешаться в украинские дела в случае успеха начатого Хмельницким восстания. Поэтому оно прибегло к обычному для московской дипломатии того времени приему: не давая определенного ответа, оно медлило, выжидая развития событий.

Но Хмельницкий нуждался в немедленной помощи и, не получая ее от московского царя, принужден был заключить союз с крымским ханом. Этот союз, как мы видели, был очень непрочен и преподносил Хмельницкому самые неожиданные сюрпризы.

Вместе с тем Хмельницкий прекрасно понимал, что строить будущее Украины на постоянном сотрудничестве с крымским ханом невозможно: в этом случае московское дворянство столковалось бы в конце концов с польской шляхтой, а тогда Украина легко могла бы быть поделена между Московским государством и Польшей. Те же результаты должен был дать и союз Украины со Швецией, пока последняя находилась во враждебных отношениях и с Москвой и с Польшей.

В 1653 году, когда Украина дошла до крайней степени разорения и самому Хмельницкому угрожала опасность восстания обманутого им поспольства, он опять обратился в Москву уже с определенным предложением подданства Украины при условии сохранения за ней широкой автономии. Царское правительство сочло теперь момент подходящим: по его мнению, Польша была уже в достаточной степени истощена войной с казаками, и ее можно было не бояться.

Приняв Украину под «свою высокую руку» (1654), московское правительство, повидимому, разрешило казацкий вопрос в направлении, желательном для Хмельницкого и казацкой аристократии, за которой договором, принятым обеими сторонами в Переяславе, было обеспечено привилегированное положение как по отношению к поспольству, так и по отношению к казацкой «черни». Но такое разрешение казацкого вопроса было чревато большими потрясениями и смутами, которые так долго терзали Украину после перехода ее в московское подданство.

Сейчас же после заключения переяславского договора две больших московских армии вступили в пределы Украины и Литвы, и таким образом началась московско-польская война за Украину (1654). Расчеты московского правительства оказались правильными: Польша была так истощена казацкими войнами, что московские войска почти без сопротивления заняли всю Белоруссию и значительную часть Литвы и Украины, а также и такие важные города, как Смоленск и Киев.

В это же время на Польшу напал шведский король Карл X и занял ее, утвердившись в Кракове и Варшаве. Он низложил с престола Яна-Казимира и об'явил себя польским королем, после чего обратился против войск Алексея Михайловича, намереваясь вытеснить их из Литвы. Тогда московское правительство решило прекратить войну с Польшей и всеми силами обрушиться на Швецию с целью завоевать берега Балтийского моря. Несмотря на значительные успехи в этой новой войне, московское правительство поспешило открыть мирные переговоры одновременно со Швецией и Польшей. К этому его побудили, с одной стороны, неожиданные успехи Яна-Казимира, который начал вытеснять шведов из Польши, а с другой стороны — тайные переговоры Богдана Хмельницкого со шведским королем. Хмельницкий, опасаясь сближения Москвы с Польшей, задумал отделиться от Москвы и при помощи Карла X основать вассальное Украинское княжество.

После смерти Хмельницкого его преемник, гетман Выговский, отложился от Москвы, передался Польше, открыл военные действия против московских войск, находившихся на Украине, и нанес им тяжелое поражение под Конотопом. При таких условиях Алексей Михайлович наскоро заключил мир со Швецией (1661), отказавшись от всех своих завоеваний в Ливонии. Что же касается переговоров с Польшей, то они были прерваны.

Передаваясь Польше, Выговский заключил с нею договор в Гадяче, по которому Украина должна была войти в состав Польши на тех же условиях, на каких Литва соединилась с Польшей по договору в Люблине (1569).

Причиной «измены» Выговского было его недовольство нерешительными и недостаточно энергичными, по его мнению, мерами московского правительства против казацкой «черни» поспольства. А московское правительство тут вело тонкую игру: ему было выгодно постоянное брожение на Украине. В результате этой игры казацкая аристократия и украинская шляхта, слившиеся после переяславского договора в один класс, стали отворачиваться от Москвы и тянуть к Варшаве, а казацкая «чернь» и поспольство все более проникались симпатиями к Москве.

В затянувшейся московско-польской войне московские войска, которым приходилось иметь дело с об'единенными силами польской шляхты, казаков и крымского хана, стали терпеть крупные неудачи, и Москве вполне определенно стала грозить опасность потерять всю Украину.

Из этого тяжелого положения вывело Москву восстание правобережной Украины: гетман Дорошенко поднял восстание и против Польши и против Москвы и передался турецкому султану (1666). Это событие заставило Польшу и Москву заключить перемирие на 13 лет в Андрусове на очень выгодных для Москвы условиях: она получила Смоленскую и Северскую области, левобережную Украину и город Киев. Правобережная Украина отошла к Польше.

Передача Дорошенко правобережной Украины турецкому султану повлекла за собой целый ряд военных столкновений Польши и Москвы с Турцией, во время которых замечается известное сближение между московским и польским правительствами, сопровождающееся некоторым подчинением Польши дипломатическим видам Москвы.

Необходимо отметить, что в установлении добрососедских отношений между этими государствами была заинтересована и Западная Европа в лице таких торговых государств, как Голландия, Англия и Дания, пытавшихся создать в Польше и Московском государстве рынок для сбыта своих товаров и завязать торговые отношения с азиатским Востоком чрез территории этих государств.

V. ТОРГОВЫЙ КАПИТАЛИЗМ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ. ГИПЕРТРОФИЯ ФЕОДАЛИЗМА В ПОЛЬШЕ И РАЗДЕЛЫ ПОЛЬШИ.

Утвердившись в левобережной Украине, московское дворянство благополучно разрешило долго занимавший его вопрос о колонизации пограничных с этой Украиной земель, — вопрос, который не мог быть разрешен, пока Украина входила в состав враждебной Москве Польши. Вслед за разрешением этого вопроса перед московским правящим классом встал вопрос и о колонизации незаселенных украинских степей, что обостряло и без того враждебные отношения Москвы к Крыму.

Но влияние поместного дворянства на внешнюю политику Московского государства начинает уже уступать свое место влиянию неуклонно в течение всего XVII века развивавшегося торгового капитала. Торговые сношения Москвы с западно-европейскими и восточно-азиатскими рынками в течение указанного века все увеличиваются. Хотя внешняя торговля того времени носит характер царской монополии на важнейшие предметы московского экспорта и импорта, тем не менее это обстоятельство не препятствовало принимать значительное участие в этой торговле и многочисленному классу русского купечества. В связи с этим внешняя политика Московского государства начинает постепенно определяться стремлением окрепшего уже в нем торгового капитала освободиться от конкуренции капитала европейского и овладеть более близким и удобным, чем Белое море, морским торговым путем.

Украинский вопрос на время отвлек внимание московского правительства в другую сторону, но с заключением Андрусовского перемирия молодой московский торговый капитал начинает проявлять поразительную энергию и жизнеспособность. Он быстро переходит от защиты своих интересов к выступлениям агрессивного характера, выдвигая на первое место вопрос о завоевании берегов Балтийского моря.

Московское правительство, творя волю торгового капитала, ставит своей ближайшей задачей войну за Балтийское побережье, но, на-

ученное горьким опытом, не решается выступить против Швеции изолированно и ищет союзников. Сыну Алексея Михайловича, Петру I (1689—1725), удалось не только заключить союз с Польшей, но и сделать ее орудием своей внешней политики.

Развитию московского торгового капитала способствовали и старые традиции — по которым московские великие князья, а затем и цари, владея важнейшими торговыми путями, принимали непосредственное участие в торговле, будучи лично заинтересованы в ее развитии—и унаследованные московским посадом от Великого Новгорода торговые связи с обширными северо-восточными его колониями и с Западной Европой.

Что же касается Польши, то в XVII веке мы видим полное оскудение ее торговых центров: ее города влачат в это время самое жалкое существование. Упадок польских городов, которые в начале XV века вели оживленную торговлю с западными и восточными странами, начинается уже в конце этого века. В этом отношении польские города разделили общую судьбу городов средней Европы, торговля которых начала замирать вследствие изменения торговых путей и перемещения центров мировой торговли после открытия морского пути в Индию. Но вместе с этими причинами необходимо отметить роковую роль, какую сыграло в судьбе польских городов крупное и мелкое феодальное дворянство.

Необыкновенно интенсивный территориальный рост Польши отдавал в руки польского дворянства огромные пространства плодородной земли, обрабатываемой мелкими землевладельцами—крестьянами. С развитием торгово-денежного хозяйства и все увеличивавшимся вывозом польского хлеба через прибалтийские порты в Западную Европу польские помещики от системы оброков переходят к барщине, которая становится основой крупного помещичьего хозяйства, производящего хлеб на вывоз. Желая обратить все выгоды от заграничной торговли хлебом исключительно в свою пользу, шляхта в XVI веке устранила мещан от посредничества в этой торговле, бывшего их главным занятием в предыдущие века.

Но значительная часть польского мещанства занималась и сельским хозяйством, владея землей в окрестностях городов. Желая, с одной стороны, освободиться в области хлебной торговли от конкуренции мещан, а с другой стороны — захватить в свои руки и их земли, шляхта провела в сейме закон, воспрещавший мещанам владеть землей.

Привилегии, предоставляемые польским городам магдебургским правом, постепенно шляхтой отменяются: крупные помещики захва-

тывают в свои руки власть над городами и в качестве войтов судят мещан и назначают бургомистров и городских советников.

Упадку городов способствовала также неразумная польская таможенная политика, приносившая их интересы в жертву узко-классовым шляхетским интересам. Так, шляхта добилась для себя права беспошлинного ввоза товаров из-за границы и вместе с тем, всячески поощряя этот ввоз, воспретила своим мещанам торговать с иностранными купцами. Понятно, что такой нелепый закон вызвал полное прекращение торговли в польских городах и обнищание городского населения, попадавшего постепенно в политическую и экономическую зависимость от шляхты.

Прикрепление крестьян к земле в Польше, как и в других странах, происходило постепенно путем экономического закабаления их феодальною знатью. Этот процесс закончился в Польше к 30-м годам XVI столетия, и сейм зафиксировал его законом 1532 года, по которому крестьяне лишены были права свободного перехода.

Во всех странах крепостное право принимало крайне уродливые и жестокие формы, но Польше в этом отношении несомненно принадлежит первое место. Положение крестьян здесь в XVII веке было поистине ужасно: лишенные всех гражданских прав, отданные на полный произвол помещиков, имевших над ними право жизни и смерти, доведенные до крайней степени нищеты, невежественные, поголовно безграмотные и подпавшие поэтому под влияние фанатического католического духовенства, они были низведены на положение шляхетского рабочего скота («быдла»).

В Польше все делалось именем шляхты и ради ее блага: как чудовищный паразит, она высасывала все жизненные соки трудового городского и деревенского люда. При таких условиях не могло быть и речи о разумной национальной политике Польши: шляхта, отожествлявшая свои классовые интересы с интересами всего народа, легко проводившая при помощи своего сейма и послушного ему короля все мероприятия, имевшие в виду ее своекорыстные цели, постепенно расшатывала все устои государства. Ее внутренняя и внешняя политика была политикой авантюр, грозившей стране страшными испытаниями.

Пока ближайшие соседи Польши — Империя и Московское государство — были заняты, во время преобладания в их государственном строе феодальных форм, преимущественно своими внутренними делами и не выходили еще на арену великодержавной политики, Польша могла сохранять свою независимость и даже вести по отношению к ним агрессивную политику. Но когда с конца XVII века на арену мировой истории выступил окрепший уже в названных странах торговый капи-

тал, архифеодальная Польша была вовлечена в сферу их влияния и фактически потеряла свою самостоятельность как в области своей внешней, так и внутренней политики.

Вмешательство Москвы во внутренние дела Польши первый раз имело место после смерти короля Яна Собесского (1696), когда выборы нового короля, саксонского курфюрста Фридриха, состоялись против воли большинства шляхты, благодаря энергичной поддержке московского правительства. Фридрих, вступивший на польский престол под именем Августа II (1697—1733), сделался слепым орудием в руках Петра I, решившего воевать со Швецией за берега Балтийского моря и искавшего союзников.

В 1699 году между Петром I и Августом II состоялось соглашение, по которому Польша обязалась выступить против Швеции совместно с Москвой и присоединившейся к этому союзу Данией. За участие в этой войне Петр I пообещал польскому королю все Инфлянты, т. е. бо́льшую часть Ливонии, отнятую у Польши Швецией, с городом Ригой.

Участие Польши с Северной войне было причиной целого ряда тяжелых испытаний для этой страны и не только не способствовало территориальному ее расширению, так как Петр I, завоевав Ливонию, и не подумал с кем-нибудь ею делиться, но и повлекло ее политическую зависимость от Москóвского государства, превратившегося во время Петра I в Российскую империю.

Легко справившись в начале войны с датским королем и нанеся решительное поражение русскому царю под Нарвой, шведский король Карл XII обрушился всеми своими силами на Августа II и, разбив его саксонские войска под Ригой, вступил в пределы Польши. Заняв Варшаву, Краков и Торн, он потребовал низложения Августа II и избрания на польский престол познанского воеводы Станислава Лещинского.

Вторжение в Польшу шведского короля вызвало разделение шляхты на два враждебных лагеря, образовавших две конфедерации: варшавскую против Августа II и сандомирскую, решившую поддерживать его. Вспыхнувшая в Польше междоусобная война была на руку Карлу XII, который легко справился со сторонниками Августа II и заставил варшавский сейм избрать Станислава Лещинского.

Увлеченный борьбой с Августом II, шведский король оставил в покое Петра I. Последний воспользовался представившеюся ему передышкой и, оправившись от нарвского разгрома, не только занял принадлежавшие Швеции берега Балтийского моря, но и вступил в пределы Литвы под предлогом восстановления на престоле низложенного Августа II.

Этот шаг русского царя имел целью вызвать новые волнения в Польше, об'единить всех противников Карла XII и его ставленника, Станислава Лещинского, под знаменем борьбы за «законного» короля, бросить их против шведов и, вызвав таким образом новую польско-шведскую войну, вступить в нее самому в качестве союзника Августа II.

Это был очень тонкий расчет, и в случае его осуществления Петр I мог одновременно достигнуть двух целей: уничтожить в пределах Польши истощенные долголетней войной шведские войска и, сыграв роль «освободителя» Польши, приобрести в ней неограниченное влияние. Но эти расчеты Петра I осуществились не вполне: ему не удалось вступить в пределы собственно Польши, так как Карл XII предупредил его и перенес войну в Украину, думая пополнить там свои войска казаками и двинуться затем на Москву.

Но планы шведского короля не оправдались, так как ему не удалось поднять против Петра I ни казацкой «черни» ни поспольства, которые вовсе не были заинтересованы в осуществлении намерений Мазепы относительно создания «самостийной» Украины под властью шляхты и казацкой аристократии.

После разгрома Карла XII под Полтавой (1709) Август II вернулся в Польшу и, заняв опять престол, решил усилить свою власть путем расширения королевских прерогатив и об'явления польского престола наследственным. Но это было не в интересах шляхты и не входило в расчеты русского правительства, которому было выгодно держать Польшу в состоянии перманентной анархии. Поэтому, когда шляхта с целью борьбы с Августом II составила против него так называемую тарногродскую конференцию, Петр I, выступив с предложением своего посредничества между королем и восставшей против него шляхтой, послал вместе с тем в Польшу сильный отряд войска.

По требованию посла Петра I, Долгорукова, шляхта на своем сейме признала Августа II королем, причем он отказался от своих намерений расширить пределы королевской власти. По настоянию того же Долгорукова сейм подтвердил за шляхтой право «либерум вето», по которому все постановления сейма должны были приниматься единогласно, так что всякий депутат, выражая свое несогласие с каким-либо сеймовым постановлением, мог в любой момент сорвать сейм.

Это нелепое право, в котором шляхта видела главную гарантию своей «вольности», было прекрасным орудием в руках иностранных держав: они путем подкупов отдельных депутатов сейма могли всегда аннулировать любое постановление последнего. Тогда же, по требо-

ванию русского посла, сеймом было принято постановление, по которому число польской армии уменьшалось до 24 000.

Все эти постановления были приняты сеймом без прений, почему этот сейм получил название «немого» сейма (1717).

Сейм, покорно и без прений исполнивший все требования русского посла, был в сущности сеймом государства, уже утратившего свою политическую независимость: между тем шляхта ликовала по случаю сохранения за нею «золотой свободы».

С этого времени русское правительство зорко следит за событиями в Польше и не пропускает случая для вмешательства в польские дела. Самым удобным моментом для такого вмешательства было так называемое бескоролевье, т. е. промежуток времени между смертью одного короля и избранием другого.

Хотя буржуазная политика Петра I вскоре после его смерти потерпела полное крушение, отношение преемников этого царя к Польше осталось прежним: вмешательство во внутренние дела Польши с целью возведения на престол желательных для петербургского двора кандидатов и препятствования проведению реформ, которые могли бы устранить вопиющие недостатки ее государственного строя, были одной из важнейших забот русской дипломатии.

Последняя, ведя тонкую игру, при всяком своем выступлении по польскому вопросу старалась внушить широким слоям польского населения, что целью ее вмешательства во внутренние дела Польши является стремление обуздать своеволие магнатов путем усиления королевской власти. Эта тонкая, но, конечно, неискренняя игра создавала приверженцев России среди городского мещанства и крестьянства, изнывавших под магнатским игом.

После смерти Августа II (1733) на польский престол был избран Станислав Лещинский, несмотря на то, что после умершего короля остался сын Фридрих. Своим избранием Лещинский был обязан двум аристократическим фамилиям, Чарторыйским и Потоцким, пользовавшимся благодаря своим огромным богатствам большим влиянием среди шляхты.

Это избрание не входило в расчет русского правительства, желавшего видеть на польском престоле Фридриха, которого оно решило сделать, как и его отца, орудием своей политики. Поэтому сейчас же после избрания Лещинского правительство Анны Иоанновны (1730—1740) послало в Польшу 40 000-ную армию под начальством талантливого полководца, фельдмаршала Миниха. Эта армия заставила сторонников Лещинского запереться в крепости Данциге и в конце концов при-

нудила их к сдаче. По требованию русского правительства был созван сейм, который под угрозой штыков армии Миниха избрал на польский престол Фридриха, известного в истории под именем Августа III (1735—1763).

Все царствование Августа III наполнено было борьбой между Чарторыйскими и Потоцкими. Чарторыйские после низложения Лещинского сблизились с Августом III и вместе с ним возглавляли руссофильскую партию, стремившуюся к реформам и рассчитывавшую провести их при поддержке русского правительства; Потоцкие же, возглавляя ту часть шляхты, которая попрежнему твердила, что «Польша держится анархией», в своей борьбе с королем и Чарторыйскими искали поддержки во Франции. Так шляхта, не имевшая никаких связей с остальным польским населением, всей душой ненавидевшим ее, сама давала иностранным правительствам повод ко вмешательству во внутренние дела Польши.

Во время так называемой семилетней войны (1756—1763) [1]) русские войска пользовались территорией Польши, как операционной базой против Пруссии, а Фридрих II Прусский постоянно нарушал неприкосновенность польских границ, посылая туда свои отряды, производившие там реквизиции и даже рекрутские наборы.

В царствование Екатерины II (1762—1796) русское правительство, окончательно порвавшее с буржуазными традициями царствования Петра I и проводившее политику поместного дворянства, решило покончить с польским вопросом путем присоединения Польши к России. Первым шагом в этом направлении было изгнание из Курляндии Карла, сына умершего Августа III, и передача ее в управление Петру Бирону, сыну известного любовника Анны Иоанновны.

После смерти Августа III русское правительство по обыкновению выдвинуло на польский престол своего кандидата. На этот раз, по желанию Екатерины, польским королем должен был сделаться бывший ее любовник Станислав Понятовский, племянник Чарторыйских. Эта кандидатура вызвала энергичное противодействие со стороны другой «фамилии» — Потоцких. Для подавления этой оппозиции Екатерина, по совету Чарторыйских, послала в Польшу русскую армию, и опять польский король был избран под угрозой русских штыков.

Понятовский (1764—1795) не вполне оправдал надежды, возлагаемые на него Екатериной II, и вскоре после вступления на престол

---

[1]) Война из-за Силезии между Пруссией и Англией — с одной стороны Австрией, Саксонией, Россией, Францией, Швецией — с другой.

попытался было действовать независимо от петербургского правительства: он возглавил собой партию Чарторыйских, задумавших путем реформирования государственного аппарата Польши и усиления королевской власти укрепить развалившееся шляхетское государство. Это ни в какой степени «не соответствовало видам» русского правительства, почему оно и поспешило вмешаться в польские дела и таким образом отвлечь «прогрессивную» шляхту от ее преобразовательных планов. Поводом к вмешательству послужил теперь так называемый диссидентский вопрос, т. е. вопрос о гражданских правах не-католиков.

Невежественная польская шляхта легко подпадала под влияние фанатической католической проповеди и, пользуясь своим положением господствующего в Польше класса, провела ряд законов, ограничивших гражданские права православного и протестантского населения. Завершением этого ограничительного законодательства были постановления сейма 1733 года, согласно которым диссиденты были лишены почти всех гражданских прав.

В 1764 году русское правительство потребовало отмены этого постановления. Чарторыйские наотрез отказались исполнить это требование, но сейм 1766 года под непосредственным давлением русского посла, Николая Репнина, поддержанного английским, прусским и датским послами, сделал некоторые, очень незначительные, уступки диссидентам, но зато торжественно подтвердил незыблемость существующего государственного строя в Польше, что было, собственно говоря, главной целью вмешательства русского правительства в дела Польши.

Диссидентский вопрос сам по себе не представлял никакого интереса для правительства Екатерины II, да и в пределах Польши он не имел большого значения, так как касался лишь небольшого числа некатолической шляхты: вся масса крестьянства и мелкого городского мещанства без различия вероисповедания находилась под одинаковым помещичьим гнетом. Но этот вопрос был прекрасным предлогом для вмешательства во внутренние, представлявшие гораздо больший интерес для русского правительства, дела Польши: этим предлогом оно и воспользовалось.

После сейма 1766 года Репнин стал распоряжаться в Польше, как в завоеванной стране: опираясь на введенное в Польшу русское войско, он потребовал уравнения диссидентов в правах с католиками и гарантий, что без ведома русской императрицы «основные законы» Польши, т. е. ее нелепое шляхетское устройство, не будут изменены. Когда краковский и киевский епископы, а также коронный гетман стали энергично протестовать против требований Репнина, последний, не посте-

снявшись арестовать и отправить их в Калугу, настоял на исполнении своих требований. С этого времени Польша фактически потеряла свою независимость.

Бо́льшая часть шляхты причину унижения Польши видела в слабости Понятовского, почему с целью его низложения и борьбы с Россией была образована в 1768 году конфедерация в Баре Подольском. Эта конфедерация была подавлена не столько благодаря успешным действиям русских и оставшихся верными королю польских войск, сколько в результате восстания, поднятого украинскими крестьянами против помещиков. Есть данные предполагать, что это восстание, сохранившееся до сих пор в памяти украинских крестьян под названием «колиивщины» [1]), было спровоцировано с целью создания затруднений конфедератам агентами правительства Екатерины II: во всяком случае среди восставших крестьян, гайдамаков, было распространено убеждение, что русская императрица обещала содействовать освобождению их от крепостной зависимости и даже прислала партию ножей для вооружения восставших.

Во главе восстания стал запорожец Зализняк (Железняк) и уманский сотник Гонта, бывший на службе у магната Потоцкого. «Колиивщина» вскоре приняла такие размеры, что гайдамацкие отряды вступали в правильные сражения со шляхетскими войсками, осаждали и брали приступом укрепленные пункты. Так ими был взят город Умань, где произошла знаменитая «уманьская резня».

«Колиивщина» нанесла жестокий удар барской конфедерации: шляхетские отряды и уцелевшие от гайдамацкой расправы помещики принуждены были уйти с Украины и перенести свою деятельность в пределы коренной Польши, где вспыхнула партизанская война между сторонниками и противниками короля, доведшая страну до состояния полнейшей анархии.

После изгнания конфедератов и вообще всех шляхтичей из пределов Украины восставшие крестьяне меньше всего думали о восстановлении в этой стране прежнего порядка, т. е. крепостного права, и на попытки помещиков возвратиться в свои имения отвечали жестоким террором.

Русское правительство, подавив барскую конфедерацию и видя, что в «колиивщине» главную роль играют не национальный и религиозный моменты, а социальный, и опасаясь, как бы это движение не перекинулось на левобережную Украину, поспешило на помощь украинским помещи-

---

[1]) Бо́льшая часть гайдамаков была вооружена кольями, — отсюда и «колиивщина».

кам: против гайдамаков был им послан сильный военный отряд под начальством генерала Кречетникова. Кречетников со свирепой жестокостью подавил украинское крестьянское движение и вероломно захватил в плен крестьянских вождей. Зализняк был сослан в Сибирь, а Гонту Кречетников выдал польскому правительству, которое предало его мучительной казни: с него содрали 12 полос кожи, а тело разрубили на 14 частей, которые были разосланы по городам правобережной Украины и прибиты к виселицам.

Анархия, как постоянное явление в государственной жизни Польши XVIII века, вызванное шляхетской «золотой свободой», которую как зеницу ока берегла невежественная, фанатичная и лишенная государственного разума шляхта; полное обищание и одичание крестьянства и жалкое прозябание городского мещанства, низведенных шляхтой на степень человеческого стада и совершенно равнодушно взиравших на гибель государства; пустая государственная казна и безумная роскошь магнатов, беззастенчиво обиравших и казну и народ, — все это делало это несчастную страну в глазах русского правительства очень легкой добычей.

Вся польская политика Екатерины II и сводилась поэтому к недопущению каких-либо реформ в Польше, которые могли бы обновить ее государственный организм: при сохранении шляхетской «золотой свободы» легче было довести страну до полного разложения, а тогда уж без всякой опасности можно было наложить на нее свою тяжелую руку.

Но за событиями в Польше зорко следил и другой хищник — прусский король Фридрих II, выжидавший только удобного случая, чтобы и самому захватить часть агонизировавшего государства, а именно Западную Пруссию с городом Данцигом, отделявшую Восточную Пруссию от Бранденбурга и Померании. Австрийское правительство также было не прочь расширить свои владения за счет граничившей с Австрией Польши.

Нужно отметить, что проект о разделе Польши впервые был составлен в 1733 году польским же королем Августом II, который незадолго до своей смерти вступил в тайные переговоры с прусским и австрийским правительствами об уступке некоторых областей своего королевства Пруссии и Австрии с тем, чтобы названные правительства гарантировали избрание на польский престол его сына. Во время этих переговоров Август II умер, и проект его не получил осуществления.

Летом 1772 года Фридрих II предложил Екатерине II свой проект раздела Польши между Пруссией, Россией и Австрией, по которому к России должны были перейти обширные восточные области Польши.

Екатерина первоначально не соглашалась на раздел, так как она вполне самовластно распоряжалась во всей Польше, видела в ней свою добычу и не имела ни малейшего желания делиться ею с кем бы то ни было.

Но после этого отказа Австрия стала сближаться с Турцией, находившейся в то время во враждебных отношениях с Россией, и Екатерина, опасаясь, как бы раздел Польши не совершился без ее участия, согласилась с предложением Фридриха II.

Осенью 1772 года произошел первый раздел Польши на следующих основаниях: Россия получила Белоруссию по Двину, Друч и Днепр и Инфлянтское воеводство; Пруссия — Вармию и Западную Пруссию, за исключением Данцига и Торна; Австрия — часть Малой Польши и Червонной Руси с г. Замостьем. Подписав конвенцию о разделе, Россия, Австрия и Пруссия издали манифесты, в которых доказывали свои исторические права на отнятые у Польши области.

Войска этих государств вступили в пределы Польши и уничтожили остатки барских конфедератов, отчаянно защищавшихся в Ченстохове, Лянцкороне и Тынеце. Что же касается широких масс польского населения, то они, обезличенные и разоренные шляхтой, отнеслись к факту раздела совершенно безучастно.

Державы, принявшие участие в разделе Польши, потребовали утверждения заключенной ими конвенции сеймом. Понятовский не соглашался дать распоряжение о созыве с этой целью сейма и обратился к Франции и к Англии с обширным меморандумом, в котором доказывал всю несправедливость раздела, основанного на вымышленных исторических правах держав-захватчиц.

Посылая этот меморандум, Понятовский рассчитывал путем интервенции Англии и Франции возвратить Польше отнятые у нее земли. Но расчеты его не оправдались, и он в конце концов принужден был созвать сейм (1773—1775), на котором запуганная совсем шляхта готова была утвердить все, что ей ни предложат, лишь бы остались неприкосновенными ее привилегии и имения.

При таком настроении шляхты державы-захватчицы, среди которых главную роль играла Россия, прямо диктовали свою волю сейму, который утвердил конвенцию раздела и так называемые «кардинальные права» Польши, т. е. тот порядок в государстве, который довел его до полного разложения: шляхетские привилегии, выборность короля, «либерум вето», право конфедераций. Неприкосновенность этих «кардинальных прав» и на этот раз была гарантирована русской императрицей. Кроме того сейм постановил учредить «Постоянный совет» в составе 6 министров, 12 сенаторов и 18 депутатов сейма. Этот Совет

делился на 5 департаментов (иностранных дел, полиции, военных дел, юстиции и финансов) и должен был служить исполнительным органом сейма. Король, являясь председателем этого Совета, без его ведома не имел права решать никаких дел, имевших государственное значение.

Несмотря на национальное унижение Польши, время, непосредственно следовавшее за ее первым разделом, было ознаменовано заметным экономическим под'емом этой страны. Прежде всего необходимо отметить возобновление польской торговли хлебом, прекратившейся с начала Северной войны. Вследствие усиленного роста городов Западной Европы в XVIII веке, обусловленного развитием торговли и промышленности, население большинства этих городов начинает испытывать нужду в привозном хлебе. Среди европейских стран, располагавших хлебными излишками, одно из первых мест занимала Польша, и с наступившим после первого раздела ее «умиротворением» замечается усиленный вывоз польского хлеба в страны Западной Европы, а в связи с этим и интенсификация ее помещичьего хозяйства.

Польские помещики раньше своих русских собратьев поняли, насколько невыгоден в условиях развивающегося товарно-денежного хозяйства барщинный труд. Желание сделать крестьянский труд более производительным и побуждает некоторых польских магнатов «освобождать» своих крестьян, т. е. обращать их в своих батраков или в лучшем случае в арендаторов своих земель. Хотя такие крайне редкие случаи «освобождения» были более выгодны помещикам, чем крестьянам, тем не менее дворянское правительство Екатерины II видело в них результат влияния европейского «свободомыслия» и старалось принимать против них свои меры.

Усиление хлебной торговли способствовало накоплению магнатами и многоземельной шляхтой больших денежных средств, которые позволяли их владельцам открывать различные промышленные предприятия. Сам Станислав Понятовский открыл несколько фабрик, в том числе одну оружейную фабрику. Таким образом, выгоды, получаемые от этих предприятий, заставили шляхту пойти на сделку со своим гонором, не позволявшим раньше белой кости заниматься таким черным делом, как промышленность. В связи с указанными фактами находится заметное увеличение населения польских городов и вообще оживление городской жизни.

В то же время среди части шляхты наблюдается стремление к европейскому просвещению, выражающееся прежде всего в пробуждении ее интереса к англо-французскому рационализму. Рационализм, поставивший в области науки на место сухой догмы, освященной религиозной

традицией, свободное исследование, начинает проникать и в шляхетские школы, производя полный переворот в системе воспитания и образования. Во главе школьного дела стояла тогда так называемая Эдукационная комиссия, в распоряжение которой были переданы сеймом 1773 года все имущества упраздненного тогда ордена иезуитов.

Под влиянием французского просвещения передовая часть шляхты освобождается от средневекового мировоззрения и проникается взглядами революционной французской буржуазии. Это находит отражение в польской литературе, которая в это время заметно оживляется и наполняется более жизненным содержанием, представляя полную противоположность схоластическим упражнениям польско-латинских писателей предыдущих веков. Но это польское просветительное движение захватывает лишь незначительную часть шляхты и, проявляясь почти исключительно в области литературы и школьной системы, совсем не затрагивает всей массы польской шляхты, продолжающей коснеть в средневековых традициях и всеми силами отстаивающей прежде всего свое нераздельное право на эксплоатацию крестьянских масс.

«Лучшим доказательством этого служит судьба проекта реформы Яна Замойского на сейме 1780 года. Замойский исходил из принципа, что политическую реформу необходимо связать с социальной, облегчая участь крестьян. Проект его не предусматривал устранения барщины, но улучшал значительно юридическое положение крестьян и предоставлял сыновьям крестьян, кроме одного, который обязан оставаться на наделе, переселяться куда угодно. Но даже этот чрезвычайно умеренный проект вызвал взрыв бешенства шляхты, которая усмотрела в нем посягательства на свои священные права беспредельной эксплоатации крестьян. Правда, против проекта возбуждал сейм и всемогущий Штакельберг, но основная причина провала проекта в том, что по всей стране сторонники реформы оказались в ничтожном меньшинстве» [1]).

С началом войны России и Австрии с Турцией (1787) среди шляхты начинается сильное брожение. Бо́льшая часть ее, получившая, в отличие от руссофильской партии, название «патриотов», решает воспользоваться отсутствием русских войск в Польше и происшедшим в то время охлаждением между Россией и Пруссией, чтобы реорганизовать государственный строй Польши, вдохнуть в нее новые силы и сделать ее способной отстоять свою независимость. Но вместе с тем «патриоты» твердо решили сохранить шляхетские привилегии и крепостное право.

---

[1]) Ю. Мархлевский, Из истории Польши, Гиз, 1925, стр. 21.

Сейм, который должен был провести намеченные «патриотами» реформы, собрался в Варшаве в 1788 году. Станислав Понятовский, на случай вмешательства в работу сейма русского правительства, заключил с прусским королем Фридрихом Вильгельмом II тайный договор, по которому обе стороны гарантировали друг другу неприкосновенность своих границ и совместное военное выступление в случае нападения на них какой-нибудь третьей державы. Фридрих Вильгельм, заключая этот договор, рассчитывал получить от сейма за оказанную ему поддержку Данциг и Торн.

Заседания сейма 1778 года, известного в истории Польши под названием Великого сейма, затянулось на 4 года, так как проекты реформ, вносимые «патриотами», встречали резкую оппозицию не только со стороны противников всяких реформ, но и со стороны немногочисленной, правда, но очень спаянной группы радикалов, находившихся под сильным влиянием идей французской революции. «Патриоты» лавировали между этими двумя крайними крылами сейма, вследствие чего работы последнего подвигались вперед поистине черепашьим шагом.

Тем не менее Великий сейм провел несколько очень серьезных мероприятий, которые, кстати сказать, ни в коем случае не могли рассчитывать на одобрение русского правительства. К такого рода мероприятиям прежде всего нужно отнести увеличение польской армии до 100 000 человек и упразднение «Постоянного совета».

Между тем создавалась крайне неблагоприятная для Польши политическая обстановка: Австрия вышла из войны с Турцией; Россия победоносно ее заканчивала и таким образом развязывала себе руки для нового вмешательства в польские дела; прусский король, видя, что шляхта не торопится преподносить ему в подарок Данциг и Торн, стал предпринимать шаги для сближения с Екатериной II. Все это не предвещало Польше ничего хорошего и заставило сеймовых «патриотов» поскорее закончить работы сейма.

С этою целью «патриоты» по тайному соглашению с королем выработали проект новых «кардинальных прав», т. е. конституции, и внесли его на утверждение сейма 3 мая 1791 года. В этот день бо́льшая часть оппозиции из-за пасхальных праздников отсутствовала в сейме, почему «патриотам» удалось рассмотреть и утвердить новую конституцию в течение одного заседания.

Основные положения этой пресловутой конституции, составляющей до настоящего времени предмет тайных вожделений польских помещиков, сводятся к следующим пунктам: 1) об'является свобода всех вероисповеданий, но католическое признается господствующим; 2) за шлях-

той сохраняются прежние привилегии; 3) крепостное право сохраняется; 4) за мещанами признается право владеть землей, и им предоставляется очень ограниченное самоуправление и не менее ограниченное право посылать своих депутатов в сейм [1]); 5) проводится строгое разделение властей, причем исполнительная власть принадлежит «Страже», т. е. Совету министров, назначаемых королем и ответственных перед сеймом; 6) избранию подлежит не персонально король, а династия, т. е. фактически устанавливается престолонаследие; 7) конституция подлежит пересмотру каждые 25 лет; 8) «либерум вето» и право конфедераций отменяются.

Конституция эта, по мысли ее авторов, должна была удовлетворить и сторонников старого порядка, т. е. ревнителей шляхетской «золотой свободы», и представителей крайних политических течений того времени, распространявшихся среди мелкой шляхты и городского мещанства под влиянием французской революции. Не достигши этой цели, конституция 3 мая 1791 года еще менее была, конечно, в состоянии устранить коренные противоречия польской жизни, коренившиеся в экономическом и политическом порабощении шляхтой огромного большинства населения; сохраняя шляхетские привилегии, узаконяя крепостное состояние крестьян и ограничивая гражданские права мещан, конституция эта ни в какой мере не способствовала обновлению польской жизни, как это обыкновенно утверждают польские буржуазные историки.

Но, не разрешая внутренних противоречий польской жизни, конституция 3 мая был в то же время в глазах и царского правительства и большинства магнатов «делом якобинцев», которое следует разрушить возможно скорее.

Еще до заключения русско-турецкого мира в Яссах (декабрь 1791 года), развязавшего руки Екатерине для действий в Польше, некоторые польские магнаты стали внушать русскому правительству мысль о необходимости вмешательства в польские дела с целью отмены конституции 3 мая.

Заключив мир с Турцией, Екатерина отправила в Польшу 64 000-ное войско и поручила своему посланнику в Варшаве вручить польскому правительству декларацию, называвшую конституцию 3 мая причиной разрыва между Россией и Польшей и приглашавшую всех «патриотов» «содействовать великодушным стараниям императрицы возвратить Речи Посполитой свободу и законность». «Патриоты», видевшие в конститу-

[1]) Все города вместе получили право избрать в сейм всего 20 депутатов так называемых уполномоченных, с правом решающего голоса только в городских делах.

ции 3 мая первый шаг к нарушению веками установившегося в Польше шляхетского «порядка», отозвались на этот призыв и образовали в Тарговице [1]) конфедерацию с целью добиться при помощи русских войск отмены ненавистной конституции. Во главе конфедерации стали магнаты: Потоцкий, Браницкий и Ржевусский.

Сторонники конституции выставили против об'единенных русских и тарговицких сил довольно значительную армию (60 000), но действия ее были в общем неудачны. Напуганный этими неудачами и грозным письмом Екатерины, Станислав Понятовский совершенно неожиданно для «патриотов» присоединился со своими войсками к тарговицкой конфедерации. После этого вся Польша фактически перешла под власть Екатерины II.

Уничтожив конституцию 3 мая, русское правительство решило поскорее покончить с Польшей и вступило в переговоры с прусским королем о вторичном ее разделе.

Соглашение о новом разделе Польши было подписано 23 января 1793 года и вслед затем было утверждено, под угрозой русских пушек, польским сеймом, собравшимся в Гродне. По этому разделу Россия получила оставшиеся в составе Польши после первого раздела части Белоруссии и Украины, за исключением западного Полесья и западной Волыни: Пруссии достались Данциг и Торн, Великая Польша, Куявская область и часть Мазовии. Для управления урезанной таким образом Польшей был восстановлен «Постоянный совет»; польская армия уменьшалась до 15 000 человек.

После присоединения Станислава Понятовского к тарговицкой конфедерации много польских генералов и вообще сторонников конституции 3 мая эмигрировало за границу. После второго раздела наиболее активные из них с'ехались в Саксонии и решили поднять восстание с целью восстановления Польши в ее прежних пределах, причем главнокомандующим будущей революционной армией был назначен генерал Косцюшко, приобретший громкую известность как талантливый полководец, принимавший деятельное участие в Северо-американской войне и в борьбе с об'единенными русскими и тарговицкими войсками.

Косцюшко пробрался в Краков и поднял там восстание в марте 1794 года. Происходя из мелкой шляхты и будучи близко знаком с положением и настроением польского крестьянства и мещанства, Косцюшко понимал, что без поддержки всей массы населения, силами одной шляхты, среди которой было немало сторонников России, вос-

---

[1]) Местечко в Подолии.

становить Польшу не удастся. Особенно важно было для Косцюшки привлечь на свою сторону крестьян. Очень недвусмысленно обещая им уничтожить крепостное право после восстановления Польши, он сейчас же после начала восстания издал целый ряд распоряжений, значительно облегчавших положение крепостных. Желая приобрести среди последних популярность, Косцюшко одел живописный костюм краковских крестьян и нарядил в него солдат наиболее надежных своих частей. Эти меры дали очень благоприятные результаты: под знамена Косцюшки стали массами стекаться крестьяне.

Косцюшко сумел привлечь на свою сторону и мещан: он вошел в сношения с городскими цехами, обещая им восстановление самоуправления и уравнение в правах со шляхтой.

Первые военные шаги Косцюшки были очень удачны, и из Кракова восстание распространилось по всей Польше, охватив такие важные города, как Варшава и Вильно. В Варшаве заодно с немногочисленным отрядом военных заговорщиков действовали цехи, во главе которых стал сапожный мастер Ян Килинский, который сумел поднять против русского гарнизона население Варшавы, что заставило русского посла, генерала Игельстрома, очистить столицу Польши. Вильно было очищено от русского гарнизона также при деятельном участии восставшего населения. В обоих этих городах были установлены временные правительства, находившиеся под сильным влиянием революционно настроенных масс, применявших к сторонникам старого польского режима и к руссофильской партии систему жестокого террора.

Вызвав к жизни дремавшие в польском народе революционные силы, Косцюшко менее всего был способен стать революционным вождем: его стремления не шли дальше восстановления шляхетской Польши, в которой была бы несколько облегчена барщина для крестьян, а городскому мещанству предоставлено было бы «куцое» самоуправление.

Когда неудача польских войск под Щекоцинами и занятие прусскими войсками Кракова вызвали в Варшаве революционный взрыв, направленный непосредственно против короля, которого народ подозревал в сношениях с врагами, Косцюшко жестоко расправился с восставшими и взял короля под свою защиту.

Такой образ действий не только вызвал разочарование в Косцюшке среди широких польских народных масс, не только содействовал упадку настроения в его войсках, состоявших в большинстве из крестьян и мещан, но и оттолкнул от его дела первоначально сочувствовавших ему деятелей французской революции: когда Косцюшко обратился за по-

мощью против России и Пруссии ко всесильному тогда Робеспьеру, то последний заявил, что французской республике нет дела до Польши, где революцию делает шляхта.

А начатое Косцюшко дело требовало крайнего напряжения сил всего польского народа и помощи извне: в пределы Польши вступали все новые и новые вооруженные до зубов русские и прусские отряды под начальством выдающихся полководцев. Не удивительно поэтому, что первоначальные крупные успехи Косцюшко сменились рядом неудач, повлекших за собой в конце концов его разгром и пленение под Мацеевицами русским генералом Ферзеном.

Вскоре после этой катастрофы, в конце ноября 1794 года, Суворов занял Варшаву после взятия штурмом ее предместья Праги, во время которого были уничтожены почти все жители этого предместья, без различия пола и возраста. Восстание Косцюшки было ликвидировано.

Непосредственным его результатом был третий раздел Польши, состоявшийся на основании так называемых петербургских соглашений, подписанных Россией и Австрией 3 января 1795 года и Россией и Пруссией 24 октября того же года. Согласно этим соглашениям уцелевшие от первых двух разделов остатки Польши были разделены между указанными государствами следующим образом: Россия получила Литву, Пруссия — Варшаву с областью, и Австрия — земли между Бугом, Вислой и Пилицей под названием Западной Галиции. Станислав Понятовский отрекся от престола, и Польша, как единое и независимое государство, перестала существовать.

VI. ПОРАБОЩЕННАЯ ПОЛЬША.

Правительства Пруссии, России и Австрии, поделив польские земли, в своей политике по отношению к последним руководствовались в течение первых десятилетий после третьего раздела одним и тем же желанием — поскорее окончательно поглотить и ассимилировать польское наследство. Одинаковое направление политики этих государств в польском вопросе прежде всего об'ясняется тем обстоятельством, что их государи были представителями так называемого просвещенного абсолютизма, главной задачей которого была борьба с распространением среди их подданных идей французской революции. Польша, по мнению этих государей, представляла благоприятную почву для возникновения национально-освободительного движения, почему заботы их направлялись прежде всего на подавление всяких проявлений этого движения и на создание таких взаимоотношений между различными классами польского населения, при которых они не могли бы об'единиться на общей для всех их платформе.

«Разделяй и властвуй» — этим испытанным средством всех тиранов прекрасно умели пользоваться и «просвещенные» деспоты. Проводить эту систему, впрочем, было и нетрудно, так как польское население и без того делилось, конечно, на враждебные друг другу классы.

Екатерина II, захватившая львиную долю польского наследства, и ее преемники в польском вопросе давали до известной степени тон Пруссии и Австрии.

Немедленно после присоединения к России Белорусско-литовского края и Украины начинается пресловутая их руссификация. Царское правительство оправдало ее тем, что эти страны — «искони русские» и что население их утратило свой первоначальный «русский» облик благодаря насильственно прививаемому польскому влиянию. По этим соображениям игнорировались национальные и вероисповедные особенности населения этих областей, вводились в них общеимперские учреждения и великорусский язык, преследовалась уния.

Дворянское правительство Екатерины II всячески покровительствовало польским крупным помещикам и очень подозрительно относилось к мелкой, малоземельной шляхте и городской буржуазии, справедливо видя в них врагов новых порядков, основывавшихся попрежнему на господстве феодальной знати.

Положение крестьян в отнятых у Польши областях нисколько не улучшилось сравнительно со временем шляхетского владычества, так как помещики получили здесь все те права, которыми пользовались по отношению к своим крепостным помещики коренной России.

В значительно худшем положении оказались помещики в отошедших к Пруссии и Австрии частях Польши. Здесь их прежние привилегии были сильно ограничены, и им не было предоставлено тех прав, которыми пользовались немецкие дворяне, причем особенно чувствительно было для польских помещиков лишение их неограниченной власти над крестьянами. Поэтому этими помещиками особенно тяжело переносилась потеря Польшей политической независимости, и ими главным образом и пополнялись формируемые на Западе ряды так называемых польских легионов.

Политические события в Западной Европе, непосредственно следовавшие за третьим разделом Польши, невольно направляли внимание польских «патриотов» на Францию, которая в то время вела войну с Пруссией и Австрией и отношения которой с Россией были крайне натянутыми. Несмотря на неудачу, постигшую Косцюшко при попытке склонить Францию ко вмешательству в польские дела, польские «патриоты», мечтавшие о восстановлении независимости своей родины, видели в республиканской буржуазной Франции естественную защитницу погибавшей Речи Посполитой.

Желая расположить французскую республику в пользу Польши, член Великого сейма Выбицкий и генерал Домбровский предложили Конвенту организовать специальный польский отряд, который сражался бы с врагами Франции в рядах французской армии. Конвент направил их к Наполеону Бонапарту, который в это время был занят созданием из отнятых у Австрии северо-итальянских областей «Цисальпийской республики».

Бонапарт предложил Домбровскому набрать «польский легион», который защищал бы вновь созданную республику. Домбровский принял это предложение и отправил в польские области своих эмиссаров с воззваниями, призывавшими поляков в Италию под польские знамена. Эти воззвания нашли отклик среди части польской молодежи, которая стала пробираться в Италию и поступать в легионы. Число легионеров

пополнялось и поляками, взятыми в плен французами во время их войны с Австрией.

Легионы оказали большие услуги французской республике во время ее борьбы с коалицией европейских держав, но Наполеон и не думал о восстановлении Польши. Так, заключая уже в качестве первого консула мир с Австрией в Люневиле (1801), он совершенно не коснулся вопроса о судьбах Польши, на что так рассчитывали организаторы легионов.

Не нуждаясь больше в легионах и желая поскорее от них избавиться, Наполеон отправил их на остров Сан-Доминго для усмирения туземцев, восставших там против французских плантаторов. В борьбе с повстанцами и от действия губительного для европейцев климата большинство легионеров погибло, так что в Европу возвратилась ничтожная их часть.

Возвратившиеся из Сан-Доминго легионеры сгруппировались около Домбровского, который, несмотря на все испытания, фанатически верил, что дело легионеров не погибло окончательно, что им в будущем придется еще сыграть решающую роль в деле восстановления Польши. Но в действительности легионы, состоя в подавляющем большинстве из шляхтичей и не имея никаких связей с польскими народными массами, не могли сыграть этой роли и продолжали попрежнему оставаться слепым орудием в руках Наполеона.

Польские легионы были опять призваны к деятельности Наполеоном во время его войны с Пруссией (1806). После иенской и ауэрштедской побед Наполеон занял Берлин и всю западную часть Пруссии, а восточную ее часть, состоявшую попреимуществу из польских земель, об'явил освобожденной от прусского владычества, причем обратился к Домбровскому и Выбицкому с предложением поднять в этих землях восстание. Поручение Наполеона было выполнено, и в об'ятой восстанием стране было набрано три легиона (по численности равных трем дивизиям), во главе которых стал князь Иосиф Понятовский и два генерала: Домбровский и Заионček.

Александр I (1801—1825), вступивший на русский престол после своего отца Павла I (1796—1801), убитого заговорщиками-дворянами, недовольными не столько павловским полицейским режимом, сколько разрывом с Англией, подрывавшим русскую торговлю хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, стал принимать участие во всех европейских коалициях, направленных против Наполеона.

После разгрома Пруссии Александр I об'явил Наполеону войну, которая окончилась поражением русских войск под Фридландом (1807)

и заключением крайне невыгодного для России Тильзитского мира. Одним из условий последнего было создание Княжества Варшавского, выкроенного из земель, доставшихся Пруссии по второму и третьему разделам Польши.

Это было очень ловким политическим ходом Наполеона: польские «патриоты» видели в создании Княжества первый шаг к восстановлению Польши и дальнейшие свои надежды связывали с именем французского императора, в то время как такое разрешение польского вопроса оттолкнуло от Александра I ту часть польской шляхты, которая под влиянием близкого его друга, магната Чарторыйского, полагала, что русское правительство будет настаивать на полном восстановлении Польши.

Реальное значение Княжества Варшавского для Наполеона заключалось в том, что оно становилось передовым французским постом на северо-востоке Европы и плацдармом для развертывания французских военных сил в случае нового их столкновения с Пруссией и Австрией.

В основу государственного устройства нового княжества, соединенного с Саксонией персональной унией, была положена французская конституция, что очень обескуражило польских «патриотов», мечтавших о конституции 3 мая. Согласно с положениями французской конституции были провозглашены равенство всех граждан княжества перед законом и «уничтожение рабства», т. е. крепостного права, но эта декларация нисколько не улучшила положения крестьян, так как они, получая личную свободу и право свободного передвижения, не были наделены землей, которая была об'явлена собственностью помещиков. При таких условиях шляхта сохраняла фактически свои привилегии. Под влиянием французского государственного строя в Княжестве установился бюрократический способ управления, и возникла местная бюрократия. Польские легионы сыграли роль кадров для 30 000-ной польской армии, которой Наполеон распоряжался по своему усмотрению. Так, часть ее была послана даже в Испанию для борьбы с испанскими инсургентами.

Что же касается экономического положения Княжества, то оно, истощенное непосильными налогами и всевозможными контрибуциями и реквизициями, населенное обезземеленным нищим крестьянством, влачило самое жалкое существование.

Расчеты Наполеона на Княжество Варшавское, как на плацдарм для развертывания французских сил, вполне оправдались во время войны 1812 года.

Тильзитский мир оказался очень непрочным главным образом из-за так называемой континентальной блокады. Эта блокада, имевшая

в виду путем прекращения внешней торговли Англии нанести ей решительный удар на экономическом фронте, нанесла гораздо более сильный удар внешней торговле России. Хлеб, масло, сало, лен, строительный и корабельный лес, железо вывозились в то время из России почти исключительно в Англию, откуда в Россию ввозились колониальные товары и мануфактура. Прекращение торговли с Англией грозило русским помещикам лишением их доходов от продажи сельскохозяйственных продуктов, а купечеству и заводчикам полным разорением. Понятно, что дворянское правительство Александра I, экономически тесно связанное с русской буржуазией, крайне тяготилось континентальной блокадой: постоянно нарушая последнюю, оно в конце концов стало откровенно стремиться к возобновлению торговли с Англией, что было уже равносильно вызову Наполеону, защищавшему интересы французской буржуазии в ее борьбе с английской.

Решивши начать войну с Россией, Наполеон собрал в пределах Княжества огромную по тому времени армию (около 500 000). Чтобы вполне обеспечить тыл этой армии путем привлечения к себе симпатии населения Польши, а также привлечь в ряды своих войск побольше поляков, Наполеон прислал в 1812 году в Варшаву специального посла, по совету которого правительство Княжества провозгласило восстановление Польши. Наполеон после этого сразу же попал в число национальных польских героев, и Княжество предоставило в его распоряжение все свои войска, проделавшие вместе с французской армией московский поход и разделившие вместе с нею ее окончательную гибель.

На Венском конгрессе (1814—1815), созванном после низложения Наполеона, польский вопрос был одним из наиболее важных и трудных для разрешения вопросов, так как при разрешении его и связанного с ним вопроса о Саксонии столкнулись интересы Пруссии и России, с одной стороны, и Австрии и Англии — с другой. После продолжительных споров, вызванных разгоревшимися захватническими аппетитами представителей держав-победительниц, восторжествовала русская дипломатия, поставившая своих соперниц перед фактом занятия русскими войсками Княжества Варшавского и «добровольного» признания русской власти его населением.

В результате сделок между представителями заинтересованных держав на Венском конгрессе произошел в сущности новый, четвертый раздел Польши, по которому Россия, удерживая за собой польские земли, полученные ею по предыдущим разделам Польши, получила бо́льшую часть Княжества с городом Варшавой под названием Царства

Польского; Пруссия удержала за собой так называемую Королевскую Пруссию и получила, наконец, города Данциг и Торн, а также незначительную часть Княжества Варшавского с городом Познанью; за Австрией закреплена была Галиция, кроме города Кракова с округом, провозглашенного Краковской республикой под протекторатом России, Пруссии и Австрии.

Захватив бо́льшую часть Польши, Александр I и его преемники сделались фактически вершителями судеб польского народа вплоть до эвакуации Царства Польского во время мировой войны (1915).

Александр I, несмотря на несомненный свой деспотизм, любивший щеголять либерализмом, склонный к эффектным жестам и громким фразам, поручил специальной комиссии составить для новоиспеченного царства конституцию.

Согласно одной из глав этой конституции «польский народ на вечные времена будет иметь национальное представительство на сейме, состоящем из короля и двух изб (палат), из коих первую будет составлять сенат, а вторую послы и депутаты от гмин (общин)». Но «польский народ» был представлен в обеих палатах исключительно шляхтой, так как во вторую палату имела право быть избираемой только владевшая землей шляхта, а в первую, благодаря высокому цензу, могла попадать только богатая шляхта. Королевское достоинство в Царстве Польском было об'явлено наследственным в доме Романовых, а само Царство «навсегда соединенным с Российской империей».

Исполнительная власть принадлежала королю, который назначал для Царства своего наместника, управляющего страной в тесном контакте с Государственным советом и комиссиями (министерствами). Законодательная власть принадлежала сейму, но без права законодательной инициативы: последняя составляла прерогативу короля. По конституции суд об'являлся независимым, судьи несменяемыми; в основу судопроизводства положен был кодекс Наполеона. Польское войско в мирное время составляло 30 000 человек.

Конституция эта, обнародованная 24 декабря 1815 года, устанавливала государственный порядок, обеспечивавший во всех отношениях господство аристократии в Царстве Польском, но нисколько не гарантировавший политической независимости последнего. Тем не менее в России она казалась верхом либерализма. Это, конечно, об'ясняется тем впечатлением, которое производил там самый факт подписания конституции русским царем, бывшим воплощением самого беззастенчивого деспотизма.

Конституция 1815 года нисколько не мешала, конечно, Александру I распоряжаться в Царстве Польском, как в своей вотчине. Первым наместником был назначен генерал Заионček, совершенно ничтожная личность, человек, готовый служить за деньги всякому. Неудивительно поэтому, что он был слепым орудием в руках Александра и его представителей в Царстве Польском — вел. князя Константина, брата царя, и Николая Новосильцева, «комиссара русского правительства при правительстве Царства».

Константин, несмотря на свои незаурядные способности и большую трудоспособность, был типичным тираном; это был хитрый, мстительный, жестокий и властный человек, часто ставивший свою прихоть выше соображений рассудка и гуманности. Будучи главнокомандующим польских войск, он, совершенно игнорируя Заионčека, постоянно вмешивался в дела управления. После смерти Заионčека Константин фактически сделался полным хозяином Царства, хотя и не был назначен наместником.

Что же касается Новосильцева, то он отличался положительно фанатической ненавистью ко всему, что носило польское имя, а в конституции Царства видел непростительную ошибку Александра. Пользуясь большим доверием и Александра и Константина, он при всяком случае старался восстановить их против Царства.

Возникновение по инициативе Александра I Священного союза, имевшего целью укрепление во всех европейских странах абсолютизма, вызывало среди европейской интеллигенции, в особенности среди учащейся молодежи, революционное настроение. Возникновение тайных политических обществ, изредка проявлявших свою деятельность в террористических актах против наиболее ретивых агентов реакционных правительств, крайне встревожило последние и вызвало ряд мер, направленных на подавление «свободомыслия»: вводилась строгая цензура произведений печати, стеснялась свобода преподавания во всех школах, учреждалась специальная цензура для раскрытия и преследования тайных обществ.

По мере успехов европейской реакции Александр I все более и более охладевал к конституции Царства Польского и в конце концов совсем перестал с ней считаться: своим указом он ввел в Царстве цензуру, учредил жандармерию и тайную полицию и предоставил им право без суда и следствия арестовывать и держать в заключении «государственных преступников». Нарушения Александром конституции вызывали среди членов сейма оппозиционное настроение, а подчас и резкую критику его образа действий, что не могло не волновать все

польское общество. Чтобы изолировать сейм, Александр в 1825 году, незадолго до своей смерти, внес лично в Положение о сейме так называемую «дополнительную статью», отменяющую гласность заседаний сейма. Внесение этой статьи сопровождалось резкой тронной речью Александра, совершенно терроризовавшей сейм: статья была принята без прений, оппозиция замолкла.

Вступление на престол Николая I (1825—1855), ознаменованное восстанием декабристов, не обещало Царству Польскому ничего хорошего. Начало этого царствования сопровождалось в Царстве Польском разгромом «Патриотического общества», бывшего в сношениях с декабристами. Подозреваемые в этих сношениях каштелян Солтык, подполковник Кржижановский и другие члены названного общества были, в нарушение конституции, поставлены перед чрезвычайной следственной комиссией, а затем преданы сеймовому суду, который присудил их к обыкновенному тюремному заключению на небольшие сроки. Раз'яренный таким мягким, по его мнению, приговором, Николай приказал арестовать членов «Патриотического общества» и доставить их в Петербург, откуда они были сосланы в Сибирь.

Убежденный деспот, Николай I еще менее своего брата способен был уважать польскую конституцию: он совершенно не скрывал своего к ней отвращения. Это вызывало крайнее раздражение как среди членов сейма, так и среди всей шляхты, видевшей в конституции прежде всего гарантию незыблемости своих привилегий. Такое настроение при всех прочих неблагоприятных условиях, в которых жило Царство, должно было окончиться взрывом.

После разгрома «Патриотического общества» возникают многочисленные тайные политические общества как среди польской интеллигенции и учащейся молодежи, так и среди военнослужащих. Все эти общества целью своей деятельности ставили свержение с польского престола Романовых и восстановление Польши в исторических пределах. Назревавший в Польше революционный взрыв ускорила июльская революция (1830) в Париже и последовавшая за ней революция в Бельгии.

Николай I, считая себя охранителем старого режима во всей Европе, стал готовиться к походу в Бельгию; в этом походе должны были принять участие и польские войска. Это послужило непосредственным поводом к восстанию, вспыхнувшему в Варшаве в ночь на 29 ноября 1830 года, непосредственное участие в котором принимали и прибывшие в Варшаву французские революционеры.

Сигналом к восстанию послужило нападение на Бельведер, резиденцию Константина, заговорщиков, состоящих из учащихся варшавской военной школы («школа подхорунжих»). К востанию, несмотря на противодействие со стороны нескольких видных польских генералов, примкнули бо́льшая часть варшавского гарнизона и много мирных жителей. Застигнутый этим восстанием врасплох, Константин совсем растерялся: он вывел русский отряд из Варшавы и отступил за пределы Царства Польского. Тогда восстание охватило всю страну. Романовы были об'явлены низложенными с польского престола, и началась русско-польская война 1831 года.

Война эта велась первоначально с переменным счастьем, но в конце концов успех склонился на сторону Николая I, располагавшего более многочисленными людскими и материальными ресурсами и более совершенной военной организацией

Польское восстание 1830—1831 годов было заранее обречено на неудачу, так как оно было предпринято исключительно в интересах шляхты. Вся масса крестьянства и мещанства смотрела на него, как на панское дело, в исходе которого все остальное население было совершенно незаинтересовано. Руководители этого восстания и не подумали о том, чтобы привлечь к восстанию народные массы хотя бы в такой мере, как это сделал Косцюшко. Правда, революционный сейм приступил было к обсуждению крестьянского вопроса, но не пошел дальше безрезультатных прений.

Осенью 1831 года дело польского восстания было уже окончательно проиграно: генерал Паскевич взял штурмом Варшаву, после чего польская армия ушла частью в пределы Австрии, частью в пределы Пруссии. Главнейшие польские крепости (Модлин и Замостье) сдались, и все Царство Польское было занято войсками преисполненного жаждой мести Николая I.

После подавления восстания Николай I приступил к жестокой расправе с его участниками, для чего был организован «Верховный уголовный суд». Но этому суду в сущности и делать было нечего, так как все более или менее видные деятели восстания бежали за границу. Тем не менее он заочно осудил 264 участника восстания к смертной казни, 2 540 эмигрантов к «лишению всех прав состояния». Эти приговоры сопровождались конфискацией имущества осужденных, а так как последние были почти поголовно богатыми помещиками, то в руки правительства Николая I попали колоссальные земельные владения, которые оно немедленно поразда́вало высшим русским чиновникам и генералам, в то время как польские крестьяне со времени «освобождения»

их Наполеоном I были или совершенно обезземелены, или сидели из милости помещиков на крохотных до смешного наделах.

Конституция 1815 года была уничтожена, и правительство Николая I стало управлять Царством Польским на основании так называемого «Органического статута» (1832), согласно которому Царство об'являлось частью России, сейм упразднялся, уничтожалось польское войско, и местные административные и судебные органы подчинялись непосредственно петербургским министрам. К занятию государственных должностей в Царстве стали допускаться русские чиновники, и русский язык постепенно стал приобретать значение языка государственного. Старое административное деление страны на воеводства было уничтожено и заменено делением на губернии.

Типичное крепостническое правительство Николая I, видевшее в русских помещиках бесплатных полицмейстеров, не только за страх, но и за совесть державших в повиновении многие миллионы русских крестьян, по отношению к крестьянам польским прибегало к демагогическим приемам, стараясь всячески возбуждать их против помещиков. Это правительство старалось внушить польским крестьянам, что оно готово всячески облегчить их положение, готово даже наделить их землей, но в этих своих намерениях оно встречает самое упорное противодействие со стороны помещиков.

Впрочем, тут русское правительство напрасно старалось: и без того между польскими крестьянами и их помещиками были самые враждебные отношения, вызываемые непримиримостью интересов этих двух классов.

Николаевское правительство, всячески преследуя проявление свободной мысли и налагая свою тяжелую лапу на низшее, среднее и высшее образование в империи, занялось тем же делом и в «усмиренной» Польше. Первым его шагом в этом направлении было закрытие Варшавского и Виленского университетов и сокращение сети низших и средних школ. Надзор за характером преподавания, т. е. за тем, чтобы в них не преподавалось ничего «противного видам правительства», и общая цензура были поручены попечителю вновь образованного Варшавского учебного округа, подчиненного русскому министерству народного просвещения. Деятельность в Царстве цензуры прекрасно характеризуется тем фактом, что ею было запрещено даже упоминание имен таких польских писателей, как Мицкевич, Словацкий, Красинский, Лелевель. Свирепому преследованию со стороны николаевского правительства подвергается и католическая церковь. Таким

образом пресловутый лозунг «православие, самодержавие и народность» переносится из коренной России и на польскую почву.

Неудача восстания 1831 года и посыпавшиеся после его подавления на Польшу репрессии способствовали образованию за границей, главным образом во Франции, многочисленной польской эмиграции. Эмигранты эти в подавляющем большинстве принадлежали к шляхетскому сословию и делились на два лагеря: консерваторов и демократов. Партию консерваторов составляли крупные помещики, мечтавшие о восстановлении Польши в исторических границах с сохранением полной неприкосновенности шляхетской «золотой свободы». Демократы — средние и мелкие помещики и небольшая группка городской буржуазии — находились под сильным влиянием буржуазной революционной идеологии: они строили планы восстановления Польши в виде демократической республики, причем рассчитывали привлечь к борьбе за освобождение Польши и трудящиеся классы населения лозунгами французской революции.

Более решительными, но менее выдержанными оказались демократы. Уже в 1833 году один из демократов, полковник Иосиф Залиевский, пробрался в Царство Польское и поднял там партизанское движение. Но участие в этом движении приняла лишь небольшая кучка шляхтичей: крестьяне и мещане сочли его барской затеей. Движение это было легко подавлено русскими войсками, и участники его частью были казнены, частью сосланы в Сибирь. Вторичная попытка демократов поднять в Польше восстание была сделана в 1846 году. Организатором его был бывш. поручик польских войск Людвиг Мерославский. На этот раз восстание должно было быть поднято одновременно во всех частях Польши, причем неопытный и идеалистически настроенный Мерославский рассчитывал на этот раз не только на поддержку со стороны широких масс польского населения, но и на сочувствие войск держав-захватчиц. Но и теперь замыслам демократов не суждено было осуществиться: в Познани главари восстания были арестованы, прежде чем им удалось приступить к действиям, в Царстве Польском попытки к восстанию были подавлены в зародыше, а в Галиции в связи с подобными же попытками возникло восстание крестьян против шляхты.

Правитель Галиции Криг, зная ненависть крестьян к помещикам, решил подавить назревавшую революцию национальную революцией социальной. Он поднял крестьян, призывая их грабить и убивать помещиков и повстанцев-шляхтичей, не только гарантируя поднявшимся крестьянам полную безнаказанность, но и обещая им щедрую награду и

благодарность правительства. Возбужденные крестьяне бросились на помещичьи усадьбы, на монастырские и церковные имения, избивая помещиков, их служащих, ксендзов и интеллигенцию. Множество трупов убитых крестьяне доставляли властям, требуя обещанной награды. Так печально окончилась новая «демократическая» затея. Галицкие крестьяне потопили в потоках шляхетской крови восстание польских демократов, рассчитывавших на поддержку этих же крестьян. Вскоре после «галицийской резни» Краковская республика была упразднена и включена в состав Галиции.

Эти неудачи значительно охладили польскую эмиграцию и способствовали сближению консерваторов с демократами: и те и другие перестали рассчитывать лишь на свои собственные силы и все свои надежды стали связывать с будущей «всеобщей войной за свободу народов». Революционный 1848 год казался им подходящим моментом для восстановления Польши, но и на этот раз им пришлось испытать горькое разочарование: он не принес им разрешения польского вопроса, а участие польского легиона в революционной борьбе за освобождение Венгрии сопровождалось лишь бесплодными жертвами.

Наступившая в Европе после 1848 года реакция, сопровождавшаяся во Франции монархическим переворотом, совершенным Людовиком-Наполеоном Бонапартом, вызвала резкую перемену в отношении французских правящих кругов к польскому вопросу. Польские эмигранты перестают уже вызывать к себе сочувствие как представители угнетенной нации, а рассматриваются правительством Наполеона III как неисправимые революционеры, пытающиеся нарушить установившийся в Европе «порядок».

Английское, а под его влиянием и французское правительства опять выдвинули польский вопрос в связи с крымской войной: они решили воспользоваться им, как средством борьбы с Россией. Но практически дело в данном случае свелось к разрешению польским эмигрантам формировать легионы, которым притом и не пришлось участвовать в войне против России из-за недоразумений, возникших среди их начальников.

Николай I умер еще до прекращения крымской войны, и на русский престол вступил его сын Александр II (1855—1881), на которого польские «патриоты», ввиду слухов об его либеральном настроении, возлагали большие надежды. Не меньше надежд возбуждал в них и Парижский конгресс: они полагали, что державы во время мирных переговоров с Россией поднимут вопрос о восстановлении Польши. Но этим надеждам не суждено было осуществиться. На конференции

никто и не заикнулся о Польше, а французское правительство всячески старалось подчеркнуть свое желание установить дружеские отношения с Александром II. Что же касается последнего, то он, посетив в мае 1856 года Варшаву, обратился к шляхте с грозной речью, в которой предостерегал ее от всяких «мечтаний» о восстановлении Польши.

Тем не менее с воцарением Александра II николаевский режим в Польше был несколько облегчен: было уничтожено военное положение, смягчена цензура, амнистированы эмигранты и сосланные в Сибирь участники восстания 1830—1831 годов... Эти царские «милости» не замедлили опять вызвать среди известной части польского населения надежды на восстановление Польши.

Теперь так называемое польское общество распалось на два лагеря: «белых» и «красных». К «белым» принадлежали крупные помещики, богатые торговцы и фабриканты, выдвинувшие лозунг «органического труда», т. е. в сущности собственного обогащения за счет крестьянства и городского пролетариата под эгидой царской власти. «Белые» нашли поддержку в своих стремлениях в официальных петербургских кругах и получили целый ряд знаков царского благоволения, из которых можно отметить разрешение открыть «Сельскохозяйственное общество», во главе которого стал граф Замойский, один из виднейших деятелей белого стана.

Ряды «красных» пополнились городской интеллигенцией, средними и низшими чиновниками, мелкими землевладельцами, помещичьими служащими и низшим духовенством. «Красные» продолжали верить в помощь польскому делу Европы, верили в заступничество Наполеона III и, поддерживая деятельные сношения с польскими эмигрантами и русскими революционерами, готовились к вооруженному восстанию. Подготовку к восстанию «красные» начали с политических демонстраций, одна из которых (27 февраля 1861 г.) окончилась расстрелом русскими войсками безоружной толпы. Этот расстрел вызвал такой взрыв негодования среди польского населения и так возмутил общественное мнение Европы и передовых кругов русского общества, что Александр II принужден был пойти на уступки и утвердить представленный ему наместником Царства Польского Горчаковым проект реформ.

Согласно этому проекту управление, судопроизводство и народное просвещение в Царстве Польском реформировалось в духе «польской народности», и в качестве представителя ее был назначен в помощь наместнику маркиз Александр Велепольский. Последний, ярый сторонник царского режима, оттолкнул от себя все слои польского населения. Когда по распоряжению наместника было закрыто «Сельско-

хозяйственное общество» и вызванная этим закрытием мирная демонстрация, по начинавшему входить в обыкновение порядку, была расстреляна русскими войсками, возбуждение населения было направлено всецело против Велепольского, которого стали обвинять в заговоре с наместником против поляков.

Волнения в стране все усиливались. Велепольский поехал в Петербург и внушил Александру II, что причина этих волнений лежит исключительно в сосредоточении гражданской и военной власти Царства в одних руках и что стоит только отделить эти власти одну от другой, как в стране наступит успокоение. Царь во исполнение этого проекта назначил наместником Царства Польского своего брата Константина, а в помощники ему дал Велепольского со званием «начальника гражданского управления».

Велепольский, вернувшись в Варшаву, стал стремиться к сближению с «белыми», но попытки его не могли увенчаться успехом, так как «белые», несмотря на свою программу «органического труда», требовали присоединения к Царству Польскому Белорусско-литовского края и Украины, что для Велепольского, как агента русского правительства, было совершенно неприемлемо.

Между тем «красные» продолжали деятельно готовиться к восстанию. Они организовали «Центральный национальный комитет» с функциями тайного правительства. Русская полиция знала о существовании этого комитета, но члены его вследствие прекрасной конспирации были неуловимы.

В конце концов в Польше создалось необычайно тревожное положение: начались покушения на наместника и на Велепольского, распоряжения русского правительства не исполнились, русские войска на улицах городов стали подвергаться оскорблениям, — словом, в стране запахло порохом. Тогда по предложению Велепольского было увеличено число войск в Царстве Польском и, как последняя мера, которая должна была предупредить восстание, был об'явлен рекрутский набор. Посредством этого набора русское правительство предполагало обезвредить лишь причастие к движению элементы. Богатые помещики и крестьяне были от него освобождены.

Молодежь, которой угрожал призыв в русские войска, стала уходить в леса и скрываться там, организуясь в небольшие отряды. Набор был об'явлен 17 января 1863 г., а 22 января «Центральный национальный комитет» дал знак к восстанию.

Восстание 1863 г. имело еще меньше шансов на успех, чем восстание 1830 г. Если в распоряжении революционеров 1830 г. была

сравнительно многочисленная и прекрасно обученная польская армия и все финансы Царства Польского, то «красные» в 1863 г. могли рассчитывать только на мелкие партизанские отряды, состоявшие из необученной военному делу и недисциплинированной шляхетской и буржуазной молодежи, и на добровольные пожертвования.

22 января 1863 г. «Центральный национальный комитет» переименовал себя во «Временное национальное правительство» и, желая вовлечь в восстание крестьян, издал манифест, в котором, обращаясь «ко всем сынам Польши, свободным гражданам края», об'являл, что «земля, которою владеют землевладельцы на правах оброка или барщины, становится теперь безусловной и наследственной их собственностью; потерпевшие же от этого убыток помещики получат вознаграждение из общегосударственных средств».

Но манифест этот не произвел никакого впечатления на крестьян, которые настолько не доверяли шляхте, что во всяком ее обращении к народу видели лишь обман и скрытый злой умысел.

В начале восстания во главе партизанских отрядов стал Мерославский со званием диктатора. Восстание началось рядом удачных нападений партизанов на небольшие русские гарнизоны, стоявшие по городам и местечкам. Застигнутые врасплох, начальники этих гарнизонов стали отводить их в наиболее важные стратегические пункты, что очень подняло настроение повстанцев, понявших этот маневр, как отступление. Оправившись от первого замешательства, русские военные власти сосредоточили во всех значительных населенных пунктах Царства сильные отряды, перед лицом которых партизанские отряды принуждены были рассеяться по лесам, так что военные действия в конце концов свелись к охоте прекрасно вооруженных и многочисленных русских войск за вооруженными дробовиками и косами польскими «бандами».

Отчаянное положение, в котором очутились повстанцы, свирепая расправа с ними начальников русских отрядов, героизм затравленной в лесах, в большинстве случаев не вышедшей из отроческого возраста польской молодежи, которой угрожало поголовное истребление, вызвали среди разнообразных кругов населения западно-европейских стран движение в пользу вмешательства в польские дела.

Тогда же начались переговоры между правительствами Англии и Франции относительно совместного дипломатического выступления с требованием предоставления Царству Польскому широкой автономии и прекращения бойни. Под влиянием слухов об этом вмешательстве «белые» изменили свое первоначальное безучастное отношение к вос-

станию и, вступив в соглашение с «красными», образовали вместе с ними единое революционное правительство под названием «национального правительства». Участие «белых» в восстании выразилось главным образом в крупных с их стороны пожертвованиях в пользу национального фонда. Но это не могло уже спасти безнадежно проигранного дела.

Французское, английское и присоединившееся к ним австрийское правительства в своем решении вмешаться в польские дела ограничились посылкой Александру II нот, в которых в резких выражениях было пред'явлено требование уступок полякам. Резкий отказ русского министра иностранных дел Горчакова удовлетворить это требование не вызвал никаких шагов со стороны названных правительств, и подавление «мятежа» приняло еще более свирепые формы.

Во главе белорусско-литовских губерний, также отчасти охваченных восстанием, был поставлен генерал Муравьев, получивший неограниченные полномочия для борьбы с повстанцами. К исполнению своей миссии этот палач приступил с таким усердием, что немедленно же получил прозвище «вешателя». Много сотен людей было им повешено, причем большинство лишь по подозрению в поддержке восстания, тысячи сосланы в Сибирь и в отдаленные губернии европейской России.

Точно так же в Царстве Польском действовал назначенный после отозвания Константина и Велепольского диктатором генерал Берг.

Террор Муравьева и Берга заставил вступить на путь террора и «национальное правительство», организовавшее между прочим покушение и на Берга. Такое положение вещей озлобляло обе стороны и вызывало новые жестокости и бесплодное кровопролитие.

Последний период польского восстания, представлявший, собственно говоря, уже агонию этого движения, ознаменован деятельностью противника террора Ромуальда Траугута, пытавшегося затянуть восстание в надежде на новое вмешательство Франции. Но надежде этой не суждено было осуществиться, и ни выдающиеся организаторские способности Траугута, ни его опытность в военном деле не могли уже спасти польские партизанские отряды от полного уничтожения, тем более, что прусский король с самого начала восстания очень охотно содействовал его подавлению, а австрийское правительство после своего неудачного заступничества за повстанцев резко изменило свое отношение к ним и даже об'явило в Галиции осадное положение.

Зимою 1864 г. русской полиции удалось арестовать неуловимых до сих пор членов организации, руководившей восстанием, а в апреле того же года был арестован и сам Траугут. По царскому приказу он

вместе с тремя членами «национального правительства» последнего состава — Краевским, Точинским и Езеранским — был повешен на верках Варшавской цитадели. Это был заключительный аккорд трагедии 1864 года.

После подавления восстания русское правительство берет вполне определенный курс на превращение Царства Польского в русскую провинцию, в «Привислянский край». Учрежденный еще в начале 1864 г. в Петербурге «Комитет по делам Царства Польского» выработал ряд мер, которые должны были совершенно уничтожить политическую и национальную обособленность Царства. С этой целью были упразднены все местные учреждения и введены общеимперские с обязательным употреблением в их делопроизводстве русского языка. Должности в государственных учреждениях Царства предоставлялись первоначально преимущественно, а затем исключительно чиновникам «русского происхождения», которые привлекались сюда из России специальными льготами и преимуществами.

С целью создания в стране русского землевладения конфискованные у участников восстания земли, а также казенные и церковные стали передаваться на правах майоратов царским чиновникам и офицерам. С этою же целью были сделаны неудачные, правда, попытки переселения в Царство Польское русских крестьян.

По отношению к польским крестьянам русское правительство продолжало свою демагогическую политику: наделив крестьян нищенскими участками пахотной земли, оно умышленно не определило точно их прав на леса и выгоны, которыми во время крепостного права помещики разрешали пользоваться крестьянам в порядке барской милости. Крестьяне полагали, что и после наделения землей они сохраняют право на пользование лесами и выгонами, без которых невозможно крестьянское хозяйство. Помещики же, наоборот, находили, что после «освобождения» крестьян все прежние взаимоотношения между помещиками и крестьянами прекращаются. Эти две противоположные точки зрения вызывали целый ряд недоразумений между заинтересованными сторонами и способствовали усилению и без того ожесточенной классовой вражды в польской деревне. Усердно поддерживал эту вражду созданный русским правительством институт «комиссаров по крестьянским делам», призванный якобы разрешать споры между крестьянами и помещиками.

Крестьяне Царства Польского получили право собираться на «гминных сходах» [1]) для обсуждения и разрешения своих деревенских

[1]) Волостные собрания.

дел и выборов войта [1]), солтысов [2]), гминных [3]) судей, лавников [4]) и других должностных лиц, но все решения и выбора схода подлежали утверждению со стороны представителя русской полицейской власти в уезде, уездного начальника, который имел право их отменить без всякой мотивировки. При таких условиях предоставленное крестьянам самоуправление было, конечно, фикцией.

В 1874 г. в Царстве Польском было уничтожено наместничество, и управлять им стали генерал-губернаторы, среди которых особенной свирепостью в насаждении здесь «русских начал» отличался генерал Гурко, назначенный на эту должность сыном казненного народовольцами Александра II, Александром III (1881—1894). Во время хозяйничанья в Царстве этого грубого царского солдата оно было наводнено войсками, полицией и жандармерией. Страна обратилась в огромный военный лагерь, в котором большинство местного мирного населения, отданного под надзор полицейских и жандармов, было совершенно терроризировано.

Гурко нашел себе достойного помощника в лице попечителя Варшавского учебного округа, Апухтина. Гурко и Апухтин поставили себе столь же преступную, сколь и неосуществимую цель — уничтожение польской национальности. Средством для этого они избрали школу. В низших, средних и высших учебных заведениях преподавание всех предметов, не исключая и польского языка, должно было производиться на языке русском. Ученикам запрещено было разговаривать между собою по-польски не только в стенах учебных заведениях, но и в ученических общежитиях. Все, что определяло польскую национальность: язык, история, литература, обычаи, даже костюм, — подвергалось преследованию и издевательствам. Цензура, в лице невежественных губернаторских чиновников, усердно занималась изничтожением польской печати.

Преследованиям подвергалась и католическая церковь, причем с особенной жестокостью русское правительство расправлялось с крестьянами-униатами в Холмщине. Здесь «добровольное» обращение в православие сопровождалось массовыми расстрелами и истязаниями крестьян озверевшими казацкими шайками, направленными на беззащитный деревенский люд представителями местного высшего православного духовенства.

---

[1]) Волостной старшина.
[2]) Сельские старосты.
[3]) Гмина — волость.
[4]) Судебные заседатели.

Гурко пытался даже внешности польских городов придать «русский» характер. С этой целью в центральных пунктах всех этих городов воздвигались православные церкви, улицы переименовывались на русский лад, на вывесках магазинов на первом месте помещался русский текст, даже счета частных лиц и ресторанные меню должны были составляться на русском языке.

Все эти нелепые меры, при помощи которых проводилась пресловутая «руссификация», не достигали, конечно, цели, вызывая лишь среди широких слоев польского населения жгучую ненависть к царскому правительству, переносимую часто на все русское.

Забитое, терроризуемое и развращаемое прибыми чиновниками «русского происхождения» большинство польского населения таило эту ненависть под маской низкопоклонничества и угодливости, внушая таким образом русскому правительству убеждение, что его попытки руссифицировать край не бесплодны, что край замирен окончательно и что население его только и мечтает о том, как бы стать русским.

Неудивительно поэтому, что политический курс, взятый по отношению к Царству Польскому Гурко и Апухтиным, продолжался вплоть до 1905 года, когда к разрешению польского вопроса подошли новые сложившиеся к тому времени среди польского населения общественные классы, отодвинувшие на задний план шляхту, бывшую в течение долгих веков вершительницей судеб многострадальной Польши.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. ПОЛЬСКИЙ КАПИТАЛИЗМ. БУРЖУАЗИЯ И ПРОЛЕТАРИАТ В ПОЛЬШЕ.

Шляхта, т. е. польское феодальное дворянство, вплоть до середины XIX века пользовалась безусловной гегемонией во всех областях экономической и политической жизни Польши. Эта гегемония основывалась, конечно, на том экономическом гнете, который она осуществляла в качестве класса, захватившего в свои руки весь земельный фонд государства.

Начав экспроприацию мелких землевладельцев еще на заре польской истории, она к XVI веку успела обратить их в своих крепостных, которые или работали непосредственно на помещиков («барщина»), или систематически откупались от этой работы («оброк»). При отсутствии сколько-нибудь развитой промышленности земля, как орудие производства сельскохозяйственных продуктов, имевших обеспеченный сбыт за границу, была в течение всей длительной эпохи независимого политического существования Польши единственным источником обогащения. В связи с этим становится понятным упорное стремление шляхетского государства к расширению своих границ путем захвата территорий соседних народов. Этим же об'ясняются воинственность шляхты, ее внутренняя политика и вся идеология.

Шляхта создала государство, все функции которого были направлены на защиту шляхетской «золотой свободы», т. е. на защиту исключительного права шляхты владеть землей и обрабатывать ее путем эксплоатации крепостного труда. Низведя крестьян на степень рабочего скота, она разорила городское мещанство, лишив его права владеть землей и участвовать во внешней торговле.

Но шляхетское государство, этот аппарат насилия, угнетения и эксплоатации, действовало более или менее успешно в интересах создав-

шего его класса лишь до тех пор, пока шляхта своими собственными силами могла справиться с выдвигаемыми перед нею историческими задачами. Когда же Польша была вовлечена в круговорот европейской политики и самому ее существованию стала грозить опасность со стороны ополчившихся против нее сильных соседей, одних шляхетских сил для борьбы с ними было уже недостаточно, и шляхетскому государству волей-неволей пришлось обратиться за помощью ко всему населению. Тогда-то шляхетская система стала трещать по всем швам: нищее, темное и забитое шляхтой трудовое население совершенно равнодушно смотрело на разделы и гибель Польши. Неудивительно, что оно не принимало почти никакого участия и в попытках шляхты путем восстаний восстановить утраченную политическую независимость Польши.

Падение политического значения шляхты, как безраздельно господствовавшего в Польше класса, самым тесным образом связано с событиями 1863 и последующих годов, окончательно подорвавшими ту экономическую базу, на которой основывалось ее благосостояние.

«Восстание 1863 года и аграрная реформа подорвали политическое господство в Польше помещичье-шляхетского класса и повлекли за собой сильное обеднение помещиков. Конфискации имений, грабеж со стороны войск, контрибуции, налагаемые произвольно любым чиновником, привели имения в расстройство. Последовавшая затем аграрная реформа еще больше ухудшила положение. У многих помещиков не было собственного инвентаря, не было рабочих сил. Вследствие этого в первые же годы после реформы имения пришли в полный упадок и продавались за бесценок, причем покупателями являлись в значительной части иностранцы. На сцену выступает новый властелин — капиталист, промышленник, делец, буржуа» [1]).

Мы уже имели случай говорить о том, что первые промышленные предприятия, открываемые крупными помещиками, возникли в Польше в конце XVIII века. Эти предприятия, на которых в качестве рабочих были заняты крепостные, главным образом их малолетние дети и жены, не играли сколько-нибудь заметной роли в экономической жизни страны и носили полукустарный характер.

На путь развития промышленного капитализма Польша вступает лишь после «освобождения» крестьян Наполеоном I. Получив личную свободу, но не наделенные землей, польские крестьяне в поисках работы стали перебираться в города, где мало-по-малу образовали очень значительный класс городского пролетариата, продававшего за бесце-

---

[1]) Ю. Мархлевский, Из истории Польши, Москва, Гвиз, 1925, стр. 35.

нок свою рабочую силу. Уже правительство Княжества Варшавского учло это обстоятельство и стало направлять эти свободные руки в Домбровский бассейн, где началась добыча каменного угля и основывались чугуно-литейные заводы, и в Цехоцинок, где организована была в широких размерах добыча соли. Иностранные капиталисты, встречая поддержку со стороны правительства, также спешили воспользоваться чуть ли не даровыми рабочими руками и открывали в городах Польши фабрики, по преимуществу железоделательные и текстильные.

Но особенно интенсивно польская промышленность начинает развиваться после образования Царства Польского, когда для этой промышленности, несмотря на таможенную границу, существовавшую до 1859 года, открылся русский и восточные рынки. С уничтожением же это границы, когда для молодого польского капитала открывается возможность свободной конкуренции с более старым, но менее подвижным и активным русским капиталом, польская промышленность делает колоссальные успехи: Лодзь, Жирардов, Сосновицы, Домброва, бывшие в начале XIX века жалкими деревушками, превращаются в крупные промышленные центры с многомиллионными оборотами.

«Уничтожение русско-польской таможенной границы, освобождение крестьян в России и связанное с этим развитие денежного хозяйства, постройка железных дорог в крупном масштабе, начатая в шестидесятых и семидесятых годах и связавшая Польшу со всеми остальными частями России, усилившаяся, наконец, в семидесятых годах система протекционизма, отдавшая русский рынок в исключительную эксплоатацию русским фабрикантам и обеспечившая им 40—60% дохода, — все это перенесло польскую промышленность в рай первоначального накопления, в котором она и разрослась с быстротой роста грибов после дождя. Начался период усиленного открытия фабрик, и производительность польской промышленности за двадцать лет (1870—1890 гг.) превысила таковую за всю предыдущую половину столетия. Лодзь и Сосновицы, бывшие лишь селами, сделались в течение 25 лет крупными промышленными городами. И «Mata Kongresówka [1]), насчитывавшая 8½ млн. жителей, достигает продукции, представляющей ценность в 300 млн. руб. в год» [2]).

В связи с быстрым ростом в Царстве Польском промышленности и обусловленной ею торговли, то значение в социальной и политической жизни страны, которое в течение многих веков принадлежало

[1]) Царство Польское. В. Д.

[2]) Роза Люксембург, Шаг за шагом, перев. С. Бобинского, Гиз, 1925, стр. 29.

шляхте, переходит к буржуазии. Влияние это особенно наглядно сказывается на идеологическом фронте.

«С появлением капиталистической буржуазии с удивительной быстротой возникает в Польше новая идеология. От раздела Польши до шестидесятых годов господствовал патриотический шляхетский мистицизм. Он вырос на европейской романтике, но принял своеобразные формы под влиянием тех страданий, которые пришлось перенести порабощенной нации. В научном отношении он не оставил следов, но в искусстве дал чудные перлы поэзии в творениях Мицкевича, Словацкого, Красинского. В семидесятых годах на смену мистицизму явился «позитивизм» — философское течение, отцом которого является французский философ Огюст Конт. В основе его лежит материалистически подкрашенный эмпиризм и применение индуктивного метода. Блестящее развитие в это время естествознания, благодаря работам Дарвина и его последователей, дало «позитивизму» твердую почву» [1]).

Шляхетские мечты о независимой Польше, о «золотой свободе», разбитые впрах неудачами восстаний, сменились прозаической программой «органического труда», направленного якобы на создание экономической и культурной независимости Польши.

«В своем практическом применении она (программа «органического труда». — *В. Д.*) прикрывала выспренними фразами самую беспощадную наживу. Живодер-фабрикант или делец-спекулянт могли с этой точки зрения считать себя национальными героями: ведь надо поднимать экономическую жизнь нации; они это и делают. Подтасовка состояла в том, что личное обогащение смешивалось с обогащением нации. Пресловутый лозунг «обогащайтесь, господа!», брошенный французским королем Людовиком-Филиппом, стал в Польше национальной программой.

Это течение нашло свой отклик также в литературе и искусстве. Героем-поэтом шляхетской Польши был борец за национальную свободу, героем нового времени явился инженер, фабрикант, успевающий делец, наконец, помещик, ведущий образцовое хозяйство.

В качестве идеологов буржуазии «позитивисты» оказались яростными противниками социализма, как только рабочее движение стало проявляться в Польше» [2]).

Пути развития капитализма в Польше бросили польскую буржуазию в об'ятия царизма. С одной стороны, ее толкала туда необ-

---

[1]) Ю. Мархлевский, Из истории Польши, Москва, Гвиз, 1925, стр. 36.
[2]) Там же.

ходимость во что бы то ни стало сохранить русский рынок, без которого развитие польской промышленности было невозможно; с другой стороны — эта буржуазия была кровно заинтересована в благосклонном отношении к себе царского правительства, без чего ей, пожалуй, было бы не по силам успешно конкурировать с русскими капиталистами. Кроме того, ей нужна была активная помощь со стороны русских властей в борьбе с надвигавшейся на нее красной, пролетарской опасностью.

Эти соображения не только заставили польскую буржуазию отказаться от шляхетских мечтаний о восстановлении Польши «от моря до моря», но и создать теорию, согласно которой Царство Польское должно составлять неот'емлемую часть России, получив лишь местную автономию, которая обеспечила бы классовую гегемонию буржуазии. Ту же точку зрения усвоили себе и промежуточные классы мещанства, питавшиеся крохами, падавшими со стола крупных капиталистов.

Союз между польской буржуазией и царизмом стал особенно прочным со времени событий 1905 г.

Точно так же из среды буржуазии быстро испаряется и пресловутый польский национализм, и между польскими и русскими капиталистами устанавливается, несмотря на непрекращающуюся борьбу за рынки, очень трогательное единомыслие по вопросам внешней и в особенности внутренней политики. И те и другие самым деятельным образом поддерживают империалистические стремления русского правительства в Азии, приведшие Россию в конце концов к войне с Японией и позорному поражению. Империалистическое настроение русско-польской буржуазии вполне понятно: оно подогревалось надеждами на расширение столь нужных ей рынков.

Не менее солидарны между собой были представители этой буржуазии и в своем отношении к рабочему вопросу. В этой области они заняли совершенно непримиримую позицию и в своем стремлении подавить в зародыше рабочее движение все свои надежды возлагали на русскую полицию и жандармерию. Понятно, что при таких условиях мысль о независимой Польше, в которой капиталисты в своей борьбе с рабочим классом были бы предоставлены самим себе, казалась им еретической и противоречащей «народным» интересам. Такую же позицию в вопросе о независимости Польши заняла и значительная часть польской интеллигенции.

«В Польше интеллигенция пополнялась главным образом из рядов обедневшей шляхты и мелкого мещанства. Уже в школе, вследствие

грубой системы руссификации, молодежь раздражается и преисполняется политическими настроениями. Позже эта молодежь наталкивается на запертую дверь к научной и военной карьере, к высшим чиновным должностям... Вследствие этого часть буржуазной интеллигенции в молодости мечтает об отчизне и бешено сжимает кулак в кармане против московского гнета. Однако интеллигенту представляется необходимость избрать для себя определенную специальность. Так как промышленность развивается, то таковая легко отыскивается, и с нею и приличное место и приличное содержание. Почувствовав таким образом твердую почву в буржуазном обществе, интеллигентная молодежь быстро принимает физиономию этого общества и становится трезвой и рассудительной» [1]).

Что же касается подавляющего большинства польского населения, т. е. крестьянства, то оно и после земельной реформы 1864 года продолжало оставаться пассивным и инертным. Вот как характеризует его в 1845 году Роза Люксембург:

«... Оно вообще не имело и не имеет политической физиономии. Русское правительство вбило на всякий случай при освобождении крестьян клин между крестьянством и шляхтой в виде института сервитутов, ставшего неиссякаемым источником споров и недоразумений и делающего невозможным соглашение и примирение обеих сторон. Поскольку все-таки можно говорить о политической физиономии польского хлопа, постольку следует отметить, как ее отличительную черту, традиционную ненависть к шляхте, недоверие ко всякому национальному движению, в котором «хлоп» всегда подозревает панскую «причуду», и на-ряду с этим мужицкую тупую и рабскую привязанность к царскому правительству, в котором «хлоп» видит своего освободителя от ада шляхетской барщины» [2]).

Быстрое увеличение в Царстве Польском числа свободных рук, как следствие обезземеливания крестьянства, и концентрация их в городах и местечках были главными причинами возникновения польской промышленности, что, в свою очередь, сопровождалось наплывом в промышленные центры новых кадров рабочих из деревень; таким образом Царство Польское быстро превращалось из страны земледельческой в промышленную.

Особенно интенсивный рост рабочего класса в Царстве Польском наблюдается с 70-х годов прошлого столетия: в 1872 году рабочие со-

---

[1]) Роза Люксембург, Шаг за шагом, Гиз, 1925, стр. 34.

[2]) Там же, стр. 33 — 34.

ставляли 10% всего населения, а в 1914 году — около 30%; общее же число рабочих в 1914 году составляло около 600 000 человек [1]).

Польские рабочие, вышедшие из среды невежественного и совершенно забитого помещиками крестьянства, попадали в полную кабалу к капиталистам. До 70-х годов XIX века не могло быть и речи о какой-либо массовой организации польских рабочих: в борьбе друг с другом за работу они сами сбивали заработную плату и готовы были работать на фабриках и заводах на каких угодно условиях, лишь бы иметь возможность поддерживать свое жалкое существование. При таких обстоятельствах эксплоатация рабочих масс капиталом не имела никаких границ, и условия их жизни были поистине ужасны.

Особенно показательны в этом отношении жилищные условия польских рабочих.

«В 1891 году в Варшаве было 5 740 подвальных квартир, 61% которых носил определенные следы сырости, так как помещались они попреимуществу в земле, пропитанной подпочвенной водой. В этих квартирах жило 28 724 человека, по 5 в среднем человек в одном подвале... Никакая добрая, честная мысль не может зародиться в этих берлогах. Семейные чувства вытравливаются там навсегда: бедняк возвращается в подвал с отвращением и при первом случае бежит в кабак. Жена и дети его также терпеть не могут своего семейного очага, так как последний отвратителен и смраден» [2]).

Кстати сказать, современная «независимая» Польша ушла в этом отношении недалеко от царской Польши. Вот как описывает секретарь профессионального союза горняков Домбровского бассейна квартиры горнорабочих: «Длинные двухэтажные здания, тесно примыкающие друг к другу, заселенные десятками семейств, стоят в непроходимой грязи. Перед окнами устроены отхожие места, откуда вследствие отсутствия канализации, выливаются нечистоты. Внутри квартиры грязны, сыры и тесны; нет водопровода, и вода не годится для питья. Зимой рабочее платье развешивается в комнате, но никогда совершенно не просыхает и, одеваемое сырым, становится рассадником вшей, с которыми жена рабочего ведет безуспешную борьбу. В конце концов вся семья вшивеет и таким образом легко подвергается заразным болезням» [3]).

Не лучше были и условия питания польских рабочих, главной пищей которых был картофель.

---

[1]) Крушевский и Здзярский, Быт рабочих в Польше, Гиз, 1924.
[2]) Там же, стр. 70.
[3]) Там же, стр. 71.

«Исследования, произведенные в 1892 году в бывш. Царстве Польском д-ром Коном, показывают, что 55% промышленных рабочих в Ченстохове и его окрестностях питаются неудовлетворительно из-за недостатка в потребляемой пище количества белков и жиров. В 1907 г. д-р Штерлинг, исследователь питания рабочего класса в Лодзи, этом средоточии текстильных фабрик, нашел, что фабричный рабочий потреблял ежедневно 106 граммов белков, 42 грамма жиров и 511 граммов углеводов» [1]).

Что же касается условий труда, то они вполне гармонировали со всеми прочими условиями жизни польского рабочего. Никакой охраны труда не существовало, если не считать введения в 1891 году царским правительством «Особых правил о надзоре за заведениями фабричной промышленности», фиксировавших 11½-часовый рабочий день, да и то только на бумаге, так как обыкновенно он был продолжительнее и доходил до 14—16 часов. Введение фабричной инспекции преследовало чисто полицейские цели, в связи с чем она была подчинена администрации, т. е. полиции, державшей, конечно, всегда руку предпринимателей.

Средний заработок фабричного рабочего в Царстве Польском составлял в 1905—1910 гг. 30 руб. в месяц, между тем как по очень скромным подсчетом Серковского [2]) семейный рабочий не мог свести концов с концами, зарабатывая в месяц менее 34 р. 32 к. Но приводимая Серковским средняя цифра заработка мало показательна, так как при ее выводе, повидимому, суммировался заработок и квалифицированных рабочих и неквалифицированных, редко зарабатывавших более 12—15 рублей в месяц.

Условия жизни рабочего класса в Царстве Польском толкали его на путь революционной, классовой борьбы, почему и социалистические идеи, несмотря на низкий в общем уровень развития польского рабочего, нашли здесь в конце концов подходящую для себя почву.

«В 1875/76 году в Польше появились среди рабочих первые социалистические кружки. Основательницей их была воспитывавшаяся в России польская молодежь, которая, под влиянием знаменитого «хождения в народ», вернулась на родину, с тем чтобы это движение распространить и на Польшу. Но в Польше условия были другие, чем в России. Крестьянство, сравнительно недавно наделенное Александром II землей, в которой ему отказывали помещики, относилось весьма

[1]) Крушевский и Здзярский, Быт рабочих в Польше, Гиз, 1924, стр. 43.

[2]) Там же, стр. 36.

подозрительно к «панам», считая «панами» и разночинцев и интеллигентов. С другой стороны, в Польше пролетариат был значительно многочисленнее, чем в России, и относительно Польши не было сомнений, должна ли она вывариться в котле капитализма». Она уже давно «варилась» в нем. Этим об'ясняется тот факт, что в Польше движение сразу приняло пролетарский характер: были организованы «кассы сопротивления», было выдвинуто знамя классовой борьбы. Но порабощение страны вызывало другие «уклоны», и чуть ли не с самого начала движения появилось течение, пытавшееся сочетать социализм с национализмом, об'единить под знаменем социализма и все те слои, которые не мирились с национальным гнетом. Это обстоятельство тормозило и замедляло движение, но антагонизм интересов делал свое, и уже в 1880/81 году сначала в эмиграции, а затем и в Польше движение постепенно очищается от национального налета, и хотя и с определенными искажениями, но все больше и больше принимает марксистский характер. В 1882 году возникает первая социалистическая партия в Польше, принявшая название соц.-рев. партии «Пролетариат».

В составленной ее основателем Людовиком Варынским программе во вступительной части указывалось, что пролетариат Польши вследствие того, что страна была лишена независимости, позже пролетариата других стран выступил на борьбу. «Национальные движения и восстания, призывая всех поляков к об'единению и к совместной борьбе с внешним врагом, у б и в а л и в н а ш е м о б щ е с т в е к л а с с о в о е с о з н а н и е в о о б щ е, а в о с о б е н н о с т и к л а с с о в о е с о з н а н и е т р у д я щ и х с я. Массы не понимали противоречия, какое фактически существует между интересами и стремлениями эксплоатируемых и эксплоататоров. Им внушалось, что эти противоречия вызываются искусственно чужеземным гнетом и что они исчезнут, как только вновь будет обретена «национальная независимость». Исходя из этого, программа гласила: «Принимая во внимание, что интересы эксплоатируемых не могут быть примирены с интересами эксплоататоров и ни в какой мере не могут быть слиты во имя фиктивного национального единства; принимая затем во внимание о б щ н о с т ь и н т е р е с о в г о р о д с к и х рабочих с интересами трудящегося люда в деревне, польский пролетариат полностью отделяет себя от привилегированных классов и выступает на борьбу с ними, как класс самостоятельный, отличный от них в своих экономических, политических и нравственных стремлениях»; при этом указывается, что «освобождение рабочего класса может быть делом только самого рабочего класса».

Мы привели эти выдержки, так как среди русских революционеров в связи с союзом, заключенным партией «Пролетариат» с партией «Народной воли», до сих пор не изжито представление о «Пролетариате», как о чем-то вроде польского издания «Народной воли». Как видно из приведенных нами отрывков из программы «Пролетариата», это далеко не соответствует действительности. «Пролетариат был партией, в основу которой лег принцип классовой борьбы» [1]). В вопросе о терроре «Пролетариат» занимал позицию, далеко не тожественную с позицией «Народной воли». Если мы к этому прибавим категорическое заявление Варынского, что явная бессмыслица приписывать «Пролетариату» намерение ввести новый социальный строй при помощи убийств, и вспомним его слова, что «на переворот, к которому мы стремимся, мы смотрим как на результат исторического развития и социальных условий», то идейный облик «Пролетариата» будет ясен» [2]).

В своей деятельности «Пролетариат» имел всегда в виду интересы широких рабочих масс и с этой целью установил с ними тесные связи. Он впервые попытался спаять эти массы классовыми интересами и вызвать их на сознательную борьбу с капиталом. В этом отношении «Пролетариат» достиг значительных успехов: несмотря на разгром его царским правительством в 1883 году, он приобрел значение первой массовой революционной партии польского рабочего класса, в памяти которого он живет до сих пор под именем «Великого Пролетариата».

Несомненно, что рабочее движение 90-х годов в царской Польше имело тесную преемственную связь с деятельностью «Великого Пролетариата» и было как бы прелюдией к великой революции 1905 года.

«Еще в 1890 году в Польше на Варшавско-венской дороге рабочие мастерских угрозой стачки добились повышения заработной платы на 10%; таких же уступок добились строительные рабочие в Варшаве и фабричные Згержа, Томашова, Здунской Воли и Пабианиц; лодзинские рабочие на многих фабриках угрозами стачек заставили фабрикантов уменьшить рабочий день на час. В Варшаве еще в 1890 году началось движение, окрашенное в политический цвет: первого мая забастовка охватила 10 тыс. рабочих. В следующем году Польша стала свидетельницей грандиозного рабочего движения. Уже стачка 1890 года показала, что без помощи организации рабочие ничего добиться не могут. И вот в Польше, уже начиная с 90-х годов, идет усиленная организация касс борьбы, стачечных касс. В деле организации этих касс приняли

[1]) Ф. Кон, Памяти польской социально-революционной партии „Пролетариат", «Правда", 28 января 1926 г.

[2]) Там же.

очень энергичное участие две польских социалистических организации: «Союз польских рабочих», основанный Танским, и «Пролетариат». К началу 1892 года такие кассы в Варшаве охватывали уже 6 тыс. человек. Следующий год был годом очень больших выступлений польских рабочих. В Варшаве забастовало 8 тыс. человек, в Лодзи остановилась одна из самых крупных фабрик (Познанского) с 3 тыс. рабочих; в Жирардове забастовка привела к кровавым столкновениям с войсками; избиением беззащитных рабочих руководил губернатор Медем, в результате чего несколько человек убито и около тысячи человек арестовано и выслано на родину. Забастовка охватила больше 10 тыс. человек.

Празднование 1 мая 1892 года в Польше было настоящей классовой битвой пролетариата за политическую свободу; еще в начале весны возникла грандиозная стачка каменщиков, окончившаяся победой рабочих (сокращен рабочий день с 14 до 12 часов и увеличена плата с 60 коп. до 1 руб.), но это явилось прелюдией майской стачки. Центром движения стала Лодзь. Рабочие Польши призывались к стачке прокламациями, в которых требование политической свободы и 8-часового рабочего дня стояло на первом месте. В Лодзи началась забастовка 5 мая. При попытке рабочих снимать своих товарищей с работы в ход были пущены войска, и нескольких агитаторов арестовали. Рабочие фабрики Познанского бросились отбивать арестованных, дан был залп, и 5 человек рабочих легло на месте (в том числе двое малолетних и женщина). Эти события подняли все рабочее население Лодзи; за Лодзью, где насчитывалось тогда до 100 тыс. рабочих, остановились фабрики в Пабианицах, Здунской Воле, Згерже и Томашове. В самой Лодзи рабочее население устроило грандиозную демонстрацию, двинулось по улицам города со знаменами, где красовались требования политической свободы и 8-часового рабочего дня. Фабриканты и буржуазное население бежало из города. Генерал-губернатор Гурко отдал распоряжение — «стрелять, патронов не жалеть», и кровь рабочих полилась: лодзинские забастовки стоили 46 убитых, множества раненых и массы арестованных.

Это движение заставило лодзинских фабрикантов обратиться к русскому правительству с ходатайством об изменении закона о длине рабочего дня, правительство отклонило ходатайство, и лодзинские предприниматели сами в следующем году уменьшили рабочий день на час. Кровопускание в Лодзи надолго затормозило рабочее движение в Лодзи, но зато оно вспыхнуло в горно-промышленном Домбровском районе с неменьшей силой (текстильные рабочие Польши, однако,

бастовали в 1894 году). Там начались стачки еще в начале девяностных годов. В 1896 году в мае стачки начинаются снова; они оканчиваются победой рабочих. В 1897 году в сентябре стачка на заводе «Гута Банкова» привела к кровавому столкновению; рабочие требовали прекращения злоупотреблений в пенсионной кассе, вычетов в эту кассу и улучшения врачебной помощи. Стачка продолжалась более 3-х недель; вызванные в конце ее войска стреляли в рабочих и убили 8 человек. В то же время в Варшаве в течение всего 1897 года идет стачечное движение булочников, кожевников и металлистов; оно приводит к частичным победам рабочих» [1]).

Движение среди еврейского пролетариата Польши начинается одновременно с движением среди польских рабочих. Первоначальная обособленность первого об'ясняется специальными условиями, в которых происходило развитие трудящейся части еврейского населения.

Прежде всего нужно отметить его ремесленный характер. В польских городах ремесло издавна находилось в руках евреев, которые, за отсутствием в стране фабричной промышленности, вырабатывали различные предметы домашнего обихода, обувь и одежду и снабжали ими как жителей городов, так и окрестное сельское население. Ввиду скученности в польских городах и местечках еврейского населения, которое почти поголовно занималось или мелкой торговлей или ремеслом, материальное положение трудовых еврейских масс было далеко не блестящее, но все-таки они могли кое-как сводить концы с концами. С развитием же в Царстве Польском крупной промышленности положение их резко ухудшается.

«Положение еврейских ремесленников было ужасающим. Если русский рабочий страдал от капиталистического и самодержавного гнета, то еврейский ремесленник задыхался еще в душных условиях ремесла и национального гнета. Еврейский буржуа пользовался бесправием ремесленника еврея и делал с ним, что хотел. Отчет «Бунда» Международному социалистическому конгрессу в Лондоне говорит, что «фоном картины еврейского рабочего движения является быстро капитализирующееся ремесло и развивающаяся в некоторых центрах крупная промышленность»; рамками — «черта оседлости».

К тому времени, когда писался этот отчет, влияние крупной промышленности и торговли сказывалось уже и на еврейском ремесле. Заказная работа вытесняется магазинной; сделаться самостоятельным

---

[1]) В. Невский, Очерки по истории РКП (большевиков). Рабочее издат. «Прибой», 1924, стр. 345—346.

мастером становится все труднее, и хозяин этим очень искусно пользуется — рабочий день продолжается от 14 до 16 часов, заработная плата понижается. Большинство ремесленников попадает в самое безнадежное положение, разница между ремесленником и хозяином увеличивается. Кроме того, с начала 90-х годов еврейский ремесленник начинает втягиваться и в крупную промышленность.

... В то время как еврейская буржуазия даже при самодержавии получила право свободно эксплоатировать своего обездоленного собрата, этот собрат страдал как от национального бесправия, общего всем евреям, и общего капиталистического гнета, так еще и от того, что самодержавие отдало управление еврейской общиной всецело в руки еврейской буржуазии, которая и не постеснялась наложить свою тяжелую пяту на спину бедняка... Еврейскому пролетариату было невыразимо трудно организоваться еще и потому, что евреи, вкрапленные в поры польского и русского общества, встречали даже и со стороны трудящихся русских и польских масс недружелюбное отношение и презрение, воспитанное самодержавным чудовищем» [1]).

Первые организации еврейского пролетариата возникли в конце 80-х годов в виде касс взаимопомощи в Северо-западное крае, причем деятельность этих касс, принявших постепенно храктер революционных организаций, была особенно сильно развита в Вильне и в Минске. Отсюда форму для своих организаций позаимствовал и еврейский пролетариат Царства Польского, принявший самое деятельное участие в забастовках, охвативших всех здешних рабочих в 90-х годах прошлого столетия. Организации эти подготовили образование социалистической организации еврейского пролетариата, так называемого Бунда, возникшего в 1897 году.

Пролетариат Царства Польского вступил в революцию 1905 года уже значительно обогащенным опытом революционной борьбы, приобретенным им в предшествовавшие этой революции десятилетия. Вступив в открытый бой с царским правительством, организуя в наиболее важных пунктах сосредоточения рабочих сил вооруженные восстания против него, этот пролетариат вынужден был вести самую ожесточенную борьбу и со всей буржуазией, постаравшейся при первых признаках надвигавшейся рабочей революции сорганизоваться и вступить на путь сотрудничества с царизмом во имя подавления этой революции. Польская буржуазия образовала три партии: 1) национально-демократическую партию (эндеки), об'единявшую в своих рядах представителей

[1]) В. Невский, Очерки по истории РКП (большевиков), стр. 346 — 347.

среднего и мелкого торгового и промышленного капитала, зажиточное городское мещанство, реакционно настроенную часть так называемой трудовой интеллигенции в лице мелких чиновников, учителей, служащих частных предприятий и т. п., а также низшее духовенство, мелких землевладельцев и богатое крестьянство (кулачество); 2) партию реальной политики, образованную крупными капиталистами, богатыми помещиками и высшим духовенством, и 3) партию прогрессивной демократии, в которую вошли главным образом представители так называемых свободных профессий: писатели, журналисты, врачи, адвокаты и т. п.

Но эта дифференциация польской буржуазии нисколько не мешала ей действовать единым фронтом, так как все указанные партии были об'единены общим страхом перед надвигавшейся пролетарской революцией и общей к ней ненавистью. Неудивительно поэтому, что национал-демократия, как партия наиболее многочисленная и наиболее экономически мощная, фактически вела за собой две другие партии, которые беспрекословно творили ее волю.

«Партией, которая в Польше всегда стояла и сейчас стоит на страже «священного права» господствующих классов эксплоатировать рабочих, является национально-демократическая партия. Последняя с момента своего возникновения старалась казаться партией общенародной, об'единяющей все классы. Она охотно пользовалась высокопарными патриотическими фразами, чтобы таким образом замаскировать свой подлинный классово-буржуазный характер. Чтобы привлечь на свою сторону побольше сторонников, национал-демократы выступали под разными масками в зависимости от того, к кому они в данный момент обращались. Среди крупных землевладельцев они были их самыми горячими сторонниками, среди капиталистов — единственными защитниками отечественной промышленности, среди крестьян и рабочих они наряжались в тогу истинных демократов, единственных защитников рабочего люда. Они создавали псевдо-рабочие организации и выступали в то же время против каких бы то ни было уступок рабочим; проливали слезы по поводу чрезмерного якобы увеличения заработной платы; организовывали капиталистов и побуждали их путем локаутов выбрасывать рабочих на мостовую.

Национал-демократия, эта якобы внеклассовая организация, является на самом деле передовым постом польской буржуазии: жадных крупных землевладельцев, фабрикантов, купцов-спекулянтов и банкиров [1]).

[1]) Ю. Сохацкий, Национальная рабочая партия в Польше, Гиз. 1924, стр. 8—9.

Национал-демократия, руководимая в своей деятельности классовой ненавистью к рабочей революции, не только заключала тесный союз с царским правительством и русской буржуазией для борьбы с рабочим классом, но и постаралась внести раскол в ряды последнего. Из темных, несознательных элементов польского рабочего класса она сумел создать контр-революционную Национальную рабочую партию. Национал-демократия, спекулируя на невежестве, шовинизме и религиозном фанатизме членов этой партии, прививала им вражду к рабочим других стран, прежде всего к рабочим русским, по призыву которых поднялись в 1905 году рабочие Царства Польского, и ненависть к революции, которая была поднята якобы во имя уничтожения польской национальности и католической религии. Но, действуя в этом направлении, национал-демократия преследовала, конечно, свои классовые интересы.

«Основывая Национальный рабочий союз, национал-демократия вовсе не имела в виду предоставить ему какое-либо влияние на направление своей политики. Наоборот, этот союз должен был исполнять только черную работу (подчеркн. в подлиннике. — *В. Д.):* организовывать массы под знаменем национал-демократии, призывать их к подчинению испытанным «вождям народа» во главе с Р. Дмовским (представитель крупной польской буржуазии, глава польского кóла в царской Думе. — *В. Д.),* расстреливать рабочие революционные организации. Политическое же руководительство, «власть над душами», должно было быть предоставлено штабу национал-демократии, который вскоре занял кресла в царском парламенте, так называемой Думе [1]).

В начале 1906 года, когда уже заметно стала спадать волна рабочей революции и русско-польская реакция готовилась праздновать свою победу путем выборов своих кандидатов в Думу, национал-демократы, с целью окончательного терроризирования большинства революционно настроенных рабочих, прибегли по отношению к ним к системе массового террора и проводником его сделали членов созданной ими Национальной рабочей партии.

Начались кошмарные убийства членов рабочих революционных организаций. «Боевики» Национальной рабочей партии, вооруженные на средства национал-демократии, убивали честных рабочих на улицах и во время митингов; они врывались в квартиры своих жертв и убивали их на глазах родных; вероломно заманивали их в глухие места и звер-

---

[1]) Ю. Сохацкий, Национальная рабочая партия в Польше, стр. 11

ски там расправлялись с ними. Эти убийства начались в Варшаве 25 февраля 1906 года и вскоре стали обычным явлением во всех городах Царства Польского.

Но особенно неистовствовали национал-демократы и их приспешники в Лодзи, где против рабочих польская буржуазия действовала в трогательным единомыслии с временным лодзинским генерал-губернатором, кровавым Казнаковым.

Вот как характеризует один из польских рабочих журналов подвиги буржуазии в Лодзи:

«История последних месяцев характеризуется, с одной стороны, оргией диких преступлений капиталистов, с другой — страшной, отчаянной, беспримерной, героической борьбой голодного, обнищавшего рабочего люда. Капиталисты мстят, капиталисты издеваются. Им нет дела до того, что будет потом — после нас хоть потоп! Пропитанная ненавистью душа лодзинского недавно разбогатевшего торгаша жаждет мести, жаждет триумфа! Перед нами выступает теперь без всякой маски омерзительная сущность нашей крупной промышленной буржуазии. При рукоплесканиях непролетарских слоев населения она продолжает дело мести и преступлений.

Город отдан на разграбление царскому прихвостню, кровожадному Казнакову. Лодзинские фабриканты отпускают около 900 000 руб. постоянной субсидии на усиление полиции и шпионажа и устраивают банкеты в честь палача. Тут нечему и удивляться! Ведь этот Казнаков пытал 83 рабочих фабрики Зильберштейна, ведь это он без суда расстрелял 8 невинных пролетариев, ведь по его же приказу ежедневно подвергают истязаниям в лодзинских участках сотни бастующих рабочих, сотни ссылают, обрекая на голодную смерть их семьи. Ведь под защитой этого Казнакова капиталисты систематически, изо дня в день, вырывают изо рта рабочего тот кусок хлеба, который он успел себе отвоевать. Наиболее способных, наиболее сознательных рабочих фабриканты отдают в руки Казнакова, а сами закрывают на 2 недели свои фабрики, чтобы уставшие рабы капитала возвращались к своим тачкам на худших, чем раньше, условиях» [1]).

Не ограничиваясь расправой с рабочими при содействии царского палача Казнакова, национал-демократия, натравив на рабочих-социалистов членов Национальной рабочей партии, вызвала среди лодзинского пролетариата настоящую братоубийственную войну: в начале апреля 1907 года рабочие кварталы Лодзи приняли вид вооруженного лагеря.

[1]) Ю. Сохацкий, Национальная рабочая партия в Польше, стр. 16—17.

Эта война, для возбуждения которой буржуазия пустила в ход весь свой арсенал лжи, обмана, разжигания дремлющих в душах наиболее отсталых слоев рабочих масс инстинктов фанатизма и шовинизма, отличалась крайней жестокостью: в течение трех дней в Лодзи было убито 66 рабочих.

Призывая Национальную рабочую партию к убийствам, национал-демократия превозносила убийц, героев, борющихся за независимость Польши с социалистами, выступающими якобы против этой независимости. При помощи этого провокаторского приема национал-демократия посеяла страшную вражду среди рабочих и тем укрепила свою позицию, привлекши на свою сторону не только мелкое мещанство и крестьян, но и часть рабочих. Эти слои польского населения во время выборов в Думу отдали свои голоса национал-демократии, благодаря чему последней удалось провести в царский «парламент» всех своих кандидатов. Усевшись в удобных думских креслах, представители национал-демократии, руководимые Р. Дмовским, сейчас же позабыли о выдвигаемом ими во время выборов лозунге независимости и образовали общий фронт со всей русской буржуазией для борьбы с рабочим движением в общеимперском масштабе. Понятно, что при таком настроении польским депутатам пришлось вступать в позорные сделки с царизмом и в своей политике ориентироваться на его «виды». Соглашение с монархической партией «октябристов», общий фронт со всеми монархистами против революционных рабочих партий, голосование за увеличение контингента новобранцев и вообще за все законопроекты, вносимые в Думу в силу так называемой государственной необходимости, пресловутый, наконец, неославизм — вот вехи политики, проводимой в царской Думе польскими «народными представителями» [1]).

Лозунг независимости Польши — главный козырь в шулерской игре польской буржуазии: им она ловко воспользовалась, отстаивая свои классовые интересы во время революции 1905 года и последовавшей за ней реакции; им она до поры до времени успешно пользуется и в настоящее время в «независимой» Польше.

Борьба польского революционного пролетариата в 1905 году с царским самодержавием, поддерживаемым этой жадной, вероломной, бесстыдной и недальновидной буржуазией, является одной из наиболее героических страниц в истории международного рабочего движения. К краткому описанию этой борьбы мы сейчас и приступаем.

---

[1]) Ю. Сохацкий, Национальная рабочая партия в Польше, стр. 26.

II. 1904 и 1905 гг. В ПОЛЬШЕ. ПЕРИОД РЕАКЦИИ.

Забастовочная борьба пролетариата в Царстве Польском в 90-х годах прошлого столетия не привела к сколько-нибудь положительным результатам, которые, улучшив материальное положение рабочих, могли бы ослабить революционное настроение последних. Благодаря этому настроению все увеличивалось число рабочих, собиравшихся под знаменами революционных партий: Социал-демократии Царства Польского и Литвы (СДЦП и Л), польской социалистической партии (ППС) и Бунда.

СДЦП и Л, ставши территориальной организацией РСДРП и примыкая идеологически к ее большевистской фракции, принуждена была вести серьезную и крайне упорную борьбу с социалистической ППС за влияние среди рабочего класса и очень многочисленной в Польше мелкой буржуазии. ППС, насквозь проникнутая мелкобуржуазной идеологией, носившей на себе заметные следы шляхетских мечтаний о великодержавной Польше, спекулировала среди рабочих масс, подобно черносотенной национал-демократии, лозунгом независимости Польши. Выдвигая в своей программе этот лозунг на первый план, ППС затемняла классовое сознание рабочих и прививала им яд шовинизма и вражды к пролетариату других стран, прежде всего к пролетариату русскому, который она готова была отождествить с угнетавшим польский народ русским правительством. Что же касается Бунда с его меньшевистской идеологией, то его влияние, распространявшееся лишь на ремесленную часть еврейского пролетариата Царства Польского, было очень ограничено.

Русско-японская война глубоко всколыхнула вместе с пролетариатом всей России и рабочие массы Царства Польского. Со времени об'явления этой войны, т. е. с января 1904 года, революционное движение здесь все ширится и углубляется, захватывая все новые слои польских трудовых масс и создавая среди них в высшей степени благоприятную почву для деятельности революционных организаций. Особенно за-

метно распространяется в это время среди промышленного пролетариата влияние СДЦП и Л.

Деятельность этой партии в Варшаве была в апреле 1904 года ознаменована событием, вызвавшим крайнее возбуждение среди широких слоев польских трудящихся масс. В несомненной связи с этим событием находятся революционные выступления варшавских рабочих в 1904 году, почему на этом событии необходимо несколько остановиться. Вот что пишет по поводу этого события орган СДЦП и Л «Червоны Штандар»:

«27 апреля в Варшаве произошло событие, взволновавшее все население города. Многочисленная свора жандармов и полиции произвела среди бела дня нападение на один из домов предместья Чисте, чтобы арестовать помещавшуюся там тайную типографию СДЦП и Л и находившихся в ней нескольких человек, в том числе одну женщину. Товарищи наши мужественно защищали свою свободу, с револьверами в руках пролагая себе путь через толпу негодяев. Были убиты наповал офицер охраны, жандармский ротмистр Винничук, и помощник пристава Ждановский и ранены трое полицейских, из которых вскоре двое умерли. Наши товарищи, которых удалось задержать, были связаны и отправлены в тюрьму; по дороге их избили самым бесчеловечным образом... На этот раз правительство и полиция дорого заплатили за свою «победу». Недаром они в таком бешенстве мечутся по Варшаве, производя обыски и аресты наобум, издеваясь над публикой на улицах. Событие, происшедшее в нашей типографии 27 апреля, является исключительным в истории революционного движения в России. Правда, не раз уже русские и польские революционеры с оружием в руках защищали свою свободу, но никогда, даже во время «Народной воли» и «Пролетариата», не бывало, чтобы при этом царское правительство в столкновении с кучкой осажденных революционеров должно было оставить на поле неравного боя пять человек из своей вооруженной шайки...

Мы не сторонники террора. Социал-демократия считает покушение на царя и на его отдельных холопов напрасной тратой силы, так как всегда место одного убитого царя или его сатрапа займет другой. Наша задача состоит в устранении не единиц, а всего самодержавного строя. А деспотическое правительство можно будет устранить лишь тогда, когда русские и польские рабочие поймут необходимость освобождения от самодержавия и всей массой вступят в борьбу с ним...

В Польше и в России господствует до сих пор под властью царизма средневековое политическое рабство. Деспотическое правительство, стоя на страже капиталистической эксплоатации, стесняет всякое дви-

жение и русского и польского рабочего люда, душит все, что стремится к свободе. А в то время как тело и личная свобода «подданных» отданы во власть всемогущего жандармского кулака, над их духом господствует несравненно худшая власть царского цензора, удушающего свободную мысль и слово, следящего за тем, чтобы польская и русская печать занималась лишь оправданием рабства и царской власти.

И вот для борьбы с насилием рабочие устраивают тайные типографии. Что же в наших условиях представляет собой социалистическая типография? Не в роскошном здании, не при свете электрических ламп, не под торжественный гул ротационных машин, как в капиталистических предприятиях, работает эта типография: где-нибудь на чердаке, в помещении бедного сапожника, скрывшись в ночной темноте, с неимоверным трудом, при помощи самых примитивных орудий, свободно куют рабочие свое духовное оружие для борьбы за освобождение — свободное печатное слово, несущее в массы евангелие социализма. И на эти-то центры просвещения, на свободное слово, ускользающее из рук цензора, самодержавное правительство набрасывается с величайшею яростью.

... В этой небольшой драме вооруженного сопротивления в нашей типографии отразилась вся страшная историческая драма борьбы с царизмом, которая составляет теперь сущность общественной жизни в России. Это—борьба тьмы со светом, грубой силы с идеей освобождения. На такие чудовищные отношения польский пролетариат не имеет права смотреть спокойно. Нужно доказать царскому правительству, что ему не уничтожить идеи социализма кулаком или нагайкой. Самые широкие круги нашего пролетариата должны понять, что долг их — спешить в ряды социал-демократии, которая готова грудью защищать их дело, которая прокладывает путь к их освобождению, не считаясь с жертвами, не обращая внимания на пытки, которые ее ожидают. Долой царизм! Пусть этот лозунг социал-демократии станет неумолкающим возгласом бесчисленной массы эксплоатируемых и угнетаемых от края до края колоссального царского государства» [1]).

Героем этого события был социал-демократ, рабочий Мартин Каспшак. Свою деятельность он начал в Познани, где в 1887 году за революционную работу был присужден к тюремному заключению. Вскоре ему удалось бежать из прусской тюрьмы в Варшаву. Здесь с 1887 по 1892 год он работал в партии «Пролетариат». В 1893 году он был арестован русскими жандармами и, просидев около 2½ лет в варшав-

[1]) Czerwony Sztandar, май 1904 г., № 17.

ской цитадели, бежал в 1895 году из тюремной больницы и скрылся в Германию, где был арестован и заключен в тюрьму за первый побег. Отбыв наказание, он опять с головой уходит в революционную работу среди немецкого пролетариата, который выдвигает его кандидатуру на выборах в парламент. В 1904 году Каспшак, уже совсем больной, опять появляется в Варшаве, чтобы в качестве члена СДЦП и Л отдать свои последние силы на служение рабочему классу. Здесь он был захвачен с револьвером в руке 27 апреля русскими жандармами при их налете на партийную типографию, страшно избит и предан военному суду, по приговору которого был повешен.

Событие 27 апреля отразилось на характере очередной первомайской демонстрации, отличавшейся в 1904 году особенной внушительностью и целым рядом столкновений с полицией и войсками.

8 сентября 1904 г. состоялась демонстрация варшавских рабочих перед зданием военного суда, где царские палачи судили Каспшака. Эта демонстрация вызвала большой переполох среди варшавских властей, никак не ожидавших, чтобы безоружные рабочие осмелились появиться перед зданием военного суда с красным знаменем, на котором красовались революционные лозунги: «Долой военный суд», «Долой самодержавие», «Да здравствует СДРП и Л», «Да здравствует Мартин Каспшак» [1]).

Из революционных выступлений варшавских рабочих в 1904 году необходимо отметить и столкновение рабочей демонстрации с полицией у Вольской заставы 23 октября. На это число Варшавским комитетом СДЦП и Л был назначен за Вольской заставой митинг по поводу об'явленного набора и предполагаемой мобилизации. Возвращавшаяся с митинга толпа около 1 000 человек подверглась у Вольской заставы нападению полиции. В результате этого столкновения несколько человек из числа демонстрантов было ранено, и убит околоточный надзиратель [2]).

В конце 1904 года для революционного авангарда польского пролетариата было совершенно ясно, что великая революционная проза уже близко и что польскому рабочему классу придется бороться рука об руку с рабочими всей России. Так, «Червоны Штандар» в декабре 1904 года (№ 22) пишет:

«Современное положение дел в России, созданное войной и усилением революционного движения, вызывает у всех мысль о необходи-

---

[1]) Czerwony Sztandar, август 1904 г., № 19.
[2]) Czerwony Sztandar, октябрь 1904 г., № 21.

мости концентрации сил для общей борьбы. Чем теснее об'единится пролетариат, тем скорее падет самодержавие, тем скорее рабочий класс России и Польши сможет воспользоваться будущими свободами. Принцип единства и концентрации революционных сил лежит в самой сущности социал-демократии. Уже «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса гласит, что социал-демократия перед лицом отдельных рабочих групп и их интересов представляет интересы всего рабочего класса, а среди преходящих интересов и задач повседневной борьбы провозглашает конечные цели социализма и освобождения всего рабочего класса. Поэтому-то социал-демократия во всех государствах об'единяет для общей политической борьбы рабочих без различия религии и национальности. Поэтому-то социал-демократия Царства Польского и Литвы клеймит националистические стремления социал-патриотов, которые ослабляют борьбу против самодержавия, стараясь раз'единить польских и русских рабочих в их общей борьбе».

Известие о событиях, имевших место 9 января 1905 г. в Петербурге, подняло на ноги пролетариат всего Царства Польского: и здесь начинается грозное революционное движение, выразившееся прежде всего в стихийных забастовках. И СДЦП и Л и ППС непосредственной своей задачей поставили овладение этим движением, оформление его, сообщение ему определенных и притом понятных и приемлемых для масс лозунгов. Эту задачу вполне успешно выполнила СДЦП и Л.

Как только известие о расстреле рабочих у Зимнего дворца дошло до Варшавы, Варшавский комитет СДЦП и Л немедленно выпустил несколько прокламаций, в которых об'яснял это событие с точки зрения интересов пролетариата всей царской России и призывал польских рабочих к борьбе с царским самодержавием и об'единенной русско-польской буржуазией. В одной из этих прокламаций (январь 1905 г.) за подписью «Варшавский комитет СДЦП и Л» мы читаем:

«По призыву наших доблестных петербургских товарищей поднимаются рабочие массы всей России. Поднимаются Москва, Вильно, Ковно, Лодзь; по последним сведениям, бастуют уже Либава, Ревель, Рига, Белосток, по слухам — весь юг России (Киев, Одесса и др.). В этой борьбе Варшава не может и не должна быть последней. Несомненно, что когда эти слова дойдут до вас, товарищи, забастовка охватит уже десятки тысяч: ни один рабочий ни одна работница не должны продолжать работу, если не желают быть заклейменными именем изменников рабочему делу! Пусть город погрузится в темноту, пусть прекратится в нем всякое движение, пусть жители его останутся без воды, без отопления, без хлеба, без мяса. Пусть буржуазия

почувствует, что мы, рабочие, являемся основанием всего народа. Пусть содрогнется и затрепещет самодержавное правительство. Наша всеобщая забастовка будет великим, вызовом на борьбу, брошенным буржуазии и нынешнему правительству.

В то время, когда мы пишем эти слова, нет больше известий из Петербурга. Правительство задерживает частные телеграммы. Когда вы будете это читать, революция, быть может, захватит уже и другие города и распространится по всей России. Польское рабочие не могут и не должны уклоняться от участия в этой революции. Польский рабочий класс в борьбе за свободу должен быть в рядах восставших. Рабочие! Все говорит за то, что настает день последней расплаты с царским правительством».

В прокламации, датированной 28 января 1905 года и выпущенной в девятнадцатую годовщину казни членов «Великого Пролетариата», главное правление СДЦП и Л обращается к рабочим со следующим воззванием:

«Товарищи! В годовщину мученической смерти наших предшественников докажем, что мы умеем чтить память тех, кто перед лицом смерти призывал нас к борьбе за свободу. Царское правительство девятнадцать лет тому назад думало подавить социалистическое движение при помощи петли и каторги. Теперь социалистическое движение разрослось и усилилось, а царское правительство очутилось на краю пропасти. Близится минута расплаты, минута возмездия за наших погибших героев. Дни царской власти сочтены. Почтим же память героев в годовщину их смерти и ссылки на каторгу демонстрацией! Они добивались свободы для рабочих масс и погибали за свободу. Рабочие! Последуйте их призыву и выходите на демонстрацию бороться за свободу. Они старались отвлечь вас от нашептываний социал-патриотов и решительно отвергали стремление к созданию независимой Польши, так как это несогласно с задачами польского пролетариата. Рабочие! Послушайте призыва ваших героев и следуйте их примеру. Они стремились к борьбе против самодержавия и капитализма рука об руку с русским пролетариатом. Рабочие! Послушайте их призыва и боритесь под общими для пролетариата всего Русского государства лозунгами».

Что же касается руководящих кадров ППС, то они, состоя главным образом из романтически настроенных представителей мелкой буржуазии, видели в пролетарском забастовочном движении и в демонстрациях только «серенькую действительность», так непохожую на их мечты о «всенародном» восстании за независимость Польши.

В своем стремлении к боевым подвигам во вкусе сусальных героев Сенкевича эта партия, не располагая силами, которые можно было бы противопоставить царским войскам, наводнившим Царство Польское, стала прибегать к покушениям на жизнь отдельных царских чиновников, к нападениям на железнодорожные станции, уездные казначейства и «монополькн» с целью экспроприации казенных денег, к порче железнодорожных путей, мостов, телеграфного и телефонного сообщений. Эта деятельность, разбивавшая единство действий польского пролетариата, не могла, конечно, дать, при существовавшем тогда соотношении сил, сколько-нибудь серьезных результатов, почему вызывала резкую критику со стороны СДЦП и Л и не встретила сочувствия среди сознательной части польского пролетариата. Вследствие этого рабочее движение 1905 года в Царстве Польском было ярко окрашено в цвет экономической борьбы путем забастовок и демонстраций, а на этом фоне время от времени сторонники ППС совершали свои «рыцарские подвиги».

Забастовочное движение, охватившее в январе 1905 г. в Царстве Польском все категории труда, проходило замечательно организованно и, за единичными исключениями, без всяких эксцессов со стороны рабочих. Об этом мирном характере забастовок свидетельствуют почти все донесения начальников жандармских управлений, губернаторов и начальников уездов. Но мирное настроение бастовавших рабочих нисколько не гарантировало их от самых зверских расправ со стороны представителей царской власти: кровь рабочих обильно орошала польскую землю. Расстрел 22 января мирно настроенной рабочей демонстрации у станции Скаржиско-Привислинских железных дорог, когда было убито наповал 22 рабочих и ранено 40, далеко не был исключением [1]).

В начале февраля 1905 года рабочее движение в Царстве Польском утратило характер всеобщей забастовки, но революционное настроение рабочих масс не падало: в течение февраля, марта и апреля враждебные русскому правительству уличные демонстрации, митинги в закрытых помещениях и забастовки, охватывавшие отдельные промышленные предприятия и даже целые отрасли промышленности, свидетельствовали о том, что польский пролетариат готовится к новым боям и готов на новые жертвы. Эту свою готовность он доказал 1 мая 1905 года в Варшаве. Вот как описывает этот день варшавский генерал-

[1]) См. телеграмму ротмистра Морко департаменту полиции из Радома от 22 января 1905 г. № 988.

губернатор Максимович в своем секретном донесении от 20 апреля 1905 года за № 521 министру внутренних дел Булыгину: «Наступило 18 апреля (1 мая по новому стилю. — *В. Д.*). С утра город принял необычный вид. Обыкновенно оживленная, бойкая Варшава затихла. Все магазины, банки, частные конторы заперты. Движения экипажей, извозчиков, конок — никакого. На фабриках и заводах работы прекращены. Рабочие высыпали на улицу. Публики из других классов было мало. В некоторых местах рабочие пытались сплотиться в толпы, среди которых выбрасывались красные флаги, но полиция при помощи небольших патрулей быстро рассеивала эти скопища без особых затруднений. В общем день 1 мая, отмеченный всеобщей забастовкой, прошел спокойнее, нежели можно было предполагать, причем не было ни одного случая грабежа, в противоположность январским дням».

Судя по началу этого донесения, претендующего даже на некоторую художественность в полицейском духе, все в Варшаве 1 мая 1905 года должно было бы обойтись как нельзя лучше: правда, рабочие «высыпали» на улицы, но лишь «в некоторых местах пытались сплотиться в толпы»; полиция без «особых затруднений рассеивала эти скопища»; «день прошел спокойнее, нежели можно было предполагать»; ни одного случая «грабежа» не было. Чего же лучше? Тем неожиданнее и возмутительнее вторая, деловая, так сказать, часть донесения, в которой Максимович говорит о 29 убитых и 34 раненых в этот день рабочих. Из генеральского же донесения ясно, что жертвы эти явились результатом подлого расстрела мирной, невооруженной толпы.

Эта дикая расправа с польскими рабочими вызвала страшное возбуждение во всех слоях населения Варшавы и всего Царства Польского. Но, в то время как безоружный пролетариат, загнанный выстрелами царской полиции в свои жалкие лачуги, затаил в своей груди жажду мести и сохранил готовность к новым выступлениям, представители польской буржуазии отправились к Максимову с «покорнейшей просьбой» назначить следствие для раскрытия виновников майского расстрела. Возмущение рабочих масс таким позорным откликом на убийства 1 мая нашло себе выражение в специальной прокламации главного правления СДЦП и Л. В этой прокламации правление, выделяя из рядов буржуазии интеллигенцию, обращается к ней с призывом определить свое место между революционным пролетариатом и черносотенной бандой капиталистов и помещиков.

...«Рабочая революция, вспыхнувшая у нас по знаку из Петербурга, разделила общество на два лагеря, или, вернее, уничтожила видимость народного единства, выявив два народа, разделенные друг от друга

бездной. С одной стороны — сторонники гибнущего деспотизма, представители соглашательства, рыцари капитала, привилегий и эксплоатации и рядом с ними жалкая толпа наших экс-либералов и экс-прогрессистов, позорящих общество лакейскими паломничествами в царские и министерские передние; тут же и национал-демократия, пытающаяся потушить пламя революции мутными потоками «народного» примирения и «народной» трусости...

С другой стороны — мы, представители польского пролетариата, чей девиз: «Революция и смерть деспотизму!». Мы не признаем примирения с деспотизмом, не признаем мемориалов, правительственных передних и компромиссов, мы признаем только борьбу. Мы, составляющие один класс с русским пролетариатом, прокладываем вместе с ним своею кровью, своими трупами путь к республиканской свободе для всего государства и к автономии для нашей страны...

Жребий брошен. Вы теперь должны решить, с кем вам быть: с нами ли, борющимся пролетариатом, или же с ними, холопами капитала и кнута; в лагере революции, или в лагере реакции; на стороне штыков, или на стороне улицы... Теперь кто не с нами, тот против нас.

Выбирайте же:

Вот мы, дети нищеты и труда, собирающие трупы наших братьев, жен и детей, идущие с революционной песней под сенью красного знамени пролетариата на смерть за вашу и нашу свободу.

А там, в мрачной толпе, дикие лики самовластия и рядом с ними согнутые лакейские спины польских панов и шипящие гадины реакционной печати.

Граждане, выбирайте!».

Конечно, это обращение осталось «гласом вопиющего в пустыне».

Варшавские расстрелы 1 мая 1905 года вызвали новую волну забастовок и вообще революционных выступлений польского пролетариата. Эти выступления носят массовый и стихийный характер: СДЦП и Л далеко не всегда удается овладевать движением, и обыкновенно ее участие в революционном движении выражается в попытках ввести его в определенные рамки и сообщить массам близкие и понятные для них лозунги.

Из революционных выступлений, вызванных глубоким возмущением польских рабочих масс варшавскими первомайскими расстрелами, на первом месте следует поставить вооруженное восстание в Лодзи. Это — одна из наиболее героических страниц во всемирной истории борьбы пролетариата за свое освобождение : Лодзь — предшественница Красной Пресни. Героизм лодзинских рабочих, начавших баррикадную

борьбу в городе, буквально переполненном царскими войсками всех видов оружия, достоин быть предметом специального исследования. Здесь же мы считаем необходимым дать описание лодзинской трагедии словами издания СДЦП и Л, вышедшего непосредственно после ее последнего акта.

«Лодзь, 20 июня. После Петербурга новый взрыв революции в Лодзи. Его вызвала последовательная тактика социал-демократии, доведшей, при помощи неутомимой массовой агитации и ряда демонстраций, приобретающих все более крупные размеры, революционный под'ем масс до наивысшей ступени напряжения.

В воскресенье, 18 июня, наша организация устроила маевку в Лагевницком лесу, в десяти верстах от Лодзи. Там же собрались на маевку и пепеэсовцы, а также многие товарищи из «Бунда». После митинга все пошли с развернутыми знаменами до згержского леса, находящегося на половине пути от Лодзи. Здесь знамена были свернуты, и бо́льшая часть собравшихся вернулась в город отдельными группами, чтобы избежать столкновения с войсками. Остальные двинулись дальше сплоченными рядами и дошли таким образом до города. На углу Лагевницкой и Млынарской улиц произошло столкновение с казаками. Здесь было убито 10 человек, ранено несколько десятков, в том числе двухлетний ребенок. Раненых отвезли в больницы, а убитых разместили по разным домам на Балутах [1])...

Похороны убитых состоялись 20 июня; начались они в 6 часов пополудни, а окончились лишь в 9½ часов вечера. Из отдания последнего долга умершим они превратились во внушительную манифестацию против самодержавия.

Уже в полдень остановились некоторые фабрики, все же прекратили работу несколько позже. Предположения, что в похоронах примут участие тысячи, вполне оправдались. Не меньше, чем революционные организации, готовились и власти. Войска стояли наготове... Были усилены полицейские посты... Внушительная демонстрация 50-тысячной толпы 20 июня не повлекла за собой никаких жертв».

«Лодзь, 21 июня, ночью. Сегодня должны были состояться похороны еще одного из убитых 18 июня. Эти похороны опять должны были явиться крупной демонстрацией против царизма. В 6-м часу огромные массы народа запрудили Старое место [2]). Здесь стало известно, что полиция ночью украла тело убитого и похоронила его. Массы были так

---

[1]) Рабочее предместье в Лодзи. — *В. Д.*

[2]) Старый город. — *В. Д.*

страшно взволнованы этим, что повсюду были слышны только проклятия по ее адресу. Сначала ввиду несостоявшихся похорон решено было отменить и демонстрацию, но массы и не думали расходиться... На Францисканской улице были развернуты знамена, и шествие двинулось вперед. Первоначально оно было немногочисленно, но, беспрерывно возрастая, достигло у Нового рынка нескольких десятков тысяч человек. От Нового рынка шествие двинулось по Петроковской [1]) улице... Воодушевление росло с каждой секундой: из окон и с балконов махали платками, выражая солидарность с нами [2]); солдаты и даже некоторые полицейские на постах приветствовали нас улыбками и дружескими кивками головы; стоявшие на боковых улицах солдаты смотрели с сочувствием на демонстрантов и вступали с ними в разговоры...

Но нас предательски заманили в ловушку... Нам позволили дойти до того места, где казаки и драгуны заняли боковые улицы, в то время как сзади нас следовали казаки. Таким образом мы были окружены. Когда мы дошли до улиц Пустой и Карла, по толпе была открыта стрельба. Это отряд казков, приблизительно в 50 человек, произвел нападение на толпу и дал по ней залп без предварительного требования разойтись. Одновременно стали стрелять и из боковых улиц. Разыгралась страшная сцена. Обезумевшая толпа в панике обратилась в бегство... В давке люди падали, вставали и опять падали, сбиваемые огромной человеческой волной. У ворот домов образовались кучи из живых человеческих тел; казаки же продолжали стрелять беспрерывно. Убивали женщин и мужчин, стариков и детей».

«Лодзь, 22 июня, вечером... Сегодня утром состоялось соглашение между нашей организацией и «Бундом»: была избрана комиссия, которая займется проведением забастовки. Сегодня по случаю праздника христиане не работают, а евреи бросили работу с утра, так что пополудни у нас все остановилось. Были сформированы отряды, в которые вошли товарищи из нашей и из бундовской организации. От имени комитетов СД и «Бунда» эти отряды потребовали, чтобы сегодня и завтра магазины были закрыты. Колесное движение прекратилось в полдень; нами остановлены также и трамваи. Сегодня рано утром на углу улиц Всходной и Средней был убит казак, на Новомейской — шпик, на Всходной — шпик и полицейский. Толпа пользуется каждым случаем для разоружения полиции. В Старом месте на улицах лежит ма-

[1]) Главная улица в Лодзи. — *В. Д.*

[2]) С демонстрантами. Рассказ ведется от лица одного из участников демонстрации. — *В. Д.*

териал для сооружения баррикад: бочки, камни, лестницы и т. д. На Полудневной улице баррикада была сооружена из бочек.

В 9 часов вечера казаки атаковали ее, но результат пока неизвестен. Мы слышали выстрелы, но попасть туда было невозможно. На Всходной улице в полдень толпа забаррикадировалась в двух домах и начала оттуда стрелять и бросать камни с крыш и из окон в войска, полицию и казаков. Многие из них были убиты и ранены. В течение получаса войска обстреливали эти дома, но рабочие были за хорошим прикрытием, и никто из них не пострадал... На Средней улице толпа вынимала камни из мостовой и складывала их в большие кучи для отражения войск. После вчерашней резни толпа преисполнилась такой энергией, что теперь она выходит на улицу со смехом, охотно, почти радостно... Полночь. Только что получил известие, что на Всходной и Полудневной улицах до сих пор кипит борьба на баррикадах. Все оцеплено пехотой, конницей и артиллерией. Наш комитет издал горячо написанное воззвание (прилагаю его), в котором он призывает назавтра ко всеобщей забастовке.

Ко всем рабочим Лодзи.

Революция идет вперед! Могучие волны сознательности захватывают все бо́льшие кадры наших братьев-рабочих. Царизм дрожит в своих основаниях. Он желает в потоках нашей крови утопить свой страх, он хочет обмануть себя победой над нами.

Когда во время похорон стотысячная толпа чтила своих героев, когда весь город затих при виде нашей силы, перепуганный кровожадный царизм в смущении смотрел и слушал, как могучие груди провозглашали ему смерть. И шли без конца ряды бойцов, и раздавался без конца смертный приговор царизму.

Это был день торжества, это был день пролетариата.

Когда же вчера тысячные толпы вторично наполнили улицы города, когда неслась к небесам наша боевая песнь, когда все стало ничтожным в сравнении с великим, героическим пролетариатом, царские палачи решили свое бессилие по отношению к революции прикрыть преступной резней безоружной толпы.

И полилась невинная кровь, кровь женщин и детей, кровь людей, шедших спокойно, с великой радостью в душе, с улыбкой детского счастья на устах.

Товарищи-рабочие! Мы живем в период революции. Каждый день — это шаг вперед, но каждый этот шаг отмечается нашей кровью.

Царизм хочет утопить революцию в потоках нашей крови, но кровь эта утопит его, он захлебнется ею. Эта кровь — это наше знамя, это наш священный лозунг. Жертвы были, жертвы еще будут! Многие из нас падут, но будущее наше. Темное солдатье еще не раз послушает приказов царских палачей, но кто сможет задержать несущийся поток, какое для этого существует оружие?

Товарищи! Кровь эта пролита не напрасно, кровь эта побудит нас к новой неумолимой борьбе. Кровь эта будет отравлять нам каждую минуту, она ни на минуту не позволит нам забыть о смертельной борьбе с абсолютизмом.

Итак, в бой!

Пусть наш враг убедится, что резня не сломила нашей энергии, что сегодня мы более сильны и грозны, чем вчера. На улицу, братья! Пусть в пятницу, 23 июня, в память погибших, остановятся все фабрики и мастерские, пусть прекратится всякая работа, пусть замрет всякая жизнь, пусть остановится всякое движение!

Да здравствует однодневная всеобщая забастовка!

Слава павшим героям революции!

Долой приносящий убийства абсолютизм!

Да здравствует революция!

Лодзинский комитет социал-демократии Царства Польского и Литвы» [1]).

«Лодзь, 23 июня. С раннего утра было заметно сильное движение на Водном рынке и на боковых улицах. На улице Пшеязд рабочие начали строить баррикады из телефонных столбов и других предметов».

... Несколько человек было ранено и убито. В тот же вечер войска наводнили Водный рынок; рабочие во многих местах стреляли по ним... Баррикады были сооружены и на углу Рокицинской и Пиендзальной улицы».

«Лодзь, 24 июня. Вчера к вечеру борьба стала затихать. Усталые люди нуждались в отдыхе. Лишь изредка раздавались выстрелы. Те же, кто не нуждался в отдыхе, всю ночь строили баррикады.

Бой начался вчера утром. Во всем городе было сооружено несколько десятков баррикад... Но массы, еще не привыкшие к уличной борьбе, мало пользовались баррикадами. Бойцы обыкновенно укрыва-

[1]) Прокламация переведена из брошюры: Lódzkie powstanie zbrojne. Moskwa, 1925.

лись в под'ездах домов вблизи баррикад и оттуда стреляли в солдат, приближавшихся к баррикадам...

Фабрики, конечно, остановились, трамваи и извозчики не работали. Магазины, конторы, банки — все было закрыто. Жертв масса. По официальным сообщениям пострадало 200 человек, но, судя по множеству трупов, лежащих на улицах, и по большому количеству раненых... убитых — не менее 200, а вместе с раненым — жертв не меньше 1 000. Со стороны полиции и войска насчитывается всего около 20 человек раненых и убитых...».

«Лодзь, 28 июня. Мы посылаем вам еще ряд подробностей, касающихся кровавых дней в Лодзи; эти подробности получены от очевидцев, как наших товарищей, так и от посторонних лиц. Эти подробности проливают чрезвычайно яркий свет на сущность кровавого самодержавного правительства. Это хозяйничанье на улицах озверевших солдат, это отвратительное избиение людей без различия возраста и пола, все эти кровавые подвиги увеличили славу, заслуженную в январские дни петербургскими и варшавскими палачами.

21 июня при первых залпах среди демонстрантов возникла паника. Люди пустились бежать, топтали и давили друг друга. Спасаясь от озверевших солдат, я спрятался в одном из домов и видел оттуда такие сцены, которых дай бог мне никогда уже больше не видеть. Вот бежит молодая женщина с распущенными волосами, ища какого-нибудь прикрытия; раздается выстрел, и женщина падает, сраженная пулей казака. Две гимназистки, восемнадцатилетние девушки, растоптанные толпой, лежат на земле, стонут от боли и, напрягая остатки сил, умоляют о помощи и замолкают, пронзенные штыками царских палачей. Вот девятнадцатилетняя работница спасается от преследования казаков, которые стегают ее нагайками. Удар штыка, и девушка падает, смертельно раненая...

23 июня был одним из самых кошмарных дней, которые мы пережили в течение этой кровавой недели. Избивали женщин, детей, стариков... На Всходной улице какой-то человек подбежал к окну, чтобы снять оттуда своего шестилетнего сына. В ту же секунду просвистела пуля, и отец с ребенком упали, убитые наповал... На углу Длугой и Школьной проживающий в доме Познанского офицер произвел несколько выстрелов в собравшихся во дворе женщин и детей; по счастливой случайности было ранено из их числа только двое. В районе Всходной, Средней и Полудневной улиц не было почти ни одного дома, который не подвергся бы обстрелу... Подходивших к окнам солдаты укладывали на месте... На Всходной улице 50-летний рабочий вышел на улицу

к жене, принесшей ему обед. Пообедавши, он направился к месту своей работы. Невдалеке стояли солдаты. При виде рабочего один из них сказал: «Вот, уже покушал!» Вслед за этим раздалось два выстрела, а когда раненый стал звать на помощь, третьим выстрелом он был добит... По Зеленой улице проходили мужчина и женщина с провизией для детей. Раздается выстрел: мужчина убит, женщина ранена. Это жена какого-то офицера выстрелила с балкона... По Длугой улице около дома № 4 шел 14-летний мальчик. Тут же проезжают двое казаков, из которых один просит у другого папиросу. Тот обещает дать, но лишь при условии, если его товарищ убьет мальчика. Казак прицеливается, стреляет и со словами: «Убил сукина сына» спокойно протягивает руку за папиросой.

... Местные газеты сообщают о целом ряде других случаев самого дикого, самого жестокого истребления детей» [1]).

Восстание лодзинских рабочих было подавлено с неслыханной жестокостью. Лодзь была об'явлена на военном положении, и царский порядок восстановлен. На побежденный в неравной борьбе пролетариат обрушилась не знавшая никаких границ звериная месть царских опричников. Им по мере сил и возможностей, не за страх, а за совесть помогала в их черном деле перепуганная июньскими днями буржуазия. Национал-демократия, усердно поддерживаемая духовенством, открыла бешеную кампанию против революционных польских рабочих, обвиняя их в измене «народному делу» и католической религии. Этим провокационным приемом, этой бесчестной спекуляцией на постоянно оскорбляемых царским правительством национальных чувствах польских рабочих национал-демократии удалось внести раскол в рабочее движение, разбить его единство.

Немалую роль в деле затемнения классового сознания польского пролетариата сыграла после кровавых лодзинских дней и ППС. Но ее деятельность в этом направлении имела успех лишь среди наименее сознательных и наименее устойчивых слоев польского пролетариата: здоровое ядро последнего продолжало занимать классовую позицию и бороться не с «москалями», как к этому усердно призывала ППС, а с царским правительством и польско-русской буржуазией.

Лодзинское вооруженное восстание послужило сигналом к новым революционным выступлениям рабочих во всем Царстве Польском: «во всех промышленных его центрах начались забастовки протеста против лодзинских расстрелов и демонстрации, сопровождаемые вооруженными столкновениями с полицией и войсками. 26 июня бастует вся

[1]) «Z. Pola Walki», 28—30 июня 1905 г.

рабочая Варшава, на ее улицах появляются красные знамена, возводятся, как бы для упражнения в революционном военном искусстве, баррикады; 28, 29 и 30 июня прекращает работу скрывающий в своих недрах десятки тысяч рабов капитала Домбровский бассейн; 28 июня бастует Люблин, 4 июля замирает торговая и промышленная жизнь в Белостоке, на улицах которого непрерывно раздается стрельба. 5 и 6 июля — забастовка во многих местах Радомской губернии, 3 июля замирает жизнь в Кельцах; наконец, 18 августа, по призыву социал-демократических организаций, опять бастует Варшава, на этот раз в знак протеста против резни в Белостоке» [1]).

Не прекращавшееся, несмотря на страшные репрессии со стороны русского правительства, революционное движение среди польских рабочих вспыхнуло опять с новой силой после опубликования 19 августа 1905 года царского манифеста о созыве «булыгинской» Думы. Польские рабочие массы поняли провокационную сущность этого манифеста и ответили на него забастовкой, охватившей все промышленные центры Царства Польского, его железные дороги и отчасти почту и телеграф. В то же время ППС и анархисты продолжали свою террористическую деятельность, усиленную ими в начале августа, о чем свидетельствует следующая телеграмма варшавского генерал-губернатора Максимовича от 2 августа 1905 года:

«Положение обостряется, террористические покушения и убийства почти ежедневны, бросание разрывных снарядов в присутственные места и нападения на казначейства с целью ограбления служат указанием избранного направления для дальнейшей преступной деятельности. Правительственные учреждения охраняются полицией и войсками».

Всероссийская октябрьская революция нашла себе самый живой отклик в широких массах польских рабочих, которые при первых известиях об этой забастовке бросили работу и вышли на улицу: в конце октября забастовка в Царстве Польском стала всеобщей. Проведение этой забастовки взял на себя Варшавский комитет СДЦП и Л, который обратился 29 октября 1905 года к рабочим со следующим воззванием:

«Рабочие! Борьба началась, и ее нужно продолжать. Выходите толпой на улицу, слушайте речи революционеров, останавливайте колесное движение, опрокидывайте и разбивайте трамваи, валите телеграфные столбы, закрывайте магазины. Когда слышны тяжелые железные шаги революционной армии, когда революция выходит на последний бой с чудищем царизма — все должно замереть».

---

[1]) «Z. Pola Walki», 28 августа 1905 г.

Новая всеобщая забастовка привела в ярость польскую буржуазию, которая, с целью сохранения своего классового господства, теперь уже совершенно открыто стала на сторону царского правительства. Об этом красноречиво свидетельствует следующая прокламация СДЦП и Л, датированная 30 октября 1905 года:

«Граждане! Товарищи! Сегодня раздался первый залп по жителям Варшавы, но не со стороны одетых в мундиры царских живодеров, а со стороны национал-демократии.

Вооруженные национал-демократические хулиганы, засевшие в редакции «Гонца» [1]), дали оттуда несколько залпов по демонстрации без всякого предупреждения, без предварительных выстрелов вверх, что делают иногда даже царские войска.

Никак не ожидая, что польские патриоты в состоянии убивать безоружный польский народ, толпа обратилась в паническое бегство, оставив на поле национал-демократической славы несколько тяжело раненых, в числе которых оказались один старик и одна женщина.

На Кавказе царское правительство отбирает оружие у армян и разрешает вооружаться татарам; у нас это правительство отбирает оружие у революционеров и разрешает вооружаться живодерам из национал-демократии.

Граждане! Мы еще раз заявляем, что со времени железнодорожной забастовки царские солдаты не произвели в народ ни одного выстрела: роль их взяла на себя национал-демократия.

Теперь уже для всякого ясно, что национал-демократия стала на сторону царских палачей и заменяет царское правительство в деле убийств невооруженного народа, женщин и стариков. Теперь уже никто не станет делать различия между правительством и национал-демократией.

Пролитая польская кровь будет отомщена. Смерть палачам, национал-демократам!..».

Как известно, Николай II под давлением всероссийской забастовки принужден был обнародовать 17 октября 1905 года свой манифест о «конституции». Этот манифест, приведший в такой восторг русско-польскую буржуазию, не обманул рабочих. И польские рабочие в издании этого манифеста не видели достаточного основания для прекращения революционной борьбы. Настроение, охватившее этих рабочих после издания манифеста 17 октября, выразилось в следующем воззвании главного правления СДЦП и Л, выпущенном 1 ноября 1905 года:

---

[1]) Газета, орган национал-демократии. — *В. Д.*

«Рабочие! Царь дал конституцию, а ворота политических тюрем еще не открыты, войска не уведены с улиц, военное положение и положение усиленной охраны не отменены, администрация казенных воров и убийц не прогнана на все четыре стороны, не отдана под суд; исключительные законы остаются в силе. Царь дал конституцию, а вчера на улицах Варшавы и во всей России солдаты расстреливали безоружный народ.

Царь дал конституцию, а рабочие продолжают быть рабами, они лишены избирательных прав, у них нет восьмичасового рабочего дня, они лишены всяких гарантий свободы.

Царь дал конституцию, рассчитывая одурачить рабочий люд, рассчитывая, что этот люд успокоится, а вся государственная сила — войско, администрация, суд — останется в его руках. Народ заставил царя дать конституцию при помощи единственного своего оружия — всеобщей забастовки. Царь рассчитывает на то, что народ успокоится, т. е. откажется от этого своего единственного оружия.

Рабочие, не обманывайте себя! Отказавшись от забастовки и демонстраций, мы обезоружим себя и выдадим себя на милость правительственных негодяев.

Пока народ не будет вооружен, пока царское правительство не будет побеждено и уничтожено, до тех пор мы не должны отказываться от того оружия, каким является для нас всеобщая забастовка и демонстрации».

На новую всеобщую забастовку польского пролетариата царское правительство ответило введением в его пределах военного положения под тем предлогом, что поляки собираются отделиться от России. Тогда польские рабочие решили апеллировать к рабочим русским и отправили делегацию в Петербург, которая выступила 1 ноября 1905 года в экстренном заседании Совета рабочих депутатов со следующими двумя заявлениями:

1. «Когда русский пролетариат и все трудовое население об'явило политическую забастовку, к ней примкнул весь пролетариат Царства Польского. Он решил бороться до тех пор, пока его требования не будут удовлетворены. Русский пролетариат принужден был временно прекратить борьбу, но в Польше положение в тысячу раз хуже. К гнету капитала там присоединяется гнет политический, усиленный обрусительными тенденциями русского правительства. Манифест 17 октября ничего не дал полякам, и польский пролетариат не хочет и не может прекратить борьбу. Нас обвиняют в том, что мы под видом автономии хотим отложиться от России — ничего подобного! Под автономией мы

разумеем право говорить на родном языке, иметь свое самоуправление, свои школы. Мы прекрасно понимаем, что теперь необходимо об'единение русского и польского пролетариата для борьбы с общим нашим врагом — правительством и капиталом. В ответ на нашу мирную борьбу и отстаивание своих прав русское правительство лишило нас всех прав, об'явив во всем Царстве Польском военное положение.

Мы приехали сюда, чтобы обратиться к русскому народу, только к русскому народу, а не к правительству. Мы приехали, чтобы сказать, зать, что поляки вовсе не добиваются для себя чего-то особенного: их требования тождественны с требованиями русского народа, и поляки хотят итти рука об руку с ним при отстаивании этих требований. Как долго будет продолжаться наша забастовка, мы не знаем, но, должно быть, долго; возможны и террористические акты, так как польский народ слишком обижен и возмущен: одним росчерком пера у него отнято все... Мы хотим знать, как отнесется русский пролетариат и русский народ к польскому».

2. «...Мы останавливаем внимание собрания на том, что борьба, которую ведет русское правительство с народом, основана на лжи и обмане, которыми оно всегда пользуется, когда хочет победить кого-нибудь и властвовать. Последнее правительственное сообщение—все та же ложь. Поляков обвиняют в сепаратизме, в желании обособиться территориально. Это не так. Ведь нельзя, сидя в Петербурге и не зная нужд края, управлять отсюда польским народом, и поэтому поляки требуют местного самоуправления.

Все требования польского пролетариата тождественны с требованиями пролетариата русского, и поэтому мы можем сказать, что мы боремся за вашу и нашу общую свободу».

На эти заявления один из членов Исполнительного комитета ответил:

«Товарищи! Я думаю, что выражу здесь общую всем нам мысль, если скажу, что борьба польского и русского пролетариата есть общая борьба под одним девизом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». То дело, за которое стоит польский пролетариат, есть наше дело; то дело, за которое стоим мы, есть дело его, и потому мы готовы протянуть руку польскому пролетариату для нашей общей борьбы. Мы хорошо знаем, что значат царские обещания и какова им цена, и потому с ними не считаемся. Пролетариат знает, что, только сокрушивши самодержавие и устроивши на развалинах его демократическую республику, он будет свободно жить и развиваться. Русский пролетариат за всеми национальностями признает право самоопределения

и всегда будет бороться против всяких форм эксплоатации, и если поляки страдают от национального гнета нашего правительства, то в борьбе польского пролетариата с правительством его всегда поддержит пролетариат русский. Последний знает, что те сепаратистские требования, которые выставляют некоторые польские группы, не есть требования польского пролетариата. Его задачи вполне тождественны с нашими, и наша борьба может быть только общей борьбой. Царское правительство об'являет сегодня военное положение в Польше, завтра усиленную охрану в Черниговской, Самарской и прочих губерниях; оно угнетает одинаково и русский и польский народ, и мы должны рука об руку — пролетариат русский и польский — напрячь все усилия, чтобы раздавить окончательно ненавистную монархию — всех царей и их приспешников» [1]).

Как приведенные выше заявления польских делегатов, так и ответная речь члена Исполнительного комитета Совета рабочих депутатов свидетельствуют о полном согласии, господствовавшем во взглядах большинства русских и польских рабочих на общие задачи рабочего движения в России в Польше.

О настроении революционных польских рабочих в момент прекращения всеобщей забастовки свидетельствует следующая прокламация главного правления СДЦП и Л, датированная 16 ноября 1905 года:

«Всеобщая забастовка, которая вспыхнула во всем Русском государстве и которая была сигналом к общерусской революции, не только вырвала из рук преступного правительства обещания свободы, но одновременно еще прочнее соединила пролетариат Польши и России в один революционный класс, об'единенный общей борьбой за общую свободу. Теперь уже ничто не сможет уничтожить нашего классового единства с рабочими всей России...

Напрасно преступное правительство пыталось спасти себя новыми убийствами и насилиями, напрасно наша контр-революционная буржуазия пыталась разорвать наше классовое единство с рабочими всей России. Мы, рабочие, победили и правительство и наших националистов. Мы заставили царское правительство капитулировать и признать в принципе, что царское самодержавие уничтожено: в этом заключается значение царского манифеста, обещающего нам конституцию. Мы победили и наших националистов, так как их вопли о нашей национальной обособленности и о варшавском Учредительном собрании не были в состоянии уничтожить нашего классового единения с пролетариатом всей России...

---

[1]) «Известия Совета рабочих депутатов», № 5, от 3 ноября 1905 г.

Теперь приближается время, когда мы, рабочие, доказав свою энергию и твердость в борьбе, должны подумать о подготовке нового совместно с рабочими всей России наступления на царское правительство. Мы должны собраться с новыми силами, лучше сорганизоваться, чтобы быть готовыми к новой атаке...

Мы возвращаемся к работе завтра только на время. Когда же социал-демократия нашего края и всего государства призовет рабочих к новому бою, мы опять выступим, быть может, на последнюю борьбу, как единый во всем государстве рабочий класс».

Что же касается ППС, то она, попрежнему мечтая о какой-то нелепой полусоциалистической, полушляхетской Польше, продолжала свои провокаторские выступления против проводившей последовательную классовую линию СДЦП и Л. Прекрасно иллюстрирует образ действий этой партии следующая прокламация, выпущенная в ноябре 1905 года организацией СДЦП и Л. Радомского округа:

«В течение двенадцати лет ППС призывала трудящихся Польши к вооруженному восстанию для создания независимой Польши. В течение двенадцати лет она клеветала на русское рабочее движение, умаляя его значение в глазах польского пролетариата. В течение двенадцати лет она, прикрываясь социализмом, затемняла классовое сознание польского рабочего, призывая его к националистическим целям...

Несмотря на двенадцатилетнюю деятельность, ППС не удалось свести рабочее движение с верного пути. Но деятельность эта в некоторых местах разложила рабочих до такой степени, что поставила их в один ряд с черными сотнями России.

Теперь же случилось то, что наполняет ужасом всякого мыслящего пролетария, нечто неслыханное в истории социалистического движения.

В то время как царское правительство, правительство палачей и убийц, правительство виселицы, штыка и пули, провозглашает свободу слова и собраний; в то время как царь и его холопы приказывают своим темным солдатам уважать эту свободу — темные отряды ППС кидаются на знамя социал-демократии, чтоб его разорвать, уничтожить... Когда мы собрались на кладбище и подняли свое социал-демократическое знамя на могилах погибших, когда мы подняли то знамя, под которым борется рабочий класс всех стран и государств, темная масса из партии, именующей себя социалистической, кидается на это знамя — символ пролитой рабочей крови — с криками: «Долой социал-демократию!», «Долой знамя!».

Подстрекаемые местными вожаками ППС, раз'яренные несознательные рабочие требуют убрать знамя и в качестве единственного аргу-

мента пускают в ход свои кулаки. Вооруженные палками, они бросаются на нашего знаменосца и наносят ему удар за ударом. И полилась рабочая кровь, но на этот раз не по вине темных царских солдат, а по вине несознательных в классовом отношении, разложившихся под влиянием двенадцатилетней деятельности ППС рабочих. Наш знаменосец своей кровью расплатился за это нападение современных варваров, этих новых польских черных сотен, выступающих в этой позорной роли исключительно в результате подстрекательств ППС».

Декабрьское вооруженное восстание в Москве вызвало новый под'ем революционного настроения среди рабочих Царства Польского. Об этом между прочим свидетельствует следующая телеграмма (шифрованная) варшавского обер-полицмейстера Мейера на имя директора департамента полиции от 14 декабря [1]) 1905 года за № 53721:

«Вчера произведено около ста обысков, арестовано пятьдесят агитаторов, прокламации всех социалистических партий призывают к общей забастовке и вооруженной борьбе. 14-го готовятся воспроизвести московские события, запасаются проволокой, перевязочными материалами. Сегодня забастовала Привислинская [2]), городские трамваи».

Известия о московском восстании воспринимались польскими рабочими с восторгом, с энтузиазмом:

«Уже пять дней продолжается вооруженная борьба между революционным рабочим людом и войсками царского правительства. Совершаются великие события. Москва, которая во время последней всеобщей забастовки была жертвой дикой реакции; Москва, в которой орды черной сотни, сорганизованные царским правительством, грабили и неистовствовали; Москва, в которой доведенные пьянством до полного озверения хулиганы нападали на интеллигенцию и буквально на куски разрывали несчастных ребят в ученических мундирах, — эта Москва ведет бой за революцию! Слава московским героям!..

Этот взрыв революции в Москве, в «сердце России», не только наносит смертельный удар царизму и правительственной партии: он бьет также и по нашим псевдо-партиотам, этим плогавым реакционерам, излюбленными выражениями которых были: «московская темнота», «московское цареславие», «московская дичь». Теперь поднялся богатырь, московский пролетариат, и бросил в лицо этим совам и сорокам свою кровь: чем искупит теперь эта шайка свою клевету?» [3]).

[1]) Старого стиля.

[2]) Железная дорога.

[3]) Czerwony Sztandar, 1905 г., № 31 (29 декабря).

Не будучи в состоянии поднять вооруженное восстание, польские рабочие решили поддержать московских бойцов всеобщей забастовкой:

«Теперь мы поддерживаем товарищей, борющихся там, в центре государства, всеобщей забастовкой. Эта забастовка парализует силы правительства, дезорганизует его. Вследствие забастовки царское правительство не осмелится взять отсюда ни одного полка, ни одной роты для подкрепления своих войск в борьбе против вспыхнувшего в Москве восстания. Это наша теперешняя задача. Ближайшие минуты могут поставить перед нами другие задачи, и тогда пусть Варшава окажется достойной Москвы» [1]).

Что же касается польской буржуазии, то она продолжала всячески поддерживать царское правительство, в котором видела своего естественного союзника в борьбе с революционным пролетариатом. Вот как характеризуется польская буржуазия того времени в органе СДЦП и Л:

«...Буржуазная Польша становится в России самой сильной опорой царизма. Если прежнего польского шляхтича считали в демократической Европе революционером, то современный польский буржуа должен почитаться обыкновенным реакционным хулиганом.

С самого начала революции в текущем году не было минуты, чтобы наша буржуазия не шла рука об руку с царизмом, не было ни одной политической забастовки, во время которой буржуазия не нападала бы с тыла на пролетариат, в то время как с фронта царское правительство направляло против него пули и штыки. Точно так же и во время всеобщей октябрьской забастовки не было минуты, чтобы буржуазия во главе с «национальной демократией» не осыпала революционеров клеветой и проклятиями. А когда октябрьская забастовка вырвала из рук Николая Кровавого обещание конституции, наша буржуазия опять-таки вместе с правительственной сволочью вопила, что свобода уже дана и что дальнейшая борьба является преступлением, несмотря на то, что правительство преступников и душителей Польши продолжало находиться у власти...

Теперешние оргии «истинно-польских людей» всего «национального» лагеря по отношению к московскому вооруженному восстанию переходят всякие границы подлости. В то время как польский пролетариат спешит оказать первую помощь своим московским братьям всеобщей забастовкой, буржуазная Польша при помощи своей печати «создает настроение» по указке бесстыдно-лживых сообщений правительственного петербургского телеграфного агенства, заявляя, что мень-

[1]) Czerwony Sztandar, 1905 г., № 31 (29 декабря).

шинство рабочих терроризует большинство, которое не желает забастовки; она натравливает на революционный пролетариат темные массы. В сердце России — вооруженное восстание, в Польше правительство арестовывает войтов и писарей за введение польского языка в гминное делопроизводство (единственная борьба, одобряемая националистами) [1]), а буржуазная Польша во главе с «национальной демократией» продолжает забрасывать грязью всякий порыв к активности... Польская буржуазия заговорила уже языком царских холопов» [2]).

Говоря о забастовочном движении 1905 года в Царстве Польском, нельзя не упомянуть о забастовках польских сельскохозяйственных рабочих, батраков. Экономическое положение их было очень тяжелое. Так, за работу в течение круглого года, при неограниченном никакими нормами рабочем дне, в среднем они получали: в первый год поступления на службу — 16 руб. и 32 пуда зерна, а в последующие — 18 руб. и указанное количество зерна. Кроме того, каждый семейный батрак имел право держать на помещичьем корму 1 корову и получал клочок земли под картофель. И холостые и семейные батраки жили в общих казармах [3]).

Под влиянием забастовочного движения в городах сельскохозяйственные рабочие во многих помещичьих имениях Царства Польского решили добиться улучшения условий труда и увеличения заработка путем забастовок, причем в большинстве случаев их требования были более чем скромны. Так, батраки одного из имений Замостского уезда потребовали увеличения годового жалованья до 30 руб., а получаемого зерна до 45 пудов; затем они добивались права держать на помещичьем корму 2 коровы и предоставления семейным батракам отдельных помещений с отоплением [4]).

Батрацкие забастовки в большинстве имений Царства Польского вспыхивали стихийно и неорганизованно, но тем не менее всюду носили один и тот же характер. Любопытное описание батрацкой забастовки мы находим в донесении департаменту полиции начальника жандарм-

---

[1]) Как и знаменитая школьная забастовка, организованная национал-демократами, добивавшимися не коренной реформы школы, а лишь преподавания на польском языке. — *В. Д.*

[2]) Czerwony Sztandar, 1905 г., № 32 (30 декабря).

[3]) См. донесение в департамент полиции начальника жандармского управления Замостского и Красноставского уездов Люблинской губ. от 29 августа 1905 г. за № 567.

[4]) Там же.

ского управления Луковского, Радинского и Гарволинского уездов Седлецкой губернии от 14 марта 1905 г. за № 381:

«Толпы крестьян-батраков с помещичьих фольварков бродят по Луковскому, Радинскому и Гарволинскому уездам, дорастая до 150—200 человек.

Начинается обыкновенно с того, что кому-нибудь из пришлых агитаторов удается уговорить батраков на каком-либо одном фольварке бросить работы и итти с той же целью на другой соседний фольварк, где уговорами, а если это не действует на некоторых, то и силою проделывается то же самое, причем, пройдя семь фольварков, рабочие первого фольварка отпускаются, и таким образом толпа не уменьшается.

Батраки всюду пред'являют требования об улучшении условий труда, на что помещики соглашаются из боязни насилий со стороны толпы, дают ей ночлег, продовольствие и деньги на дорогу от 30 до 50 руб.

Стражники, находясь по-одному на гмину, не в силах остановить этого движения, вызываемые же войска также не могут всюду поспеть.

При скоплении большого количества стражников и при появлении войск батраки расходятся по своим фольваркам, но вскоре вновь собираются в другом месте, стараясь проходить вдалеке от мест, откуда могли бы быстро прибыть воинские команды.

Батраки вообще никаких насилий до сего времени не производили над помещиками и сопротивления войскам и полиции не оказывали...

При сем представляю список 19 крестьян, задержанных полицией как главарей этого движения с 6 сего марта, причем никто из этих лиц, из числа жителей Седлецкой губернии, ни в чем предосудительном в политическом отношении замечен не был».

Конечно, в этом донесении, как и в большинстве донесений подобного же рода, «пришлые агитаторы», как виновники батрацких забастовок, были плодом фантазии царского жандарма, которому всюду мерещились «крамольники», сбивавшие с толку благоденствовавших батраков.

Тем интереснее отметить, что попытка установить связь с «крамольниками» исходила от батраков. Так, батраки имений, расположенных в волости Тшебень Радомской губернии Козеницкого уезда обратились в Варшавский комитет СДЦП и Л со следующим письмом:

«Мы просим партию варшавских рабочих дать указания и советы фольварочным батракам в магнушевских имениях. Нас страшно эксплоа-

тируют. Мы хотим устроить забастовку и не знаем, как это сделать. Бастовать хотят четыре фольварка графа Яна Замойского. Батраки обязаны содержать помощников. Мы получаем 15 коп. вознаграждения зимой и 25 коп. летом. Мы просим воззваний к народу и составления письма к графу с требованием сократить нашу работу, так как летом мы работаем от восхода до захода солнца; мы также требуем освободить нас от обязанности содержать на свои средства помощников» [1]).

Что же касается собственно аграрных волнений, то, сравнительно со стихийным движением крестьян против помещиков в России, они не получили в Царстве Польском сколько-нибудь широкого развития и носили характер отдельных вспышек, преимущественно в восточных, пограничных с Россией, польских областях.

С начала 1906 года замечается постепенный отлив революционной волны как в России, так и в Царстве Польском. Начинается кошмарная, единственная во всемирной истории по своей крайней жестокости расправа приходящего в себя от страшного перепуга кровавого царского правительства и не менее перепуганной буржуазии. Трус, постоянно дрожащий за свою шкуру, избежав опасности, особенно предрасположен к самой утонченной мести по отношению к тем, кто заставляет его бояться. Правительства и классы не представляют исключения из этого положения.

Польская буржуазия, подобно русской, была кровно заинтересована в сохранении в России «конституционного» монархического строя: она прекрасно понимала, что последний — единственная ее защита от наступающего на него, приводящего ее в ужас смертельного классового врага, пролетариата. Стремлением во что бы то ни стало сохранить свои классовые позиции об'ясняется та «угодовая», соглашательская, доходящая до подлинного лакейства, политика, которую вело «польское коло» во всех царских Думах, и тот единый фронт, который образовали здесь русские кадеты и польское представительство против трудовых масс. Особенно знаменательно было единодушие русско-польской буржуазии в вопросе об увеличении контингента новобранцев: правительственный законопроект, внесенный правительством на утверждение Думы в 1906 году, был принят ею лишь благодаря тому, что за него голосовали кадеты и «польское коло». Вот как говорит об этом позорнейшем для русско-польской буржуазии факте орган СДЦП и Л [2]):

---

[1]) «Z. Pola Walki», 29 марта 1905 г.

[2]) Czerwony Sztandar, 1906 г., № 45.

«Вместе с русской буржуазией голосовала польская, с кадетами голосовало «польское коло». Это уже даже не возмутительно и не трагично, а только отвратительно и мерзко.

После седлецкого погрома, после солдатских бесчинств на всей территории Польши, после всех насилий и преступлений, совершенных царским правительством, правительством разделов Польши, польские депутаты голосуют за усиление царской армии. Каждое слово комментария может лишь ослабить впечатление от этого факта.

Для об'единенного революционного пролетариата этот факт не мог быть неожиданным. Пролетариат не удивится никакой подлости, совершаемой избранниками буржуазии и помещиков. Но честные рабочие и крестьяне, которые полагали, что они во имя патриотизма должны отдать свои голоса этим «полякам», пусть теперь полюбуются образом действий своих избранников. Эти люди говорили выборщиками, что они идут в Думу защищать наши «национальные интересы», а первым их действием в Думе была подача голосов за увеличение военной силы царизма, увеличение той силы, которая угнетает народ. Эти люди голосовали за правительство, когда оно желало получить новобранцев, чтобы удобнее сосать кровь под'яремных народов. Эти люди своим голосованием доказали, что они хотят рабства, что они согласны, чтобы правительство палачей и убийц имело в достаточном количестве солдат, которых употребляет между прочим и для того, чтобы сосать кровь из сердца польского народа...

Русско-польская буржуазия борется за свое лучшее будущее путем самого подлого подхалимства по отношению к царскому правительству; тем скорее польский и русский рабочий люд сумеет оценить этих представителей народа. Чем больше открывают свои карты изменники делу свободы, тем лучше для этого дела».

Польская «прогрессивная интеллигенция», которая в начале революции 1905 года заигрывала с рабочими и делала, правда, очень робкие, попытки занять независимую по отношению к национальной демократии позицию, к началу 1906 года стала откровенной сторонницей буржуазии. Эта роль польских «прогрессивных демократов» настолько важна для характеристики далеко еще не отошедших в область истории отношений среди польского общества, что нам кажется нелишним привести несколько выдержек из органа СДЦП и Л, посвященных этому вопросу.

«Уже в течение нескольких дней выходит «серьезный» орган буржуазной интеллигенции — «Новая газета». В течение нескольких недель по всем кофейням только и говорили о том, что это будет «газета

вполне европейская». С большим любопытством мы взяли в руки первый ее номер, и случайно наш взгляд остановился на строчке:.. «во-вторых, наша буржуазия вовсе не похожа на европейскую». Вот тебе раз! Ищем подписи. Ага! г-н Свентоховский [1]). Давайте читать: может быть мы и узнаем, почему это польская буржуазия лучше европейской:

«Не следует забывать, что, как часть единственного в настоящее время великого культурного народа, находящегося в неволе, она носит в себе непотухающее пламя бунта, что в ней живут его исторические традиции, что она продолжает бороться за основные права человека и народа. После 1848 года, когда рабочий класс об'явил войну капитализму, буржуазия всего мира не потеряла ничего из своего достояния и привилегий. Между тем польская буржуазия уже тогда пережила полвека мученичества, вступила во вторую его половину и до настоящего времени продолжает находиться в ряду политических отверженцев. Но она непрерывно боролась, страдала, приносила всякие жертвы, десятками тысяч гибла в тюрьмах и в ссылках и перенесла столько истязаний, что ее стон мог бы донестись до самых отдаленных уголков земли. Это не привилегированная немецкая или французская буржуазия, которую громил Маркс и другие ее враги, но та старая неутомимая воительница, которую почтили своим признанием тот же Маркс, Энгельс, Лафарг и Лесснер».

Итак, польская буржуазия носит в себе «пламя бунта», в ней живут «исторические традиции», она «боролась» и «десятками тысяч гибла в тюрьмах и ссылках».

Издевается ли г-н Свентоховский над читателями «европейской газеты» или же фраза так впиталась в его мозг, что он и сам не знает, что болтает? Где, когда и как боролась польская буржуазия? Где и когда гибла десятками тысяч? Во время народных восстаний представителей польской буржуазии не было в рядах боровшихся. Это буржуазия не только солидаризировалась с врагом, но, как сознательный класс, она хотела цепей, лишь бы эти цепи были позолоченными. Эта подлая, насквозь прогнившая буржуазия осмеливалась оплевывать повстанцев; она порыв героического отчаяния клеймила как «безумие», как «погибель для края». А потом настало время, когда... провозглашен был лозунг «органического труда», который по существу сводился к отвратительному лозунгу: «обогащайтесь, господа!»...

Польская буржуазия никогда не боролась ни за независимость Польши ни за ее свободу в какой-либо иной форме. Легко обогащаясь, она по отношению к царизму дошла до последних границ подлости, отказавшись от самых элементарных требований человеческого до-

[1]) Один из виднейших представителей «прогрессивной демократии»

стоинства. На край падал удар за ударом, приближалась страшная реакция, а буржуазия лежала ниц у ног царя; она не только трусливо мычала, но и гордилась своей собачьей покорностью...

Гибли десятки тысяч в тюрьмах и в ссылках, но это были жертвы из среды рабочего люда, а не из буржуазии. Среди этих десятков тысяч были выходцы и из буржуазной среды, были социалисты-юноши и девушки, дети фабрикантов, купцов, банкиров: они шли на казнь и ссылку во имя интересов пролетариата. А знает ли г. Свентоховский, почему и в Польше и в России вышло сравнительно много последователей социализма из буржуазной среды? А потому именно, что среди атмосферы гнили и подлости, которая окружает русскую, а в особенности польскую буржуазию, не мог жить человек с чистой душой и благородным сердцем; потому, что эти молодые герои видели вокруг себя моральное разложение, умственную пустоту, грубый, циничный эгоизм. А теперь мы спросим г. Свентоховского: кто у нас оскорблял этих первых бойцов социализма, кто клеветал на них, кто лишал их чести и доверия? Кто боролся с ними оружием, отравленным ядом пасквиля и злобы?..

Написать, что «Маркс, Энгельс, Лафарг почтили своим признанием польскую буржуазию», может только тот, кто потерял не только стыд, но и рассудок [1]).

Польский революционный пролетариат, руководимый СДЦП и Л, борясь за свои идеалы рука об руку с пролетариатом русским, прошел хорошую школу и в конце концов стал обеими ногами на платформу классовой борьбы и международной солидарности рабочего класса. Этот пролетариат сумел отказаться от националистических предрассудков, столь понятных в условиях политической жизни Польши, угнетаемой царским правительством, сумел отделить это последнее от трудовых масс России и протянуть им братскую руку. В этом отношении велика была заслуга СДЦП и Л, продолжавшей свою подготовительную работу и в годы реакции с той же энергией, что и в революционном 1905 году.

«СДЦП и Л поддерживала неуклонно и безоговорочно большевиков, видя в них ту партию, которая гарантировала политику революционной классовой борьбы, политику сотрудничества с революционной демократией, с крестьянством, в противоположность политике поддержки буржуазии. По этому вопросу, имевшему всероссийское общепартийное значение, вопросу вопросов революции 1905 года, СДЦП и Л

[1]) Czerwony Sztandar, 1905 г., № 39.

никогда не расходилась с большевиками во взглядах, всегда шла рука об руку с ними» [1]).

Наименее сознательная часть польского пролетариата и почти все мелкое городское мещанство продолжали находиться и в годы реакции под влиянием ППС. Несмотря на большую роль, какую играла и играет в настоящее время эта партия в политической жизни Польши, несмотря на свою социалистическую вывеску, она ни в какой мере не может почитаться выразительницей стремлений польского пролетариата.

Позорная деятельность ППС, открыто перешедшей на сторону реакции, нашла жестокую и талантливую критику в статье Розы Люксембург, посвященной виднейшему из вождей этой партии Дашинскому. Мы приведем наиболее характерные выдержки из этой статьи [2]).

«...Мы говорим об «открытом письме» г. Дашинского, вождя социалистической партии в Галиции, напечатанном в краковском «Найшуд». Все то, что говорили против революции национальные демократы, все то, чем боролись они против революционных польских рабочих, — все это повторяет в своем «открытом письме» Дашинский.

...При этом необходимо учесть момент, когда г. Дашинский выступает на сцену. Польская буржуазия, будучи, как и европейская биржа, чутким барометром курса русского абсолютизма, немедленно после «победы» пулеметов адмирала Дубасова в Москве и кажущейся неудачи последней всеобщей забастовки, подняла голову. В полном духовном единении с планами Дурново, Витте, Скалона и К° приступает она к проведению выборов в Думу, чтобы облегчить абсолютизму возможность спасительного займа и усмирения революционной бури во всем государстве. Но польская буржуазия прекрасно чувствует, что, приступая к выборам на основе выборного закона, который устраняет от выборов массу городского и сельского рабочего люда, приступая к этим выборам в условиях военного положения, она рискует совершить акт такой политической подлости, акт такой измены по отношению к стране, революции и польскому пролетариату, каких немного знает даже история политических паразитов. Наша буржуазия, как класс, воспитанный под защитой русских штыков, класс, для которого трусость является условием существования, приступала к выборам, конечно, со страхом в своем заячьем сердце, с колебанием и ужасом перед грозой революции и пред моральной силой обиженного рабочего класса.

[1]) З. Леде р, 1905 год в б. царской Польше, Гиз, Л. 1926, стр. 25.

[2]) См. «Czerwony Sztandar», 1906 г., № 44 («Открытое письмо господина Дашинского, или ППС на распутьи»).

И вот в то время, когда важнейшей задачей революции является уничтожение происков польско-русской контр-революции, в это именно время раздается голос социалиста, призывающего рабочих к отступлению; в это именно время г. Дашинский, как святой Антоний, вдруг почувствовал потребность раздеться донага и выпороть себя, об'являя все то, что до сих пор делал, провозглашал и во что верил рабочий класс в Польше, абсурдом и преступлением. Святой Антоний обнажался и бичевал себя за грехи в скромном одиночестве пустыни... господин же Дашинский — при свете огней революции, окруженный скачущими и пляшущими от радости польскими хулиганами...

Г-н Дашинский никак не может понять, какую цель и какой смысл имеют для польского пролетариата всеобщие забастовки. Каждый сознательный рабочий знает, что забастовки вообще играли и играют роль самого могучего оружия в революционной борьбе всего мира. Им революция обязана всеми своими победами и успехами. Поэтому, казалось бы, выступать против всеобщих забастовок может лишь тот, для кого важно за какую угодно цену спасти русский абсолютизм и погубить рабочее движение.

Но г. Дашинский, если внимательно разобраться в его словах, вовсе не порицает всеобщих забастовок как средства в современной революционной борьбе вообще. Он протестует исключительно только против использования их у нас, в Польше. Мало того: г. Дашинский даже не пытается подвергать сомнению необходимость и спасительность всеобщих забастовок в России. Но вместе с тем он прямо заявляет, что у нас, в Польше, следует «самым решительным образом отказаться от этой тактики, даже если она где-либо в ином месте временно или всегда ведет к победе».

Иные цели — иные способы борьбы, — говорит г. Дашинский. — Мы — поляки —

«должны со всей энергией поставить себе свою собственную цель и заранее подумать о том, чтобы добиться этой цели именно тогда, когда русская государственность будет переживать тяжелые смертельные для нее кризисы... Возможность победоносной борьбы с завоевателями обрисовывается перед нами все яснее, и события ближайших месяцев могут ее еще больше приблизить. Может наступить минута, которую приходится ожидать в течение десятков лет. К такой минуте необходимо готовиться».

Итак, нужно готовиться к борьбе с «завоевателями» и к восстановлению Польши. Поэтому-то польский рабочий должен считать теперешнюю революционную борьбу в России чем-то совершенно для него

чуждым и не должен поддаваться влияниям этой «не нашей» революции.

Правда, русские рабочие стремятся к уничтожению абсолютизма, борются против нагайки, которая и над нами властвует, против казаков, которые и нас убивают, но нам нет дела до всего этого, потому что мы, поляки, должны бороться не с абсолютизмом, а с лишь с «завоевателями».

Пусть царь устраивает в Петербурге людскую бойню, пусть он убивает две тысячи безоружных рабочих, добивающихся политической свободы и восьмичасового рабочего дня, — польские рабочие не должны реагировать на все это, потому что у нас «собственные цели» и «революционная борьба в Польше должна разыграться за более высокую цель, чем вопрос о той или иной Думе в Петербурге», т. е. за восстановление Польши.

Пусть во всей России железнодорожники и труженики почты и телеграфа борются при помощи героической всеобщей забастовки за свободу союзов — польские железнодорожники и почтово-телеграфные служащие не должны присоединиться к этой борьбе своих товарищей: они должны играть роль штрейкбрехеров и помощников царизма, потому что «мы» должны восстановить Польшу.

Пусть в Москве революционные рабочие ведут кровавые бои с царскими шайками за свободу, за республику, за восьмичасовой рабочий день — г. Дашинский, вождь ППС, засунувши руки в карманы и повернувшись спиной к московским героям, скажет им: «У меня другие заботы; может приблизиться минута восстановления Польши, и я не могу, следуя «не нашей» политике, неблагоразумно расточать силы»...

Г-н Дашинский доказывает, что польский народ потому не может стремиться к одной с русским революционным народом цели, что «польский народ» в смысле культурном гораздо выше русского.

И в этом случае с языка г. Дашинского срывается только то, чего он начитался в социал-патриотических газетах, которые он поглощал в течение многих лет...

«Русское правительство, — писала в январе 1894 г. ППС в своей однодневной газете «Работник», — является для нас не только правительством захвата, но и правительством народа, который стоит гораздо ниже нашего как в культурном, так и в экономическом смысле. Продолжительное владычество татар в России оставило свои следы в обычаях русского народа, приучило его к рабству, к оказанию властям божеских почестей, приостановило всякое просвещение. Освобождение от татарского ига и об'единение в одно государство всех русских

земель усилили могущество царей и сообщили в глазах народа их власти особый ореол, благодаря которому этот народ покорно и без протеста несет царское иго».

Даже тогда, когда в разных местах России началась массовая борьба и российская социал-демократия обратилась в могущественную силу, г. Дашинский читал в «Пшедсвит» [1]), что все это движение «некоординировано», бессильно и достойно презрения сравнительно с «позвоночным хребтом» польского пролетариата, т. е. с ППС... А в январе 1905 года, когда восстание двухсот тысяч петербургских рабочих дало сигнал к началу теперешней русской революции, ППС писала в «Пшедсвит», что «русский рабочий еще не проснулся»...

Г-н Дашинский вообще во всем своем письме говорит языком чистого «народовца», не признающего никаких общественных классов и классовой борьбы. Он видит только народы: «мы — поляки», «они — русские». В России теперь борются не классы, а «народы». «Русский народ», по мнению г. Дашинского, должен стремиться к уничтожению абсолютизма, а «мы, поляки», должны заниматься «восстановлением».

Но г-н Дашинский в данном случае высказывает, как политический муж, мысль совершенно не оригинальную: этому языку он научился в политической школе ППС. Разве русская социал-демократия уже несколько лет тому назад не упрекала ППС в этой «национальной» позиции?

Вот что писала «Искра», орган русской братской партии, в июле 1903 года:

«Мы, — говорит ППС, — должны ослабить царизм, оторвавши от него Польшу, а ниспровергнуть его должны уж сами русские товарищи. У ППС национальный вопрос исчерпывается противопоставлением: «мы» — поляки», и «они» — немцы, русские. Социал-демократ же на первый план выдвигает противопоставление: мы — пролетариат, они — буржуазия».

Подавляющее большинство польского населения, т е. крестьянство, после революции 1905 года, не являлось уже той однородной и косной массой, какую оно представляло по свидетельству Розы Люксембург в 1895 году. За это десятилетие процесс дифференциации среди польских крестьян совершался очень интенсивно, и в результате этого процесса они выделили из себя три слоя: 1) богатое крестьянство с определенным кулацким отпечатком, 2) малоземельное, бедняцкое, и 3) безземельных батраков. Эта дифференциация носила более резкий

---

[1]) Орган ППС.

характер, чем в России: Царство Польское почти не знало хозяйства середняцкого. Первый слой польского крестьянства во время революции 1905 года и последовавшей вслед за ней реакции шел за национал-демократией; второй же, не изживши еще вполне, несмотря на репрессии, которые в это время обращались и на него, чувства благодарности к русскому правительству, освободившему его от шляхетской неволи, держался в стороне от революционного движения. Что же касается батраков, то все их симпатии были определенно на стороне городского пролетариата, но постоянной связи с последним у них не было.

Таким образом польский городской пролетариат всю тяжесть революционной борьбы вынес на своих плечах. Понятно, что при таких условиях добиться решительной победы в своей героической борьбе с царизмом и буржуазией он не мог: поражение его было неизбежно, как неизбежна была и та полоса реакции, сопровождавшаяся самым диким правительственным террором, которая, начиная с 1906 года, надолго сменила революционный под'ем 1905 года и продолжалась вплоть до эвакуации русскими войсками Царства Польского в 1915 году.

III. ПОЛЬША ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.

Взрыв империалистической войны в 1914 г., как известно, создал на время среди населения воюющих держав так называемый гражданский мир. Значительная часть европейского пролетариата, одураченного своими соглашательскими вождями, позволила увлечь себя громкими фразами буржуазной «патриотической» прессы о борьбе за свободу, о последней войне, которая установит вечный и справедливый мир, и т. п. Словом, начало мировой войны представляло крайне печальную картину идейного порабощения масс буржуазией, единственной виновницей этой кошмарной войны.

Не то было в Царстве Польском: мировая война еще более углубила ту пропасть, которая существовала здесь издавна между буржуазией и рабочим классом. Мало того. Она способствовала об'единению всех революционных пролетарских партий Царства Польского для совместной борьбы с царизмом и буржуазией.

Буржуазия Царства Польского, распустившаяся пышным цветком под сенью покровительствовавших ей царских законов, с момента об'явления войны преисполнилась воинственным духом и готовностью поддерживать царское правительство в его борьбе за «свободу народов». Патриотический угар, охвативший буржуазию Царства Польского и ее подголосков, стал особенно резко проявляться после опубликования 14 августа 1914 г. главнокомандующим русскими армиями Николаем Николаевичем Романовым его прославутого манифеста к полякам, в котором выражается надежда на соединение «воедино под скипетром русского царя» всех трех частей Польши.

Вся буржуазия австрийской Польши, за незначительными исключениями, придерживалась «австрийской ориентации», т. е. рассчитывала на об'единение всех польских земель «под скипетром» австрийского императора.

Что же касается правого крыла австрийской ППС, то оно вступило в открытый союз с буржуазией «австрийской ориентации» и про-

поведовало борьбу за освобождение Царства Польского от царизма и воссоединение его с стальными частями Польши под властью Габсбургов.

Таким образом «патриотизм польских господствующих классов оказался продажным товаром. Польский буржуй, польский помещик, польский интеллигент-националист были на стороне не абстрактных интересов всего польского народа, но на стороне того государства, в пределах которого они жили [1]). Варшавские национальные демократы и реалисты, Дмовские и Стецкие, Пильцы и Радзивиллы, и сам... Свентоховский, стали стеной вокруг кровавого царя и подписали благодарственный адрес великому князю Николаю Николаевичу, который обещал Польше независимость. Краковские мещане, краковский епископ Бандурский и «социалист» Дашинский, как плющ, обвились вокруг трона Франца-Иосифа и стали призывать к борьбе с царизмом... Обособленность польского патриотизма в русской и австрийской Польше была очевидна еще до войны. Не было ни случайностью, ни результатом доводов рассудка то обстоятельство, что во время страстных споров на тему: «русская или австрийская ориентация?» австрийская ориентация господствовала в Кракове, а русская (конечно, не открыто, а в форме борьбы с «прусской опасностью») распространялась в Варшаве. Русская ориентация способствовала тому, что такие стоявшие вне подозрения патриоты, как Свентоховский или Немоевский, приходили в бешенство при одном упоминании о стремлениях к независимости, которые в их глазах были следствием немецкой или попросту даже еврейской интриги. В то же время галицийские живодеры поражали жителей Царства Польского необычайной силой своей ненависти к царизму, о котором не имели никакого понятия. Их орган «Нова реформа» подуськивал к войне с Россией, а галицийские социал-патриоты были единственной партией II Интернационала, которая не только не боролась с опасностью войны, но жила мыслью о войне под лозунгом «борьбы с царизмом»...

Идеологический центр тяжести ППС русской Польши уже и до войны находился не в рабочих массах Царства, которые отошли от этой партии, подчеркнув ее полную «независимость» от настроений пролетариата, а в эмиграции Галиции. В Кракове и во Львове собрались во главе с Пилсудским и меньшими героями, вроде Иодки и Л. Василевского, сливки пепеэсовской эмиграции, имевшие диктаторское влияние на членов партии, пребывавших в Царстве Польском. Здесь

---

[1]) Курсив подлинника. — *В. Д.*

организовались стрелковые дружины, которые под предводительством Пилсудского должны были в случае мировой войны вступить в пределы Царства Польского. Кажется, что в стрелковом союзе было больше членов, чем членов ППС в Царстве Польском.

Когда вспыхнула война, значение милитаристской группы в ППС еще более увеличилось. О какой-либо оппозиции социал-патриотизму в рабочих массах (Галиции. — *В. Д.*) во время военной диктатуры нечего было и говорить. Точно так же и в прусской Польше (Горная Силезия) пепеэсовцам при помощи немецкой полиции удалось сохранить свое влияние на рабочие массы и не допустить антимилитаристского движения» [1]).

Что же касается пролетариата Царства Польского, то он, находясь под влиянием СДЦП и Л. и отчасти под влиянием отколовшегося в 1906 г. от ППС левого ее крыла, так называемой «Левицы», ни на одну минуту не позволил увлечь себя шовинистическим бредом буржуазии и социал-патриотов и, продолжая занимать классовую позицию, выступил решительно против войны.

Немедленно же после об'явления войны варшавский пролетариат в некоторых рабочих районах вышел на улицу, выражая свой протест против войны путем многолюдных демонстраций. Стихийное возмущение рабочих масс Царства Польского начавшимся кровопролитием нашло себе выражение в специальном манифесте трех местных рабочих партий — СДЦП и Л, левицы ППС и Бунда, обращенном к пролетариату Польши. Этот манифест настолько знаменателен по близости его к чисто большевистским лозунгам, что нам кажется нелишним привести из него наиболее характерные места:

«Товарищи-рабочие! Кровавое зарево занялось над миром. Немного времени прошло с начала австро-сербской войны, а начались уже военные действия между Россией и Германией. Мы стоим теперь перед общеевропейской войной.

Из среды рабочих масс падут тысячи жертв. Нищета и голод ожидают миллионы рабочих. Всей цивилизации грозит уничтожение.

Кровью и железом обозначила преступная политика современных правительств пути капитала, жадно ищущего новых источников эксплоатации. Эгоистические интересы господствующих классов, хищные аппетиты к расширению «отечественного капитала» на все новые страны вызывают желание принять участие в дележе добычи. Реки

---

[1]) Г. Каменский, Из истории борьбы польского пролетариата, Гиз, 1926 г., стр. 8—11.

крови сотен тысяч сынов народа обращаются в золото для кучки угнетателей...

Не защита народных интересов, не борьба за человеческую и национальную свободу, не расовые противоречия вызвали эту войну. Противоречия интересов капиталистов разных стран, грабительская и захватническая политика современных буржуазных правительств — вот адские силы, толкающие народы на взаимное истребление. На страже мира, на страже всей европейской культуры стоит только международный рабочий класс...

Долой войну! Этот крик вырывается из грудей миллионов демонстрирующих рабочих разных стран и народов. Буржуазной политике — войне всех против всех — пролетариат противополагает свою международную солидарность, основанную на братстве духа, на общности социалистических стремлений. Пролетариат об'являет войну своим правительствам и угнетателям; приближается минута рабочей революции, слышны уже звуки революционного шага рабочих батальонов, штурмующих твердыни теперешнего капиталистического строя... Польский пролетариат будет стремиться к осуществлению своих требований согласно со всей системой рабочей классовой политики. Свободный от всякого шовинизма и национализма, пролетариат достигнет своей цели только путем революционной борьбы, выступая против всяких козней и мошенничеств дипломатов...

Товарищи-рабочие! Революционная политика, революционные действия пролетариата должны проявиться немедленно в полной силе и ясности; пролетариат и на будущее время должен остаться самостоятельной силой в борьбе с правительством, с капиталом и с национализмом.

Пролетариат должен стремиться к защите своих интересов от враждебных ему социальных сил. Чтобы победоносно разрешить свои задачи, он должен завоевать власть, захватить ее в свои руки»![1]).

Редакция этого манифеста принадлежала главным образом СДЦП и Л, которая, не ограничиваясь изданием этого манифеста, продолжала, несмотря на военное положение, реагировать на все события, связанные с войной: «и на поражения русской армии, и на обещания независимости со стороны воюющих, и на первомайский праздник, и на закон о городском самоуправлении. На организацию сыпались аре-

[1]) Воззвание краевого и главного правлений СДЦП и Л Центрального рабочего комитета ППС и Центрального комитета Бунда. Варшава, август 1914 г. (Цит. по брошюре Г. Каменского, Из истории борьбы польского пролетариата, Гиз, 1926, стр. 77—79.)

сты, силы ее уменьшались, но политическая ее линия оставалась непоколебимой. В политическом смысле партия продолжала итти вместе с большевиками, и ей удалось опять установить контакт с Центральным комитетом в Петербурге через специального делегата. Делегат этот привез в Варшаву тезисы Ленина о международном положении и задачах партии, которые подверглись обсуждению во всех районах» [1]).

С началом мировой войны пролетариат Царства Польского оказался в гораздо более тяжелом положении, чем пролетариат других частей тогдашней России, так как почти одновременно с призывом нескольких возрастов в войска здесь началось закрытие фабрик и заводов и их частичная эвакуация иногда вместе с квалифицированной рабочей силой внутрь империи. Во всех промышленных пунктах Царства Польского стала развиваться безработица, вызывавшая страшную нужду среди рабочих и их семей. Положение ухудшилось еще и тем, что значительная часть Царства Польского вскоре после начала войны была занята австрийскими и германскими войсками, которые, на-ряду со всевозможными контрибуциями и конфискациями, в свою очередь, разрушали фабрики и искусственно создавали безработицу, чтобы заставить польских рабочих переселиться в Германию и в Австрию для работ на тамошних фабриках или для тыловых работ по обслуживанию нужд армий. Все это не могло, конечно, не способствовать раздроблению сил польского пролетариата, не могло не внести в его ряды значительной доли растерянности и некоторой деморализации. Тем не менее основные кадры польского пролетариата продолжали сохранять свое революционное настроение и классовую позицию.

После эвакуации Царства Польского русскими войсками начинается период оккупации всей Польши Германией и Австрией. Оккупация эта сопровождалась со стороны германского и австрийского правительств громкими фразами об освобождении Польши от «русских варваров» и туманными — восстановить в ней «порядок и свободу».

Период оккупации не внес решительно никаких улучшений в положение польского рабочего класса: оккупационные власти, в лице немецких генералов, продолжали по отношению к нему политику царского правительства.

Подавляющее большинство польской буржуазии, желая, согласно со своей лакейской природой, снискать расположение новых господ, поспешило в первые годы же дни германо-австрийской оккупации изме-

[1]) Г. Каменский, Из истории борьбы польского пролетариата, Гиз, 1926, стр. 27.

нить свою «ориентацию». Теперь эта буржуазия лезет из кожи вон, чтобы доказать свою лойяльность по отношению к оккупационным властям, и с этой целью с пеной у рта набрасывается в своих газетах на русское правительство, перед которым только что пресмыкалась.

Германо-австрийская оккупация Польши была использована ППС для самой широкой социал-патриотической пропаганды, которая происходила при милостивом попустительстве оккупационных властей, видевших в ней одно из средств для достижения главной своей цели — использования польской живой силы для продолжения борьбы с Антантой. Поэтому эти власти милостиво разрешили Пилсудскому набирать новые легионы, но во главе их поставили ярого сторонника германо-австрийской «ориентации», генерала Дурского. С этой же целью начата была низкая комедия создания «независимой» Польши.

Первым шагом в этом направлении было издание 5 ноября 1916 г. генералами Безелером и Куком манифеста, провозглашавшего независимость Польши, и вслед за этим создание «Временного государственного совета», бывшего слепым орудием в руках германо-австрийского командования. Видную роль в этом совете играли пепеэсовцы. Эти оригинальные «социалисты» начали здесь свою «государственную» деятельность с ревностной поддержки проекта об избрании польского короля. Но проект этот не получил осуществления, так как он не входил пока в расчеты германского и австрийского правительств, и вместо королевской власти был создан своеобразный институт — «Высокий регентский совет» из трех лиц: архиепископа Каковского, князя Любомирского и Островского, которые являлись как бы блюстителями вакантного королевского престола.

Поддержка, оказываемая этим учреждениям пепеэсовцами, была в глазах оккупационных властей лучшим свидетельством благонадежности этих «социалистов», почему последние пользовались особым вниманием германо-австрийского командования, в то время как представители революционных рабочих партий подвергались всевозможным скорпионам вплоть до заключения в концентрационные лагери.

Необходимо отметить, что именно во время оккупации замечается усиление влияния ППС среди довольно значительной части доведенных до крайней степени обнищания и деморализации польских рабочих. Влияние это об'ясняется прежде всего тем, что при покровительстве ППС легко было получить работу, в которой всегда встречали отказ сторонники революционных рабочих партий. Но здесь нельзя, конечно, отрицать и значения шовинистического настроения, не без успеха

культивируемого ППС среди наименее сознательных кругов польских рабочих масс, в особенности после провозглашения независимости Польши, — настроения, почву для которого подготовил в свое время национальный гнет при царском режиме.

Что же касается основного революционого ядра польского пролетариата, то оно, продолжая сохранять свои классовые позиции, не обманывало себя насчет действительной цены этой независимости, о чем свидетельствует следующее воззвание Главного правления СДЦП и Л, изданное «по поводу кровавой комедии независимости» 6 ноября 1916 г.:

«Рабочие! Работницы! Предсказание о комедии независимости стало фактом. Наместник правительства кровавого кайзера об'являет вам радостную весть, что вы будете «независимыми»!

«Независимость» преподносят нам палачи польского народа, оккупационные германские и австрийские власти. Они, выпустившие потоки крови из собственных народов, несут нам свободу! После года оккупации Варшавы, после двух лет оккупации Лодзи и Домбровского бассейна, после бесконечного периода открытого грабежа, искусственной безработицы, эпидемий, голодной смерти эти самые палачи несут нам «свободу», «независимость»!..

Вы помните первый акт военного обмана — манифест Николая Николаевича. Царский солдат не скупился на обещания: он обещал Польшу, «свободную в вере, языке и самоуправлении». Ведь дело шло о подавлении масс, о том, чтобы толкнуть их в пучину военного безумия и дикой, кровожадной ненависти к «пруссаку». И Польша заплатила морем крови за каждую букву этого манифеста. Политическому обману аплодировали буржуазные дельцы, наживавшие на войне миллионы, а народ погибал массами...

Теперь мы видим тот же политический обман, идущий с другой стороны боевого фронта, тот же ничего не стбящий вексель обещаний, по которому нужно заплатить наличной кровью.

Все отняли у нас оккупационные грабители: остановили фабрики, выжали миллионные контрибуции, увезли продовольствие и рабочих. Одного они у нас взять не могли — пушечного мяса.

Но чего нельзя было взять силой, то можно взять хитростью; поэтому-то центральные правительства и решили нас «освободить». Они не могут заставить нас дать им рекрутов, так пробуют — не дадим ли мы их добровольно.

Участие Польши в войне, новом море крови — вот что значит этот дар «независимости».

«Независимая» Польша! Дипломатические мошенники сами смеются над этой «независимостью»...

Буржуазные военные вербовщики празднуют по случаю обнародования манифеста Безелера, декорируют дома, посылают благодарственные телеграммы в Берлин и Вену. А оккупационный кулак тяготеет над нами и после 5 ноября, как и раньше; манифест о «независимости» не дал нам ничего, кроме пустых обещаний. Дипломатический маневр, попытка запугать коалицию, оказать давление на Россию, поднять настроение среди немецкого народа, снискать расположение поляков — вот истинная цель манифеста.

Но польские приспешники берлинского правительства, поддерживая его шулерскую политику, преследуют свои собственные цели: они получат прибыль от этой продажи польской крови. Они получат часть власти и доходов. Им поручит немецкий империализм роль руководителей той машины, которая должна выжать из польского народа новую дань, дань кровью. Они сядут новыми паразитами на тело польского народа и заставят народные массы платить на содержание «польского правительства».

Плати, польский рабочий, вытягивай из себя жилы, неси в жертву свою жизнь, потому что этого требует от тебя собственное, польское правительство, шайка отечественных эксплоататоров и притеснителей.

Требуя войны, польской армии и польского правительства, гиены национализма восхваляют Пилсудского и подстрекают к бойне.

Позор тем капиталистическим кликам центральных держав, тем палачам Средней Европы, которые одевают теперь маску благодетелей и несут «независимость» на острие меча, чтобы вонзить его в нашу грудь!

Позор тем бандам холопов милитаризма, тем «государственникам» и другим агентам массовых убийств, которые хотят отуманить нас ядом «независимости»!

Позор той толпе обманщиков вдвойне, тем «польским социалистам», которые в замке у Безелера ищут вдохновения для своей политической агитации, которые знамя социализма и память бойцов за свободу позорят союзом с немецкой швалью! Позор им, паразитам социалистической фразы!..

Не довольно ли уже тех пяти миллионов трупов, которые покрыли поля резни восточного, западного и южного фронтов? Не довольно ли четырех миллионов калек, потерявших навсегда трудоспособность? Неужели же еще мало жертв? Неужели же польский народ, поделенный

между тремя государствами, должен теперь воздвигать еще новый, четвертый, трон и создавать ему славу потоками своей крови?

Рабочий люд ничего не ожидает от войны, от кровавой империалистической оргии: ни уничтожения народного угнетения, ни удовлетворения своих классовых требований. Социализм — вот наша единственная цель, единственная цель тех отрядов рабочего Интернационала, которые поднимаются для борьбы с войной» [1]).

В то время как большинство средней и мелкой буржуазии Царства Польского во время оккупации последнего австро-германскими войсками отказалось от своей русской ориентации и стало не за страх, а за совесть служить оккупационным властям, наиболее крупные представители крупной польской буржуазии и аристократии, покинувшие пределы Польши и проживавшие в это время за границей или в России, продолжали сохранять свою русскую ориентацию и наперерыв вступали в переговоры с царским правительством по поводу будущего устройства Польши на основаниях, указанных в известном воззвании Николая Николаевича к полякам [2]), опубликованном 14 августа 1914 года.

Воззвание это представляет собою настолько разительный пример елейно-выспреннего стиля царских манифестов, того стиля, которым затушевывались самые коварные намерения царского правительства, что не лишним будет привести это воззвание полностью:

«Поляки! Пробил час, когда заветная мечта ваших отцов и дедов может осуществиться.

Полтора века тому назад живое тело Польши было растерзано на куски, но не умерла душа ее. Она жила надеждой, что наступит час воскресения польского народа, братского примирения его с Великой Россией.

Русские войска несут вам благую весть этого примирения. Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ! Да воссоединится он воедино под скипетром русского царя! Под скипетром этим возродится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении.

Одного ждет от вас Россия — того же уважения к правам тех народностей, с которыми связала вас история!

С открытым сердцем, с братски протянутой рукой идет вам навстречу Великая Россия. Она верит, что не заржавел меч, разивший врага при Грюнвальде.

---

[1]) Г. Каменский, Из истории борьбы польского пролетариата, Гиз, 1926 г., стр. 94—96.

[2]) См. Центроархив, Русско-польские отношения в период мировой войны, «Моск. рабочий», 1926.

От берегов Тихого океана до северных морей движутся русские рати. Заря новой жизни занимается для вас.

Да воссияет в той заре знамение креста — символа страдания и воскресения народов!».

Рабочие массы Польши встретили это воззвание совершенно равнодушно, так как они понимали, что оно было издано царским правительством с единственною целью привлечь на свою сторону поляков и упоминанием о мече, «разившем врага при Грюнвальде», разжечь их вражду к немцам. Что такая оценка манифеста была совершенно правильной, свидетельствует тот факт, что царское правительство, несмотря на обещание создать «свободную» Польшу, не сделало ни одного шага, чтоб доказать, что оно к своим обещаниям относится серьезно, и до последней минуты своего господства в Польше, т. е. до ее эвакуации, продолжало управлять страной при помощи столь ненавистной для большинства польского населения полицейско-руссификаторской системы.

Правда, среди части царских министров и в особенности среди высшего командования русских армий раздавались голоса о необходимости сделать хоть небольшие «уступки» национальным требованиям поляков, но эти скромные голоса в конце концов уступали наиболее реакционным намерениям по отношению к Польше со стороны самого «самодержца» и его камарильи.

После эвакуации Царства Польского царское правительство по совершенно необ'яснимым причинам нашло своевременным расшифровать туманные фразы воззвания Николая Николаевича, и 19 июля 1915 г. председатель совета министров Горемыкин выступил в Думе со следующим заявлением:

«Государь император уполномочил меня об'явить вам, господа члены Государственной думы, что его величеством повелено совету министров разработать законопроект о предоставлении Польше по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под державным скипетром государей российских и при сохранении единой государственности» [1]).

Несомненно, что это заявление было сделано по предварительному соглашению между царским правительством и его сторонниками из среды наиболее видных представителей польской буржуазии: на польско-русском совещании в мае 1915 г. Роман Дмовский, представи-

[1]) Там же, стр. 117.

тель ее экономических интересов, требовал от царского правительства лишь «известной степени самостоятельности во внутреннем управлении польского края», а Владислав Грабский — реформ, которые «должны в Царстве Польском распространить основное понятие самоуправления на все то, что касается культуры и краевого хозяйства» [1]). Кстати будет отметить, что оба названных лица играют в настоящее время очень крупную роль в политической жизни современной Польши.

Что касается потомков польской феодальной аристократии, находившихся на царской службе, то они в своем пресмыкании перед царским правительством доходили до крайней степени падения. Так, например, граф Адам Замойский, официально числившийся ординарцем при Николае Николаевиче, а на самом деле игравший роль посредника в сношениях между последним и польской аристократией, не считал ниже своего графского достоинства играть роль самого обыкновенного шпика. В показаниях б. начальника штаба верховного главнокомандующего Янушкевича, данных Чрезвычайной следственной комиссии, мы читаем: «Арест доктора Завадского и освобождение его ввиду происшедшей ошибки в лице, подлежащем аресту, имел место по указанию графа Адама Замойского. Арест был вызван имевшимися в ставке сведениями о начавшихся среди польского общества антирусских движениях, грозивших безопасности армии. К концу 1914 г. и к началу 1915 г. выяснилось путем донесения контр-разведки, военной цензуры, а также информаций, доходящих до верховного главнокомандующего через графа Адама Замойского, что в разных местах в тылу армии, в пределах варшавского генерал-губернаторства, возникают тайные общества, имеющие целью вести антирусскую пропаганду и мешать успехам русской армии, а также клонящиеся к скорейшему заключению мира» [2]).

Понятно, что ни от царского правительства ни тем более от поддерживавших его кругов польской буржуазии и аристократии нельзя было ожидать честного и прямого признания за Польшей права на самоопределение. Только победоносная русская революция, сметя в феврале 1917 г. с лица земли царское правительство, а в октябре и власть буржуазии, положила конец притязаниям на Польшу со стороны официальной России.

Весть о Февральской революции была встречена польскими трудящимися массами с восторгом. Такое отношение к этой революции

[1]) Там же, предисловие Валецкого, стр. 6—7.

[2]) Там же, стр. 141.

об'ясняется как классовой солидарностью рабочих и никогда не умирающим среди них сознанием общности пролетарских интересов, так и тем исключительным положением, в котором тогда находился польский пролетариат. Оккупационные власти при активной поддержке ППС всю тяжесть репрессий, связанных с военным положением, обратили после Февральской революции лишь против тех рабочих, которые не желали итти на поводу у социал-предателей, т. е. против всего революционного пролетариата Польши.

Постоянные аресты, высылка из пределов Польши в Германию и в Австрию, отказ в работе, голод и эпидемии — все это сильно уменьшило количественно этот слой польского рабочего класса, но сломить его окончательно не могло, и первые известия о Февральской революции он встретил забастовками на целом ряде предприятий как в Варшаве, так и в провинции. Эта же революция вдохнула новую энергию в разгромленную оккупационными властями СДЦП и Л и заметно усилила ее подпольную работу среди польского пролетариата.

Боевое настроение варшавских рабочих проявилось особенно ярко в июне 1917 г. во время локаута, которому подверглись рабочие фабрик военного снаряжения.

«У рабочих фабрик военного снаряжения стали отнимать их завоевания (повышение заработной платы на 100% и признание фабричных комитетов; этого добились рабочие апрельской забастовкой того же года — *В. Д.*). Половина рабочих подверглась локауту, остальные ответили на это забастовкой и уличной демонстрацией.

Оккупанты приняли против рабочих энергичные меры. Когда рабочие пришли получать причитающуюся им заработную плату, фабрики были окружены полицией и войсками. Было арестовано 1 500 рабочих, которых на грузовиках повезли в цитадель. Но немецкие власти не учли революционного настроения варшавских рабочих. Военные грузовики натолкнулись у Вольской заставы на ряд баррикад, сооруженных рабочими, и были встречены градом кирпичей и камней, что повлекло за собой среди конвоя такую панику, что около тысячи арестованных успели скрыться. Начался бой, продолжавшийся в течение трех часов. В этом бою у нас было несколько раненых и один убитый (т. Звержинский), но и у противника было ранено три солдата и один полицейский; полицейский же, убивший Звержинского, был, в свою очередь, убит рабочими. Оккупантам удалось доставить в цитадель только 600 арестованных. Из них трое было расстреляно, все холостые были отправлены в лагерь для военнопленных, женатых же при помощи штыков погнали на работу.

Так ответили варшавские рабочие на русскую революцию» [1]).

Совсем иначе реагировала на Февральскую революцию польская буржуазия. При известии о победе русского пролетариата, под непосредственным давлением которого Российская империя превратилась в республику, из ее среды окончательно испарились остатки «руссофильства»: в ее глазах оккупационные власти с успехом могли осуществлять теперь в Польше ту излюбленную капиталистами всех стран «твердую власть», какую в течение многих лет осуществляло здесь царское правительство.

Октябрьская революция положила начало новому периоду русско-польских отношений, отношений, определявшихся с русской стороны безусловным и безоговорочным признанием за всеми нациями права на самоопределение, вплоть до образования ими независимых государств.

---

[1]) Г. Каменский, Из истории борьбы польского пролетариата, Гиз, 1926, стр. 62—63.

IV. СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ.

Несмотря на крайне тяжелые условия, в каких рабоче-крестьянскому правительству приходилось вести переговоры с правительствами Германии и Австрии в Брест-Литовске, оно не ограничилось всемерным отстаиванием интересов представляемого им государства, но сочло нужным выступить и на защиту оккупированной и доведенной империалистической войной до крайней степени разорения и унижения Польши. Так, т. Троцкий 3 февраля 1918 г. от имени русской делегации заявил в Бресте, между прочим, следующее: «...Мы целиком и без всяких ограничений признаем независимость польского народа и Польского государства... Но для нас очевидно, что эта независимость остается призрачной до тех пор, пока Польша находится под режимом военной оккупации. Именно, вследствие нашего признания независимости польского народа и Польского государства, мы не можем, не покушаясь на эту независимость, считать полномочными представителями польского народа лиц, назначенных оккупационными властями. Мы могли бы временно признать, в качестве правомочного представительства для самостоятельного участия в мирных переговорах, только такое представительство Польши, которое получило бы санкцию авторитетных органов самого польского народа. Принимая во внимание, что польский народ богат политическим опытом и что социальные и национальные стремления нашли себе выражение в сильных и устойчивых политических партиях, мы высказываем нашу уверенность в том, что временное представительство независимой Польши для участия в мирных переговорах могло бы быть создано немедленно путем свободного соглашения польских политических партий, опирающихся на народные массы и, в частности, на рабочий класс. Мы, со своей стороны, готовы признать такое полномочное представительство целиком, без всяких ограничений» [1]).

В то же время русская делегация предоставила возможность представителям польского пролетариата в лице тт. Бобинского и Радека

[1]) Красная книга НКИД, Гиз, 1920, стр. 13.

выступить во время брестских переговоров специально на защиту интересов трудящихся масс Польши. В своей декларации названные товарищи между прочим заявили:

«В прениях по вопросу о Польше не прозвучал еще голос непосредственно заинтересованной стороны, а именно — голос польского народа. Голос этот поднимаем теперь мы, польские участники общероссийской делегации, я и товарищ Радек. Мы говорим здесь не только как участники этой делегации, не только как выразители воли двухмиллионного населения так называемого Царства Польского, населения, загнанного войной в Россию, но одновременно и как представители пролетариата Царства Польского... Мы, представители населения так называемой конгрессовой Польши, участвующие в мирных переговорах как часть делегации Российской республики, обращаем прежде всего внимание гг. присутствующих на то, что здесь, на мирной конференции, нет представителей тех миллионов трудовых масс городов и деревень Польши, которые на своих плечах вынесли все тяготы и ужасы этой войны и судьба которых подлежит здесь окончательному решению.

Трудящиеся массы Польши, т. е. почти весь польский народ, считают величайшей несправедливостью то, что они здесь не имеют возможности защищать свои интересы и интересы своей страны.

Поэтому первым требованием трудящегося населения Польши является допущение его непосредственных представителей на эти мирные переговоры...

Важнейшим... из требований рабочий класс, как, впрочем, и другие группы населения Польши, считает удаление оккупационных войск до выборов и голосования и очищение Польши от всех учрежденных оккупационными властями правительственных органов. Без выполнения этого простого требования в полном его об'еме нельзя себе представить прочного и демократического мира, основанного не на явном насилии завоевателей.

Требование это было высказано Всероссийским с'ездом беженцев в ноябре 1917 г., на с'езде рабочих организаций в Варшаве в конце прошлого года, во многих воззваниях легальных и нелегальных, на митингах, собраниях и в речах всех групп населения Польши. Под этим лозунгом прошла всеобщая забастовка в конце января этого года в Варшаве...

Мы, от имени польского пролетариата, торжественно заявляем, что до сих пор только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы польского народа, и что, не будь Польша оккупирована, она уже в настоящее время обладала бы той же сво-

бодой, которою пользуются прочие народы России. Отказ же Германии вывести войска из Польши и скрывающееся за этим отказом намерение сделать Польшу орудием завоевательных стремлений Германии является скрытой аннексией и вмешательством во внутренние дела Польши. Вместе с тем эта политика поддерживает польские имущие классы в ущерб интересам польских трудящихся масс. Царский гнет заменен в Польше гнетом более современным. Польский рабочий класс, имеющий за собой в прошлом героическую борьбу с царизмом, никогда на это не согласится» [1]).

После военного разгрома Германии в конце 1918 года и очищения Польши оккупантами польская буржуазия, поддержанная ППС, не задумывается опять переменить свою ориентацию в пользу Антанты, при содействии которой провозглашает Польшу независимой республикой, конституция которой передает всю власть в руки буржуазии.

Правительство восстановленной Польши с первых же дней своего существования занимает враждебную и вызывающую по отношению к Советской России позицию. Несмотря на вполне определенно выраженное рабоче-крестьянским правительством желание вступить в интересах и польского и русского народов в постоянные дипломатические отношения с правительством Польши, последнее под всякими предлогами оттягивало разрешение этого вопроса и старалось использовать все возможности для обострения русско-польских отношений, вплоть до вмешательства во внутренние дела Советского государства.

«Правительство Морачевского протестует против всех необходимых мер самозащиты, которые советское правительство принимало по отношению к внутренним врагам в своей отчаянной борьбе за существование, поскольку эти меры касались польских граждан. Оно идет дальше: оно требует следствия и суда по поводу принятия советскими органами репрессивных мер против отдельных польских граждан, оно требует вознаграждения семействам последних. Оно протестует против установления советской власти в Литве и Белоруссии и против продвижения советских войск параллельно с возвращением на родину германских. В каждой депеше польского министра Морачевского к советскому правительству проявляются все новые требования, и перспектива возобновления сношений отсрочивается все больше и больше в будущее. Наконец, 2 января (1919 г. *В. Д.*) происходит зверский расстрел агентами польского правительства российской красно-крестной мис-

[1]) Красная книга НКИД, Гиз, 1920, стр. 15, 16, 17, 19—20.

сии, и на некоторое время обрывается нить переговоров между двумя правительствами» [1]).

После смены кабинета Морачевского кабинетом Падеревского наступает как будто бы улучшение советско-польских отношений, и в Москву прибывает со специальной миссией чрезвычайный представитель Польши Венцковский. Но переговоры советского правительства с ним относительно разрешения различных спорных вопросов вдруг прерываются неожиданным нападением польских войск, постепенно во время этих переговоров продвигавшихся по территории Советской республики, Литвы и Белоруссии, на главный город литовской республики — Вильно. Это было уже прямым вызовом по отношению к Советской России и повлекло за собой разрыв дипломатических сношений с Польшей.

Тем не менее советское правительство делает целый ряд попыток завязать переговоры с польским правительством о прекращении враждебных действий и установлении между двумя соседними государствами нормальных мирных отношений. Но даже на формальные предложение мира 22 декабря 1919 г. и 28 января 1920 г. советское правительство долго не удостаивается ответа, и польские войска, не ограничиваясь продвижением по территории Литвы и Белоруссии, начинают продвижение и на украинском фронте. Ответ на свои мирные предложения советское правительство получило только 27 марта 1920 г., причем польское правительство, соглашаясь на открытие переговоров, предлагает для них расположенный в зоне военных действий город Борисов.

«Польское правительство отвергает всеобщее перемирие, но соглашается на местное перемирие в борисовском участке, т. е. на абсурд в военном отношении. Польское правительство заявляет, наконец, что всякий дальнейший обмен мнений по этому вопросу бесцелен, и Российское правительство обращается уже к державам Антанты, указывая на то, что оно готово принять какое угодно место переговоров, лишь бы оно не находилось в зоне военных действий, что нет примера в истории, чтобы переговоры рухнули из-за отсутствия соглашения о месте их ведения, и что державы Антанты не будут в состоянии снять с себя ответственности, если возобновится при таких условиях кровопролитие. Ответа не получается — вместо того начинается польское наступление на Украину, и Пилсудский выпускает свой манифест к украинскому народу, предусматривающий занятие всей Украины польскими вой-

[1]) Красная книга, предисловие Чичерина, стр. 5.

сками, т. е. безбрежные империалистические перспективы, и советскому правительству не остается ничего другого, как только взяться за оружие для борьбы вместе с союзным украинским советским правительством против нападающего извне врага» [1]).

11 мая 1920 г. войсками Пилсудского был занят Киев. Этот факт вызвал необыкновенное ликование не только среди откровенно контрреволюционной польской буржуазии, но удостоился одобрения и со стороны польских «социалистов». Так, один из органов ППС, «Трибуна», по поводу занятия Киева пишет:

«Польские орлы в Киеве. Польская армия заняла линию Днепра. Украинская армия завоевывает города Украины. Правительство украинской директории делает первые шаги на территории, так недавно еще занятой русскими завоевателями. Украина начинает независимую государственную жизнь. От Балтийского до Черного моря падает под ударами польской армии двухсотлетнее русское могущество. Что русский меч завоевал и поработил, то польский меч освобождает. Русское господство возвращается в русские земли. На Востоке воскресают для независимого существования народы, которые русской бюрократией, идущей всегда вслед за русским войском, были лишены права даже мечтать о независимости!

В этом заключается глубочайший смысл побед польского оружия.

Взятие Киева, занятие линии Днепра заканчивают охватывающий полтора года период польско-русской войны. Уже возникли свободные государства: Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Украина. Их создали труды и лишения польских солдат и польского народа, великие жертвы миллионов польского населения.

Польша должна оттеснить тех, кто по примеру царей стал протягивать к Польше через Литву и Украину свою жадную руку» [2]).

Как характерен этот ура-патриотический тон, эта бесцеремонность в обращении с историческими фактами для польских социал-предателей!

От «Трибуны» не отстает и пепеэсовский «Напшуд», который разбойничий набег на Киев называет «единственной в своем роде войной за освобождение соседнего народа» и «результатом дальновидной политики Пилсудского» [3]).

Но в действительности эта политика оказалась не особенно дальновидной, так как уже 7 июня польские войска под натиском Красной

[1]) Красная книга, предисловие Чичерина, стр. 7.
[2]) «Tribuna», 15 maja, 1920.
[3]) Naprzód, 12 maja, 1920.

армии в панике оставляли Киев. Началось контр-наступление Красной армии.

В Польше в это время руководящая политическая роль принадлежала ППС, которая, ловко лавируя между национал-демократией и рабочим классом, всячески старалась использовать для своих целей вполне понятное в условиях того времени «патриотическое» настроение широких масс населения Польши, в памяти которого были так живы воспоминания о хозяйничаньи в этой стране царского правительства.

Воспользовавшись полной неосведомленностью большинства польского населения в происходивших событиях и низким уровнем его политического сознания, ППС во время контр-наступления Красной армии, несшей польскому рабочему люду освобождение от ига помещиков и фабрикантов, стала распространять в стране самые нелепые провокационные слухи. Так, она уверяла, что Красная армия уже ликвидирована, что восстановлена прежняя царская армия, во главе которой стоят прежние генералы; даже Буденного она титуловала генералом.

Цель этой гнусной лжи вполне понятна: пепеэсовцы таким путем пытались ненависть рабочих масс Польши к царскому правительству и к царской армии направить на советское правительство и Красную армию.

Тем не менее рабочие, находившиеся под влиянием Коммунистической партии Польши, возникшей 18 декабря 1918 г. из слияния левицы ППС с СДЦП и Л, при известии о вступлении Красной армии в пределы Польши внесли в Центральный совет ППС «предложение относительно об'единения всех сил польского пролетариата с целью ниспровержения власти имущих классов и передачи ее рабочим массам города и деревни. Это предложение Центральный Совет отклонил, утвердив зато одобренную уже раньше ЦИК ППС политику национального единения, нашедшего свое выражение в участии представителей ППС в коалиционном правительстве и в «Совете обороны государства». ППС вступила в коалиционное правительство, хотя, как потом утверждал депутат Дашинский в сеймовой речи от 27 января 1921 г., это правительство было лишь маской для реакционной политики буржуазии» [1]).

Контр-наступление советских войск против армий польских панов сопровождалось во всей Советской стране необыкновенным энтузиазмом. Не говоря уже о трудящихся массах населения, даже значительная часть буржуазии и офицеров старой армии выразила желание по мере сил и возможности способствовать победе Красной армии. Осо-

[1]) Ст. Ланцуцкий, ППС. Гиз, 1925, стр. 36.

бенного внимания заслуживает обращение одного из наиболее талантливых и честных генералов царской армии — Брусилова — к офицерам с призывом поступать на службу в Красную армию, причем сам он предложил свои услуги советскому правительству и был использован последним в качестве военного специалиста в Комиссии, разрабатывавшей технические детали предстоящей кампании.

Верховное командование и управление Красной армией находилось в руках народного комиссара по военным делам т. Троцкого; командующим западным фронтом был т. Тухачевский.

Характер этой войны был определен Лениным в следующих словах его речи в Московском совете, произнесенной 5 мая 1920 г.: «...Конечно, никто из вас не сомневается, и нельзя сомневаться в том, что эта война представляет собой одно из звеньев длинной цепи организованного сопротивления международной буржуазии.

Она является новой попыткой международной буржуазии задушить Советскую Россию, свергнуть советскую власть во что бы то ни стало какими бы то ни было средствами. Конечно, в этом отношении связь между этим нападением и прежними попытками международной буржуазии безусловно имеется. В то же время мы видим в нем и громадную разницу по сравнению с прежними попытками буржуазии задушить советскую власть. Вы знаете, какой громадный труд проделан русским пролетариатом для достижения того, что советская власть существует до сих пор. Вы помните, как самые ответственные и могущественные европейские министры заявили, и даже очень недавно, о том, что они готовят против России союз 14 держав [1]). Вы знаете, как их союз, поддерживаемый Францией, Англией и всесильными капиталистами, успел сплотить Юденича, Колчака и Деникина, как они строили грандиозный, в военном отношении довольно сильный, целостный, стройный, всеохватывающий план, и этот план был действительно разрушительный, и в то же время мы видели, что все их единство было только кажущимся, что все силы мировой буржуазии не выдерживали одного испытания, — испытания, в силу которого речь идет о том, чтобы действительно жертвовать собою ради достижения тех или иных реальных результатов. Трудящиеся массы тех стран, в конце

---

1) Лорд Черчилль, консервативный министр в коалиционном кабинете Ллойд-Джорджа и вдохновитель интервенции против Советской России, в декабре 1919 г. заявил в Палате общин, что Антантой организована против русской революции коалиция из 14 держав, считая в том числе малые государства, образовавшиеся на окраинах бывшей Российской империи (154 примеч. к XVII т. Собр. соч. Ленина, Гиз, 1925).

концов, не признавали справедливой империалистическую войну, и благодаря этому капиталистические державы, несмотря на свой могущественный союз, не могли осуществить свой разрушительный план; они оказались бессильными, так как ни в одной из держав организованный пролетариат не поддерживал единства их союза. Ни одна из капиталистических держав не могла до конца выдержать свой план удушения Советской России, потому что на русской почве французские и английские солдаты не были способны сражаться против Советской республики.

Если мы мысленно проследим, в каких отчаянных положениях была наша республика, когда она действительно стояла одна против всего мира, против держав, неизмеримо более могущественных, и как мы из всех этих тяжелых испытаний вышли вполне победоносно, то эти воспоминания дают нам ясный отчет в том, что мы имеем сейчас перед собой. Мы имеем план не новый, ничего похожего не имеющий с тем действительно всеобъемлющим единым планом, который мы имели полгода тому назад. Мы имеем обломки старого плана, и это дает нам гарантию безнадежности осуществления этого плана с точки зрения международного соотношения сил. В настоящий момент некоторые державы в союзе с маленьким из пограничных с нами государств пытаются сделать то, чего не удалось сделать всем империалистическим державам в союзе со всеми пограничными государствами. Хотя мы видим здесь обломки империалистического плана, тем не менее и в них буржуазия особенно проявляет свою цепкость. Она знает, что в столкновении с нами она борется за власть у себя дома; она знает, что имеет перед собой не русский вопрос и не польский, а вопрос своего собственного существования. Поэтому надо ожидать, что из всякого обломка этого плана они будут стараться воссоздать провалившийся план. Для нас всех ясно разногласие их интересов. Они не могут сделать ни одного серьезного шага, чтобы не разойтись в своих мнениях. Так, французам нужно возрождение шляхетской Польши, и они готовы для этого на все жертвы, а Англия, исходя из своего экономического положения, нуждается именно в раздроблении России и слабости Польши ради интересов своей торговли и колониальной политики...

Мы прекрасно знаем, что тот неприятель, который стоит перед нами сейчас, не страшен нам после того, что было уже пережито, но мы прекрасно знаем, что как только этот неприятель будет иметь хоть немного успеха, он будет способен причинить нам много серьезных бедствий, потому что буржуазные государства, которые сейчас оставляют его в стороне, не преминут примкнуть к нему, не преминут затормозить нашу работу и наше строительство.

Нужно сказать, что то наше правило, которого мы держались во все предыдущие войны, должно быть целиком применено и к этой войне, так как оно является существенным средством, которое всегда обеспечивает за нами огромный успех. Это правило сводится к тому, что, раз дело дошло до войны, все интересы страны и ее внутренняя жизнь должны быть подчинены войне» [1]).

Всю важность предстоящей войны сознавала и вся рядовая масса Красной армии, которая, несмотря на недостаток в предметах снаряжения и в продовольствии, несмотря на усталость от непрерывных походов во время не вполне еще окончившейся гражданской войны, обнаружила героический порыв, свойственный лишь революционным армиям. Увлеченная этим порывом, она на плечах бежавшего в панике врага вторгнулась в пределы Польши и с молниеносной быстротой продвинулась к западу, занимая Плоцк, Влацлавск, Млаву и совершая, таким образом, глубокий охват Варшавы.

При необыкновенной быстроте наступления нечего было и думать о надлежащем закреплении тыла и правильной организации снабжения армии всем необходимым, в особенности ввиду отсутствия запасов продовольствия в стране, истощенной за время империалистической и гражданской войн.

Революционный под'ем Красной армии привел ее под стены Варшавы, и судьба столицы Польши была, казалось, решена.

«Поход на Варшаву был следствием контр-революционных и захватнических планов польской политики, а не результатом стремления к «насаждению коммунизма посредством русских штыков». Советская Россия жаждала мира, стремилась к нему, добивалась его. Она не колебалась перед заключением мира с буржуазными государствами, ибо ведь заключила же мир с Эстонией, Латвией, Литвой, Финляндией, Грузией, не навязывая этим странам советского режима штыками. Она готова была заключить мир и с буржуазной Польшей, готова была... дорогой ценой купить этот мир, добивалась его всеми силами. Но если буржуазное польское правительство отклоняло все мирные предложения, необходимо было принудить его к миру вооруженной силой. Если же в силу военной необходимости Красная армия должна была вступить в польские земли, то из этого вытекали социальные и политические последствия. Этими последствиями было введение системы советов.

Война имеет свою внутреннюю логику. Она не состоит исключительно из кровавых сражений борющихся друг с другом армий, но од-

[1]) Н. Ленин, Собр. соч. Гиз, 1925, т. XVII, стр. 202—205 («О войне Польшей»).

новременно требует целого ряда хозяйственных и административных мер. Когда война ведется между двумя государствами одного и того же социального типа, например, между капиталистическими государствами, вступающая на территорию противника армия создает «оккупационную власть» в административных целях. Конечно, при этом капиталистический строй сохраняется, но политические отношения подвергаются радикальным изменениям... Иначе обстоит дело, когда война ведется между двумя государствами различных социальных типов. В таком случае армия, вступающая на территорию противника, вводя гражданскую администрацию по типу своего государства, в силу необходимости разрушает существующий в оккупационной стране социальный строй. Когда в конце XVIII и в начале XIX века войска революционной Франции вели войну против коалиции контр-революционных государств и должны были для защиты революции вступить в Италию, области Австрии, Пруссию и Испанию, они разрушали старый строй, уничтожали крепостное право, разгоняли сословные представительства, «выметали пыль веков» и вводили буржуазный строй, покоящийся на «равенстве перед законом». Точно так же в колониальных войнах последнего времени французская и английская армии, вступая в азиатские страны, разрушали местный строй.

Красная армия пролетарского государства, вступая в буржуазную Польшу, разрушала буржуазный строй и выметала сор капитализма, уничтожала права собственности фабрикантов и аграриев, вводила систему советов крестьянских и рабочих депутатов, стремилась передать рабочим вырванную у буржуазии власть. Иначе быть не могло. Солдат революции, уничтоживший у себя дома господство аграриев и буржуазии, не мог в Польше являться силой, поддерживающей строй, при котором господствуют буржуазия и аграрии.

Но мы отдавали себе отчет в разнице условий в Польше и России и поэтому стремились к тому, чтобы польский рабочий как можно скорее получил возможность введения своей власти в городе и деревне. Поэтому, с согласия Российской коммунистической партии и при участии ее и командования Красной армии, в момент вступления Красной армии в Польшу возник Временный польский революционный комитет, задачей которого было содействие польским рабочим и крестьянам в проведении советской системы» [1]).

Польская буржуазия, духовенство и ППС сделали все, чтобы разжечь самую дикую вражду населения против Красной армии, изображая

---

[1]) Ю. Мархлевский, Война и мир, стр. 20—22, Гиз, 1921.

ее носительницей захватнических идеалов столь ненавистной полякам царской армии. В особенности в этом отношении отличалась ППС.

«В партийной прессе и на собраниях начались отвратительные националистические оргии.

Рабочий народ! Топчи москалей, как гадов.

Их трупами устилай землю!».

Вот какую «революционную песню», согласно напечатанному в «Работнике» [1]) проекту «нового пролетарского гимна», должен был петь «Рабочий полк обороны Варшавы»!

Борьба классов была провозглашена преступлением.

«Теперь, — писал «Работник», — может быть речь только об обороне и мире. Всякие другие планы, мысли, намерения являются симптомами более ужасной болезни, чем мор, холера, чума, — являются сознательным или бессознательным признаком пораженчества».

В июльские и августовские дни 1920 г. ППС ничем решительно не отличалась от наиболее реакционных организаций. Представитель ППС в «Совете обороны государства», депутат Барлицкий, зашел так далеко, что позволил себе от имени этого совета огласить 8 июля 1920 г. следующее воззвание к солдатам:

«Не народ русский,—читаем в этом воззвании, — является врагом, посылающим все новые силы в бой; врагом этим является большевизм, который, наложив на русский народ ярмо новой ужасной тирании, пытается в нашей земле, земле Косцюшки, земле святых могил и крестов, установить свою мрачную и кровавую власть».

Итак, польские крестьяне и рабочие должны были истекать кровью, чтоб вытаскивать из огня каштаны для международной реакции, польские штыки должны были ниспровергнуть правительство русского пролетариата и опять установить на Востоке буржуазные порядки! В борьбе против русской революции Барлицкие, Дашинские и т. п. открыто стали в один ряд с контр-революционерами всех стран [2]).

ППС не постеснялась в это время прибегнуть и к излюбленному царскому средству для пробуждения в темных массах польского народа человеконенавистничества — к антисемитизму.

Пепеэсовская газета «Газета Работнича» в номере от 15 августа 1920 г. пишет:

«Наш братский орган «Работник» сообщает, что появились уже общественные отбросы, которые хотят вызвать в Польше гражданскую

---

[1]) Орган ППС.

[2]) Ланцуцкий, ППС, стр. 37.

войну. Большевики уже создали свое правительство для Польши под названием «Революционный комитет Польши». Вот фамилии отщепенцев, которые собираются стать могильщиками Польши:

Юлиан Мархлевский (Карский), поляк, католик.

Феликс Кон, еврей.

Иосиф Уншлихт, еврей.

Феликс Дзержинский, поляк, католик».

Слова: поляк, католик, еврей отпечатаны жирным шрифтом. Отсюда понятно, что авторы статьи имели в виду вызвать в читателе мысль, что коммунисты, это — по преимуществу евреи и их прислужники» [1]).

Эта гнусная агитация находила среди польского населения, не успевшего притти в себя после ужасов империалистической войны, подходящую почву, и революционная советская армия, несшая освобождение многомиллионному закабаленному буржуазией польскому рабочему люду, чувствовала себя в занятых ею областях окруженной со всех сторон враждой и изменой. Что же касается сознательных, передовых слоев городского пролетариата Польши, несомненно сочувствовавших советской власти, то польское правительство, воспользовавшись войной с «большевиками», постаралось путем страшных репрессий дезорганизовать их и загнать в подполье.

Все это, конечно, создавало самую неблагоприятную обстановку для действий Красной армии, проникнувшей далеко в глубь Польши. К тому же «поход Красной армии на Варшаву оказался стратегической ошибкой. Она была разбита вооруженной силой Польши. Не наше дело докапываться до причин этого поражения, мы должны это предоставить знатокам военного искусства. Политически это наступление все же имело последствия: теперь, наконец, польское правительство согласилось на серьезные мирные переговоры, согласилось, вопреки ясной и резко выраженной воле своего повелителя, французского правительства» [2]).

В результате этих переговоров был заключен в Риге 18 марта 1921 г. русско-польский мирный договор. Со стороны Польши это был мир грабительский, империалистический, так как в результате его она захватила обширные территории, населенные белоруссами и украинцами, насильственно отторгнув их от советских Белоруссии и Украины.

И в деле заключения этого мира польские «социалисты» сыграли по обыкновению гнусную, предательскую роль.

---

1) Ланцуцкий, ППС, стр. 65.

2) Ю. Мархлевский, Война и мир, стр. 37

«Позиция, занятая ППС во время мирных переговоров, вполне соответствовала ее националистическому характеру. ППС в трогательном согласии с Грабскими и прочими национал-демократами работала над тем, чтобы принести русскому пролетариату как можно больше вреда.

Прелиминарный договор был подписан во время военного перевеса Польши, и польская делегация (с участием Барлицкого и Перля [1]) в должной мере использовала этот перевес».

Заключенный в Риге мир был принят ППС с удовлетворением. «Союз польских социалистических депутатов» голосовал в сейме за ратификацию рижского договора, а Главный совет ППС в своем заседании от 25 октября 1920 г. вполне одобрил позицию своих представителей в сейме. По Рижскому договору к Польше перешла значительная часть белорусских и украинских областей, в которых польская народность составляет совершенно ничтожное меньшинство. Рижский договор в полной мере осуществил захватнические цели национал-демократов и уничтожил мелкобуржуазные федералистические иллюзии ППС и Пилсудского. Этот мир сделал вполне очевидным империалистический характер войны с Россией. Но, несмотря на это, искушенные во лжи и обмане вожди ППС выставляли этот мир как мир, основанный на полюбовном соглашении сторон.

В речи, произнесенной в сейме 14 апреля 1921 г., д-р Феликс Перль заявил следующее:

«Мы приветствуем этот мир и потому, что он основан на взаимном соглашении. Правда, Радек в советской прессе пытался утверждать, что это — мир польских империалистов, но это было лишь полемическим маневром Радека. Сам Ленин признал, что уже во время спора о Борисове большевики готовы были отдать больше, чем отдали потом. А если это так, то не может быть и речи о том, что мы обижаем Россию».

В одном из номеров «Работника» (от 6 сентября 1921 года) мы находим следующие строки:

«Нельзя говорить о том, что Польша силою заставила Россию подписать мир, или чтоб этот мир обижал ее. Почти каждый пункт мирного договора является результатом компромисса, к которому стороны приходили после очень продолжительных дебатов... Своей победой мы добились мира, основанного на взаимном соглашении» [2].

---

[1] Видные пепеэсовцы. *В. Д.*

[2] Ст. Л а н ц у ц к и й, ППС, стр. 37—38.

Вот как польские «социалисты» лезли из кожи вон, чтобы оправдать безбрежные империалистические замыслы своей буржуазии!

Русско-польская война была страшным бедствием для трудящихся масс и Советской России и Польши. Неудивительно поэтому, что заключение Рижского мира, несмотря на то, что многие условия его были не «результатом компромисса», а самого настоящего насилия, было встречено в обеих странах с большим удовлетворением. Казалось, что в истории польско-русских отношений открылась новая страница.

«С какой радостью был встречен Рижский договор и в России, и на Украине, и точно так же в Польше! Всякому памятно, как восторженно ликовали народные массы в Польше, когда получилось известие о подписании рижского договора. Перед народами Восточной Европы открывался новый период мирной, добрососедской жизни, ликвидации и забвения прежних многовековых конфликтов. Те приветствия, которыми обменивались правительства этих стран, точно так же, как те демонстрации, в которых выражалось настроение широких масс, одинаково были проникнуты уверенностью в прочности начавшихся мирных отношений, столь необходимых всем участникам договора. Основные, элементарнейшие интересы этих народов диктовали им мир и дружбу между собою и тесное экномическое сотрудничество. Напрягающие всю свою энергию и все свои силы для своего хозяйственного восстановления советские республики рассчитывали на экономическое содействие Польши, которая, со своей стороны, во всей своей экономической жизни ощущает самую настоятельную потребность в хозяйственных связях с Россией. Казалось, все должно было толкать и ту и другую сторону на путь все более тесных добрососедских отношений и экономической совместной работы. И, тем не менее, империалистической правящей группе Франции удалось при помощи крайне малочисленной, но политически могущественной части польских правящих кругов не только помешать делу примирения и сближения обоих народов, но и толкнуть польское правительство на путь новых враждебных предприятий против советских республик» [1]).

Враждебное отношение польского правительства к Советской России стало проявляться сейчас же после заключения Рижского мира, выражаясь в совершенно необоснованных официальных обвинениях советского правительства в агитации против установившегося в Польше государственного строя, в бешеной травле в печати Российской репатриационной комиссии, прибывшей в Варшаву, в зверском обращении

[1]) Советская Россия и Польша, изд. НКИД, 1921, стр. 3.

польских властей с русскими пленными в лагерях для военнопленных, в нежелании польской делегации по установлению точной границы с Советской Россией и Украиной строго придерживаться постановлений на этот счет Рижского договора, в нежелании польского правительства установить нормальные дипломатические отношения с советским правительством.

Но наиболее серьезным препятствием к установлению добрососедских отношений между двумя соседними государствами служила поддержка, оказываемая польским правительством русским контр-революционным организациям, обосновавшимся на территории Польши и возглавляемым Савинковым, Петлюрой, Балаховичем и другими врагами советской власти. Эти организации подготовляли и осуществляли беспрестанные набеги на советскую территорию, сопровождаемые нападениями на пограничные посты и грабежом мирного населения.

Советское правительство, желая оградить миллионы трудящихся Советской России и Польши от нового кровопролития, в своих сношениях с польским правительством, явно провоцировавшим столкновение, проявляло необыкновенную выдержанность и спокойствие [1]). Только благодаря миролюбивой политике нашего Народного комиссариата иностранных дел в высшей степени натянутые в 1921 г. отношения между Советской Россией и Польшей не повлекли за собой взрыва новой войны. Той же политике народы СССР и Польши обязаны тем, что бо́льшая часть ру́сско-польских недоразумений была постепенно ликвидирована, и крайне натянутые отношения между названными государствами уступили место более нормальным отношениям, которые в настоящее время основываются на взаимной заинтересованности обоих народов в мирном экономическом сотрудничестве.

---

[1]) См. дипломатическую переписку между Советской Россией и Польшей, опубликованную НКИД в 1921 г. в брошюре «Советская Россия и Польша».

V. «ОСВОБОЖДЕННАЯ» ПОЛЬША.

Современная Польша, созданная волей держав-победительниц, своим существованием обязана прежде всего русской революции. Октябрьская революция, положившая конец участию России в империалистической войне, отказ русских революционных масс от всяких аннексий и контрибуций, связанных с этой войной, безусловное и безоговорочное признание рабоче-крестьянским правительством права всех народов на самоопределение, вплоть до образования ими независимых государств, — вот предпосылки, при которых только и возможно было восстановление Польши. Совершенно, конечно, очевидно, что, при условии участия России в союзе с победоносной Антантой в войне «до победного конца» и сохранения в России царского строя, о независимости Польши не было бы и речи.

Если французское правительство на Версальском конгрессе настойчиво и упорно отстаивало проект создания «великой» Польши, то в данном случае оно руководствовалось вовсе не бескорыстными симпатиями к многострадальной Польше, а исключительно ненавистью к Советской России, желанием создать на ее западной границе смертельного врага в виде шляхетского государства. С царской Россией Франция говорила бы о судьбах Польши, конечно, совсем другим языком.

Пользуясь покровительством и финансовой помощью Антанты, а также затруднительным положением революционной России, принужденной вести отчаянную борьбу с вооруженной контр-революцией, и Германии, обобранной до нитки Версальским договором, Польша с первых же дней своего «независимого» существования стала вести «великодержавную» политику, направленную на захват того, что у ее соседей плохо лежало.

В настоящее время Польша занимает обширную территорию (около 390 тыс. *кв. км*) с населением около 27 млн. человек. Наиболее крупными ее частями являются: б. Царство Польское (русская Польша), Познань, Западная Галиция, Поморье, Цешинская Силезия, Верхняя Си-

лезия и так называемые восточные «кресы» (окраины) — восточные части Белоруссии и Украины.

Бо́льшая части Польши представляет собой равнину с плодородной почвой, на которой кое-где встречаются обширные песчаные и заболоченные места, не мешающие, впрочем, Польше быть страной по преимуществу земледельческой.

Польша издавна славилась своими лесами, но в настоящее время от них остались жалкие воспоминания: даже знаменитая Беловежская пуща значительно поредела в результате хозяйничанья в Польше оккупационных властей, а затем польской буржуазии, которая стала распродавать за бесценок леса, как и все прочие национальные богатства Польши, иностранцам с целью поддержания непрерывно падающей польской валюты.

Из ископаемых богатств Польши на первое место нужно поставить мощные залежи каменного угля в Верхней Силезии, в Домбровском бассейне и в Краковской области. Но уголь этот невысокого качества и не может поэтому конкурировать с английским и русским. В довольно значительном количестве добывается нефть в Восточной Галиции и соль в Карпатах (знаменитая Величка). Залежи металлических руд в Польше не велики и не могут итти ни в какое сравнение с запасами ее топливных богатств.

Главное занятие большинства жителей Польши составляет земледелие, которым занимается около 63% всего населения (16 532 604 чел. из общего числа жителей Польши, составляющего по переписи 1921 г. 26 380 399 чел.). Как же распределяется земля между населением? Ответ на этот вопрос дают следующие цифры [1]):

безземельных в Польше	2 513 000	в круглых цифрах.
имеющих менее 5 *га* земли в Польше	8 094 000	
свыше 5 до 20 *га* » » . . .	5 072 000	
» 20 *га* » » . . .	851 000	

Отсюда ясно видно, что значительная часть земледельческого населения Польши представляет собой наемных земледельческих рабочих, а большинство его нужно отнести к малоземельным крестьянам.

Земельный голод испытывается польскими крестьянами издавна, и одна из главных его причин лежит в сосредоточении земли в руках крупных землевладельцев. Выхода из создавшегося тяжелого положения крестьяне до мировой войны искали в эмиграции.

---

[1]) Феликс Кон. Современная Польша, «Красная Новь», 1924, стр. 63—64.

Польские крестьяне эмигрировали тогда главным образом в Сев.-американские соединенные штаты. В Америку прибыло эмигрантов:

в 1905 г.	102 437	в 1910 г.	128 348
» 1906 »	95 835	» 1911 »	71 446
» 1907 »	138 033	» 1912 »	85 163
» 1908 »	68 105	» 1913 »	174 365 [1])
» 1909 »	77 565		

В 1921 году в Сев.-Американские соединенные штаты эмигрировало всего 19 725 человек, в том числе женщин и детей 17 011.

«Современная польская эмиграция и качественно и количественно резко отличается от довоенной. До войны она носила активный характер: эмигрировали по собственной инициативе и на свои средства. Теперь эмиграция имеет пассивный характер, и большинство эмигрантов (женщины, дети и престарелые родители) уезжают к родным на присылаемые им деньги или с удостоверениями на бесплатный проезд.

На уменьшение эмиграции влияет прежде всего дороговизна стоимости проезда... Другой причиной, тормозящей эмиграцию в Америку, является билль Диллингхэма, согласно которому из каждой европейской страны может эмигрировать в Америку не более 3% общего числа проживающих уже в Америке эмигрантов из этой страны» [2]).

Уменьшение эмиграции естественно способствует увеличению в деревнях числа свободных рабочих рук, тем более, что в настоящее время они не находят себе работы и в промышленности: польская промышленность не может уже занять и квалифицированных рабочих.

При таких условиях неизбежно было развитие среди польского деревенского люда той страшной нищеты, о которой в один голос кричат как польские, так и иностранные источники. Здесь «цифра безработных перешагнула за миллион. Половину батраков и других наемников из деревенского населения (ок. 9 млн.) составляют полубезработные крестьяне, которые не находят себе убежища в польских городах и за границей, где раньше можно было найти работу... И вот деревня представляет собой переполненный кипящий котел без клапанов» [3]).

Число промышленных рабочих в Польше до мировой войны по отношению к общему числу ее населения было очень значительно и доходило до 1 100 000 человек [4]). За время мировой войны, в результате

[1]) Крушевский и Здзярский, Быт рабочих в Польше. Гиз, 1924, стр. 126.

[2]) Там же, стр. 131.

[3]) Ю. Лещинский, Куда идет Польша. Гиз, 1926, стр. 6—7.

[4]) Крушевский и Здзярский, Быт рабочих в Польше, стр. 9.

тех мер, которые применялись по отношению к польским рабочим воюющими сторонами, класс польских промышленных рабочих фактически перестал существовать: рабочие частью были призваны в войска, частью насильственно были эвакуированы в Россию, Германию и Австрию, частью разбрелись по деревням вследствие разрушения и разграбления фабрик. Этим в значительной степени об'ясняется тот факт, почему польской буржуазии так легко удалось создать свою «светлейшую республику».

С 1919 г. наблюдается постепенное восстановление польской промышленности и увеличение числа занятых в ней рабочих. Но процесс этот не имел под собой прочной и здоровой базы и сопровождался вследствие этого рядом экономических кризисов, завершением которых является кризис, разразившийся в конце 1925 г. и неизжитый до настоящего времени.

Вот как изображают экономическое положение Польши в это время представители польской буржуазии в своем докладе президенту польской республики Войцеховскому:

«Хозяйственная жизнь Речи Посполитой замирает с каждым днем. Безработица растет беспрестанно... Вскоре окажется, что меньшинство должно будет кормить большинство. Эту задачу никто не осилит. Некому продавать, ибо крестьянину, рабочему и служащему не на что покупать. Ремесленные предприятия разделяют участь промышленности. Торговля никогда еще не была в столь плачевном положении. Господин президент! Все производство в Польше замирает. Многие предприятия погибли безвозвратно. Нам нельзя ждать ни одной минуты» [1]).

Такими красками рисуют положение господа капиталисты и помещики в официальном документе, адресованном главе своего государства. Кажется, что дальше итти в этом направлении уже некуда. Их семилетнее господство основательно разрушило хозяйственную жизнь страны и бросило многомиллионные массы народа в бездну нищеты и голода.

Основные центры промышленности постиг полнейший кризис. Замерли столь крупные угольные районы, как Верхняя Силезия и Домброва, закрылись крупнейшие фабрики в Лодзи — в этом Манчестере польского текстильного производства — перестали дымить трубы многочисленных, великолепно оборудованных фабрик Бельского района, приостановилась промышленность Белостока и других фабричных городов

1) Цит. по брошюре Лещинского «Куда идет Польша», стр. 5.

и местностей Польши. Общее количество зарегистрированных безработных в промышленности достигло уже в конце минувшего года круглой цифры 300 тыс., т. е. около 40% всего количества промышленных рабочих, тогда как в классической стране безработицы на Западе — в Англии — этот процент не превышает 10.

Безработица растет не по дням, а по часам. Официальная статистика отмечает приток 12—15 тыс. промышленных безработных за каждую неделю.

Фактические цифры безработных далеко превосходят данные казенной статистики. Государственная регистрация не распространяется на мелкую промышленность и не охватывает сотен тысяч полубезработных, работающих 2—3 дня в неделю. В общем итоге безработица, наверно, поразила около полумиллиона, т. е. 70% промышленного пролетариата. Считая по четыре человека на одну семью, мы получим 2 млн. голодающих пролетариев, которые сделались жертвами грабительского хозяйничанья польских капиталистов.

Кроме того, безработица постигла многие десятки тысяч трудовой интеллигенции, которая тоже умирает с голоду.

Только незначительная часть безработных в городах и промышленных районах получает жалкое вспомоществование, на которое невозможно существовать. Так, например, в столице польской республики — Варшаве — из 20 000 зарегистрированных безработных в конце минувшего года получала эту жалкую помощь лишь одна тысяча рабочих. Очень часто вместо денег городские управления выдают гнилой картофель и непригодную для выпечки муку» [1]).

Если мы примем во внимание, что число официально зарегистрированных безработных на 7 марта 1926 г. достигло в Польше 354 382 человека, а всего во всей средней и крупной промышленности (свыше 20 рабочих на одно промышленное предприятие Польши, не считая транспорта) работало всего около 600 000 рабочих, то процент безработных окажется гораздо значительнее приведенного выше.

Из 358 000 безработных, зарегистрированных на 27 февраля 1926 г., пособие получали лишь 151 830 человек. Это пособие выдавалось в самых ничтожных размерах и всего лишь в течение 13 недель. Но и эти пособия рабочие получают не из карманов капиталистов, а из отчислений из зарплаты рабочих и из налогов, собираемых главным образом с рабочих и крестьян [2]).

---

[1]) Ю. Лещинский, Куда идет Польша, стр. 5—6.

[2]) Бартошевич, Письмо из Варшавы («Правда» от 18 апреля 1926 г.).

При таких условиях массы трудового населения Польши, лишенные работы, находятся в самом отчаянном положении. Доведенные голодом и нищетой до полного отчаяния, массы безработных, сконцентрированные в наиболее промышленных центрах, уже не ограничиваются обычными шествиями, а постепенно переходят к более активным приемам революционной борьбы.

За время с декабря 1925 г. по май 1926 г. в нашей и польской печати отмечено свыше 30 выступлений безработных. Эти выступления имели место в Варшаве, Лодзи, Домбровском бассейне, Вильне, Калише, Быдгощи, Жирардове, Перемышле, Влоцлавске, Ченстохове, Заверце, Стрые, Люблине, Львове, Томашове, причем выступления безработных в таких промышленных центрах, как Варшава и Лодзь, никогда в сущности не прекращаются.

Против голодных безработных польское правительство посылает отряды полиции и войск, которые пускают в ход не только револьверы, сабли и приклады, но и ручные гранаты, заряженные удушливыми газами, что имело место, например, в Заверце в декабре 1925 г.

Особенной жестокостью отличалась кровавая расправа с безработными в Калише 9 февраля 1926 г.

В этот день безработные в количестве около 800 человек направились к зданию городской управы с требованием предоставления им работы или выдачи пособий. Городской голова отказался выслушать выбранную безработным делегацию и, видя возбужденное состояние толпы, вызвал отряд конной полиции, которая атаковала безработных, но была обращена ими в бегство. Возбужденные безработные ворвались в здание Городской управы и стали громить ее канцелярию и разыскивать виновников вызова полиции. Найдя гороского голову, толпа избила его до потери сознания.

После этого безработные бросились к тюрьме, чтобы освободить политических заключенных, но не были туда допущены охраняющим тюрьму воинским отрядом. В городе поднялась паника: закрылись магазины, из учреждений чиновники разбежались. Против безработных была выслана одна из местных воинских частей, но она поколебалась и была возвращена в казармы.

Власть в городе была передана в руки военного командования, которое, вызвав войска из соседних районов, приступило к подавлению движения. Безработные, будучи окружены со всех сторон войсками, вступили с ними в настоящий бой, защищаясь камнями и палками, но в конце концов должны были уступить вооруженной силе. Ночью начались аресты и избиения рабочих. В результате столкновения безработ-

ных с полицией и войсками со стороны безработных было убито девять рабочих и около 60 ранено. Со стороны полиции было двое убитых.

На следующий день, 10 февраля, безработные собрались на митинг у здания кинематографа, где должен был выступить с речью по поводу происшедших событий депутат сейма, член независимой крестьянской партии Головач. Как только открылся митинг и на трибуне появился Головач, полиция стала разгонять собравшихся. Безработные стали защищаться, пустив в ход камни и бутылки. Тогда полицейские дали несколько залпов по толпе и, набросившись на Головача, избили его, несмотря на пред'явление им депутатского мандата. Во время этого столкновения было ранено несколько рабочих.

Как же отнеслись польские власти к этим событиям? Они нашли, что калишский староста (высшее административное лицо в округе) действовал недостаточно энергично, и поэтому устранили его от должности.

Мы остановились на выступлении безработных в Калише не потому, что оно представляется явлением исключительным: напротив, подобные выступления рабочих и столкновения их с полицией и войсками повторяются в Польше изо дня в день во всех более или менее крупных промышленных центрах.

Положение рабочих, занятых в производстве, немногим лучше положения безработных: при безостановочно растущей дороговизне, стремительно падающей валюте и низком уровне заработной платы даже наиболее квалифицированные рабочие сплошь и рядом живут впроголодь. Что же говорить о тех рабочих, которые работают 3—4 дня в неделю, а таких рабочих половина из общего числа в 600 000?

Естественно, что при таких условиях среди польского пролетариата ширится революционное настроение. Это настроение выражается в усиливающемся влиянии на широкие трудовые массы КПП и отходе их от ППС и НРП (Национальная рабочая партия), сумевших со времени создания «независимой» Польши привлечь в свои ряды значительное число рабочих.

За последнее время [1]) революционные выступления польских рабочих заметно увеличиваются. Из этих выступлений необходимо отметить: забастовку трамвайных рабочих, рабочих кожевенной промышленности, служащих телефона, брожение среди рабочих городских предприятий, железнодорожников и швейников, однодневную забастовку протеста горнорабочих Домбровского бассейна против нарушения пред-

[1]) Первые 5 месяцев 1926 г.

принимателями закона о 8-часовом рабочем дне и боевое выступление в Варшаве 11 апреля. Вот как изображаеатся это выступление в газетных сообщениях:

На 11 апреля на одной из площадей Варшавы был назначен митинг под открытым небом с участием коммунистического депутата польского сейма Сохацкого. Узнавши об этом, полицейские власти с раннего утра выставили кордоны на всех прилегающих к площади улицах; кроме того было мобилизовано около 600 полицейских, расположившихся отдельными отрядами в рабочих районах Варшавы. Несмотря на принятые полицией меры, несколько сот рабочих прорвались на площадь, где Сохацкий открыл митинг. Полиция сейчас же атаковала и рассеяла участников митинга. Через некоторое время Сохацкий снова открыл митинг на одной из ближайших улиц в рабочем районе. На митинг постепенно собралась большая толпа рабочих. Трамвайное движение было остановлено. Проходившие мимо четыре околоточных пытались обнаженными саблями разогнать толпу, но были жестоко избиты. Преследуемые рабочими околоточные забежали в ворота одного из домов и забаррикадировались там. Толпа начала штурмовать ворота и бросать в них камни. На помощь осажденным околоточным прибыл на грузовике отряд полиции. Толпа рабочих встретила полицейских градом камней; особую враждебность по отношению к полиции проявляли работницы. Произведенной полицейской атакой рабочие были рассеяны. Много рабочих арестовано.

После разгона митинга Сохацкий направился на Гржибовскую площадь и начал речь перед большой толпой, собравшейся около костела. На площадь немедленно прибыл отряд полицейских, которых толпа встретила палками и камнями. Разогнать толпу удалось только после прибытия большого отряда полиции. На площади арестовано 130 рабочих.

Одновременно с митингом в том же районе самостоятельно организовалась демонстрация рабочих, которая была рассеяна полицией. Революционное настроение польских рабочих нашло себе выражение и в забастовках и демонстрациях в день 1 мая 1926 г. В этот день бастовало значительное число промышленных предприятий во всей Польше, а в Варшаве забастовка была всеобщей. Во многих городах Польши происходили уличные рабочие демонстрации, подвергавшиеся повсеместно нападениям со стороны полиции и верной ее союзницы — ППС. Так, в Варшаве дружинники ППС открыли стрельбу по демонстрации, организованной коммунистической партией, убили 7 человек и ра-

нили свыше 100; подобные же подвиги ППС зарегистрированы в Жирардове, Плоцке, Вильне, Люблине и ряде других городов.

Польское правительство ведет самую откровенную и жестокую борьбу с рабочими: разгромы профессиональных союзов, аресты среди рабочих и другие меры полицейского воздействия практикуются непрерывно и всегда под предлогом причастности рабочих к коммунистическому движению.

Неудивительно, что и польские промышленные центры не в меньшей степени, чем сельские местности, представляют собой «кипящие котлы без клапанов».

При существующих социальных взаимотношениях политическая власть в Польше находится в руках крупной буржуазии. Государственный строй установлен здесь конституцией, утвержденной Учредительным сеймом 17 марта 1921 г. Законодательная власть, согласно этой конституции, принадлежит сейму, состоящему из палаты депутатов и сената; ему же принадлежит право контролировать действия исполнительной власти. Нижняя палата состоит из депутатов, избираемых, как и члены сената, путем «демократических» выборов. Число членов сената не должно превышать ¼ общего числа членов обеих палат. В члены палаты депутатов могут быть избираемы лица, достигшие 21 года от рождения, в члены сената — 40 лет. Исполнительная власть принадлежит президенту республики, избираемому «национальным собранием», т. е. в об'единенном заседании палаты депутатов и сената, на 7 лет. Президент является представителем государства, он назначает министров и высших гражданских и военных должностных лиц. Власть президента, сравнительно с властью, принадлежащей президентам других республик, сильно ограничена сеймом, председатель (маршал) которого пользуется очень широкими полномочиями и в экстренных случаях защищает президента.

Польская конституция, подобно всем современным «демократическим» конституциям, провозглашает равенство всех перед законом, личную и религиозную свободу, свободу науки и труда, равноправие национальностей и т. п. В действительности же все это остается громкими фразами без реального содержания: вся «полнота власти» принадлежит буржуазии, которая распоряжается в государстве так, как это выгодно ее карману. А этому бездонному карману угрожает опасность прежде всего со стороны рабочего люда, пролетариата и крестьянства. Отсюда стремление польской буржуазии одурманить рабочие массы, отвлечь их внимание от классовой борьбы, направить их энергию в другую сторону. Этим стремлением и об'ясняется польский официаль-

ный шовинизм и польская «великодержавная» политика. Но эта политика не по силам экономически слабой Польше, и поэтому неизбежным результатом ее должен был явиться экономический и финансовый развал. Развал этот, помимо пролетариата, особенно больно ударил по мелкой буржуазии и трудовой интеллигенции, что должно было вызвать в этих слоях польского населения стремление к власти.

То катастрофическое положение, в котором находится современная Польша, есть неизбежное следствие всей внутренней и внешней политики представителей польского капитала, какую он ведет с момента создания «независимой Польши». Уже 3-я партийная конференция коммунистической партии Польши, состоявшаяся в 1922 г., отмечает те же язвы, которые и в настоящее время раз'едают истощенное тело Польши:

«Великодержавная империалистическая экспансия Польши, ни в какой степени не отвечающая ни силе польского капитала, ни состоянию торговли и промышленности, ни финансовому положению государства и опирающаяся на силу штыков и на хрупкие основы Версальского «мира», в силу необходимости ведет к политической реакции, к угнетению трудящихся масс, ко все большему и большему увеличению налогового бремени.

Из всех капиталистических стран Польша уже по окончании войны и демобилизации содержит относительно самую большую армию, расходует на нее относительно самое большое количество средств и вынуждена это делать для сохранения своего «великодержавного» положения. Польша вынуждена больше расходовать на казармы, чем на постройку школ или домов, больше тратить на привоз из-за границы военного снабжения, чем на средства производства для восстановления хозяйства. В Польше до сих пор сохранена двухлетняя военная служба, в то время как даже крайне милитаристическая Франция вынуждена уменьшить срок военной службы до 1½ года.

Политика постоянных войн и экспансий в течение трех лет тормозила восстановление хозяйства Польши и имела последствием знаменательное явление: в то время как другие страны с низкой валютой могут запрудить продуктами своего производства страны с высокой валютой, польская промышленность и торговля не могут выдержать конкуренции стран с высокой валютой и вынуждены отгораживаться от них таможенной заставой. Отсюда постоянный, почти не прекращающийся кризис в промышленности и торговле, который только от времени до времени оживляется на самый короткий промежуток времени, причем даже в моменты наивысшего оживления невозможно предоста-

вить работу такому числу рабочих, какое было занято в промышленности до войны, а затем вновь наступает массовая безработица.

На-ряду с безработицей на рабочие массы обрушиваются последствия военной политики и экспансии, в виде падения стоимости денег; это отражается на постоянном возрастании дороговизны и составляет неслыханный налог, обрушивающийся всей своей тяжестью на беднейшие слои населения, на трудовую интеллигенцию, мелкую буржуазию, государственных, общинных и частных служащих. Это вызывает непрекращающееся сопротивление рабочих, ведет ко все новым и новым забастовкам, вызывает бунты даже государственных служащих — этих невольников буржуазии, на обязанности которых лежит сохранить в движении аппарат государственного гнета, но которых государство не в состоянии ни прокормить, ни одеть.

Но империалистическая политика и дальнейшая попытка восстановления хозяйства Польши на основах капитализма не могут ограничиться исключительно печатанием все новых и новых бумажных денежных знаков и должны прибегать ко все новым и все увеличивающимся налогам, которые всей своей тяжестью обрушатся на трудящиеся массы. Новые подати вызовут новую волну дороговизны, вызовут неукоснительно обострение борьбы классов с целью перебросить бремя восстановления капиталистического хозяйства и великодержавной политики прабежа с одного класса на другой. Наступление правящих классов, навязывающих массам косвенные налоги, сочетается с наступлением частного капитала, навязывающего рабочим худшие условия труда, во имя патриотизма, во имя спасения буржуазного хозяйства и финансов государства» [1]).

Второй с'езд КПП, состоявшийся в августе 1923 г., констатирует:

«Борьба за власть в Польше между представительством капитала, возглавляемого штабом национал-демократической партии и лагерем Пилсудского, под знаменем которого собраны группы демократических идеологов мелкой буржуазии — крестьян, части рабочего класса и трудовой интеллигенции и некоторые буржуазно-помещичьи круги, закончилась в мае текущего года полной победой первой группы и созданием в Польше первого правительства, которое буржуазия считает своим правительством. Блок Хиены [2]) с «Пястом» (возглавляемая Витосом партия кулаков), заключенный под лозунгом «польского большинства», является союзом крупного капитала, помещиков и зажиточ-

[1]) Феликс Кон, Современная Польша, стр. 48—50.

[2]) Христианского об'единения, в состав которого входят национал-демократы и «идейно» примыкающие к ним группы.

ного крестьянства; его фронт обращен против рабочего класса, против крестьянских масс, против трудовой интеллигенции и против национальных меньшинств.

Пилсудский и его лагерь, выдававший себя за представителя демократической Польши, — Польши, освободительницы народностей, — обанкротился по всей линии. Федералистическая программа, отстаиваемая им в теории, в практике его управления была похоронена. Польша вместо свободы несла завоеванным народам национальный гнет, карательные экспедиции и грабеж крестьянской земли. Демократическая конституция, торжественно установленная сеймом, стала клочком бумаги. Действительной конституцией, применяемой на деле всеми правительствами «левого» сейма, были кодексы — царский, австрийский и немецкий, на основании которых тюрьмы польские заполнены рабочими и крестьянами...» [1]).

Развал экономической и политической жизни Польши, прекрасная характеристика которого дана в приведенных выше резолюциях КПП, к 1926 г. еще более расширился и углубился. Все политические сеймовые группировки, все политические партии Польши заняты вопросом о выходе из того экономического и финансового тупика, в который зашло государство, но все попытки в этом направлении, при существующих в Польше социальных отношениях, не могут, конечно, привести ни к какому положительному результату.

Стремительное падение валюты, дефицит, который, по подсчетам оппозиции, должен выразиться в 1926 г. в 700 млн. злотых [2]), невозможность получить иностранный заем, без которого немыслимо проведение плана стабилизации, промышленный кризис, безработица, с каждым днем усиливающееся недовольство среди мелкой буржуазии и интеллигенции, революционное брожение среди пролетариата и безземельного и малоземельного крестьянства, центробежные стремления угнетаемых национальных меньшинств — все это свидетельствует о неизбежности надвигающейся на Польшу катастрофы.

Польская буржуазия отдает себе отчет в создающемся положении вещей и употребляет все средства, чтобы отсрочить грозу: мечтая о диктатуре, она в то же время начинает склоняться к английской ориентации, наиболее видным сторонником которой является Пилсудский.

Все наиболее жизненные экономические интересы Польши толкают ее в сторону сближения с СССР, но польской буржуазии для

---

[1]) Феликс Кон, Современная Польша, стр. 50—51.

[2]) К. Радек и Р. Стефанович, Переворот в Польше, Гиз, 1926, стр. 21.

сохранения ее классовых позиций нужно во что бы то ни стало получить заем; отсюда враждебное отношение правящих польских кругов к СССР и заигрывание ее с Чемберленом: Чемберлены ведь ничего не делают даром. Но надежды эти в настоящее время вряд ли осуществимы:

«...Прошло то время, когда Польша получала займы, как из рога изобилия. Это было время, когда великие державы мечтали руками Польши задушить советскую власть; это было то время, когда союзники возлагали на Польшу роль цепной собаки и натравливали ее на СССР, желая поделить шкуру советского медведя. Прошли те времена. Шкуру советского медведя не пришлось делить. Но зато долгов Польша накопила прямо рекордные цифры. Одних внешних долгов на 1 января 1925 г. насчитывалось *1 559 301 516 злотых*. Это вполне убедительная цифра, чтобы союзники в будущем в расчете на шкуру советского медведя больше займа Польше не давали.

Но польской буржуазии заем нужен до-зарезу; иначе в ближайшем будущем может наступить катастрофа. Некоторые польские политики готовы лоб расшибить перед Чемберленом, лишь бы доказать свою политическую благонадежность и прежнюю ненависть к большевистскому соседу. Характерным доказательством вышесказанного могут служить страсти, разгоревшиеся вокруг поездки в СССР группы польских сеймовых депутатов... Этих польских сеймовых депутатов называют большевистскими приспешниками, большевистскими агентами, купленными за деньги Коминтерна, и т. д. Тут же рядом идут выпады против СССР.

К чему эта ложь? К чему эти бессмысленные выпады? Каждому понятно, что это не есть мнение польского народа, польской общественности. Каждому понятно, что польская печать эти выпады против СССР и против поехавших в СССР парламентариев делает не без директив определенных польских правителей и польских политиков. Чего добиваются эти польские политики и польские правители? Чего они хотят? Они хотят клеветой и ложью затушевать перед Антантой, перед английской буржуазией возрастающий интерес, возрастающие симпатии польского народа, польской общественности, польских деловых кругов к Советскому союзу, к советскому хозяйственному строительству. Они хотят ложью и клеветой порвать эти симпатии, эти стремления к миру и к дружбе двух соседних народов. Они желают сорвать намечающееся хозяйственное сотрудни-

чество. Во имя чего? Во имя чуждых польскому народу интересов, во имя враждебного окружения СССР, проект которого был намечен в Локарно [1]).

Но и без нового займа, вследствие бестолковой экономической политики господствующих классов, Польша все больше и больше попадает в зависимость от иностранного финансового капитала; это молодое государство уже обременено заграничным долгом в размере 2 млрд. злотых (считая в золоте). Далее, польское государство отдало иностранным капиталистам в залог, частью или полностью, свои важнейшие доходы. Так, например, спичечная монополия заложена у шведско-англо-саксонского всемирного спичечного треста «Интернейшенел Метч Корпорейшен»; существенная часть табачной монополии отдана в залог итальянскому банковскому капиталу (банка Коммерчиале). Сейчас польское правительство хочет окончательно передать всю табачную монополию английской финансовой группе для эксплоатации.

Заключительным аккордом этого процесса является предстоящая полная отдача Польши под непосредственный финансовый контроль англо-саксонскому финансовому капиталу. Польша, таким образом, должна быть «оздоровлена» и присоединена к большой средне-европейской дауэсовской колонии. Но теперешний кризис и нужда широких масс в Германии показывают, что англо-саксонский капитал, хотя и может стабилизовать валюты и создавать таким образом предпосылки для уплаты ему дани, но не в состоянии все же вывести миллионы европейских пролетариев из горькой нужды. Напротив, эта уплата дани и дауэсизация именно и закрепляют стабилизацию нужды европейских масс, и только революционная борьба миллионов рабов Дауэса сможет положить конец этой нужде» [2]).

И все-таки экономические интересы, несмотря на все ухищрения польских политиканов, видящих спасение своей «ойчизны», т. е. классового господства буржуазии, в закрепощении Польши антантовскому капиталу, властно толкают эту страну к сближению с СССР. Не говоря уже о том, что пролетарские и крестьянские массы, которым нет никакого резона опасаться пресловутой «советской пропаганды», проявляют живой интерес к единственному в мире рабоче-крестьянскому государству, на путь сближения с СССР постепенно вступают все более

[1]) Волгин, Куда идет Польша? «Правда», от 30 января 1926 г.

[2]) С. Эркнер, Дауэсизация как средство разрешения польского кризиса, («Правда» от 14 января 1926 г.).

широкие круги польской торгово-промышленной буржуазии и трудовой интеллигенции, понявшие, наконец, что лишь экономическое сотрудничество Польши с СССР может вывести эту несчастную страну из состояния перманентного экономического кризиса и обеспечить ей действительную, а не фиктивную политическую независимость. Даже ППС на своем январском с'езде (1926 г.), уступая давлению рабочих кругов, в одной из своих резолюций признала необходимость более тесных экономических отношений с СССР.

Заключение консульской, почтовой и железнодорожной конвенций и открытие польско-советской торговой палаты свидетельствуют о том, что официальные сферы Польши принуждены в настоящее время считаться с вышеуказанным настроением части польского общества.

VI. ПЕРЕВОРОТ ПИЛСУДЧИКОВ.

В конце ноября 1925 г. вышел в отставку польский кабинет Владислава Грабского. Грабский выступал в сейме в качестве беспартийного, но его прочные связи с национал-демократами общеизвестны. Он не пользовался особыми симпатиями ни крайнего правого (фашистского) крыла сейма, ни «левых» в лице сеймовой фракции ППС и «Вызволенья». Тем не менее все основные сеймовые группировки оказывали поддержку его министерству, так как брать власть в условиях полного экономического развала охотников было не много. Несмотря на поддерживавшее его парламентское большинство, несмотря на вотум доверия, неизменно ему выражаемый, Грабский подал в отставку, когда окончательно выяснилось, что внешнего займа Польше не получить: для него было ясно, что без этого займа Польше не выкарабкаться из того болота, в котором она так основательно завязла.

Кабинет Грабского был сменен кабинетом Скржинского, которому удалось составить широкую парламентскую коалицию от национал-демократов до ППС. Впрочем, это и не мудрено было сделать: дорога к «правительству национального единения» была открыта уже и перед Грабским. Но для всех сторонников «государственного порядка» было ясно, что «национальное единение» делу не поможет, что если и не для спасения буржуазной Польши, то хотя бы для отсрочки надвигающейся на нее катострофы необходимы экстраординарные меры. Отсюда возникли две политические группировки, возлагавшие все свои надежды на диктатуру. Большинство представителей польского крупного капитала видело выход в фашистском перевороте, который, по их мнению, успешно мог бы быть совершен генералом Сикорским; мелкая же буржуазия в лице популярной среди небогатого крестьянства партии «Вызволенье», значительная часть интеллигенции и офицерства, а также ППС склонялись к военной диктатуре Пилсудского, которая, ввиду общеизвестных связей этого генерала с английским правительством, могла, по мнению пилсудчиков, сопровождаться предоставлением Польше столь необходимого ей займа.

Скржинский, лавируя между этими группировками, счел нужным для сохранения «святого спокойствия» отделаться от обоих кандидатов в диктаторы: Сикорский был удален с руководящего поста в армии, а Пилсудского оставили не у дел в его Сулеювке.

Между тем, уже в апреле коалиция Скржинского стала разваливаться. ППС, увидя, что сотрудничеством со Скржинским она рискует окончательно оттолкнуть от себя рабочих, вышла из коалиции, мотивируя этот свой шаг тем, что ей не удалось провести в «правительстве национального единения» свои радикальные реформы и предоставить работу безработным, вернуть в армию Пилсудского, а также прекратить преследование национальных меньшинств. Конечно, со стороны ППС это был только благовидный предлог. Уход ее из коалиции об'ясняется тем, что заправилы ППС, посвященные в планы правительства относительно применения репрессий к рабочим в день 1 мая, решили заранее снять с себя ответственность за результаты этих репрессий. Впрочем, 1 мая ППС по обыкновению сыграла двойную и притом очень мерзкую игру: претендуя на исключительное право быть защитницей интересов польского пролетариата, она предательски направила своих вооруженных дружинников на мирную демонстрацию рабочих, организованную КПП и, как это указано выше, устроила им кровавую баню.

Как бы то ни было, пресловутое «правительство национального единения» распалось, и 5 мая Скржинский подал президенту прошение об отставке, а 10 мая был составлен новый кабинет во главе с Витосом, сконцентрировавшим вокруг себя буржуазно-кулацкие элементы.

Тогда Пилсудский решил, что настало его время.

«Понять существо Иосифа Пилсудского, маршала Польской «наяснейшей республики», это значит — понять все ничтожество польского национализма, всю его пустоту, плохо прикрытую воспоминаниями польского романтизма, воспоминаниями о борьбе польского дворянства за независимость Польши» [1]).

Пилсудский — шляхтич Виленской губернии. Детство и раннюю юность он провел в доме своего отца, помещика, заботливо хранившего шляхетские традиции и воспитывавшего сына в духе этих же традиций. Очень впечатлительный и, как большинство шляхетской молодежи, романтически настроенный, молодой Пилсудский жил в мечтах о «героической» Польше, которым так противоречила польская действительность после подавления восстания 1863 г. Восстановление

[1]) К. Радек и Р. Стефанович, Переворот в Польше, Гиз, 1926, стр. 5.

Польши сделалось его навязчивой идеей; этой задаче он уже в ранней юности решил посвятить всю свою жизнь. Рядом с мечтами о независимой Польше в нем жила страстная ненависть ко всему русскому; при этом он не умел, да и не хотел, отличать официальной России от России молодой, революционной.

Он учился в русской гимназии, но курса в ней не окончил, так как, дойдя до 7 класса, был арестован и отправлен в ссылку. Там он не сошелся ни с кем из своих товарищей по ссылке: их революционные стремления казались ему не имеющими никакого отношения к цели его жизни — независимости Польши — и поэтому не могли увлечь его.

Строя планы об осуществлении поставленной себе задачи, Пилсудский пришел к заключению, что при сложившихся в Польше социальных отношениях добиться независимости последней можно только силами рабочего класса. «Понимая, что к рабочему нельзя подойти без социалистических лозунгов, Пилсудский создает концепцию соединения борьбы за независимость Польши с борьбой за социализм. Когда он вернулся в начале 90-х годов из ссылки в Вильну, он узнал, что там уже основалась партия, которая проводит в жизнь его программную концепцию — Польская социалистическая партия (ППС)» [1]).

Вступив в ППС, Пилсудский с головой ушел в партийную работу; между прочим он основал и издавал партийный орган «Работник», освещавший жизнь, нужды и стремления польского пролетариата. Привлекая таким образом внимание рабочих к партии, Пилсудский неутомимо внушал им мысль о необходимости, в целях скорейшего осуществления социалистических идеалов, восстановления независимости Польши их собственными силами, так как рассчитывать в этом деле на помощь международного пролетариата совершенно бесполезно. Но работа в этом направлении не давала тех результатов, на какие рассчитывал Пилсудский; социал-патриотические лозунги не могли об'единить весь рабочий класс Польши: наиболее сознательные пролетарии шли за СДЦП и Л, которая главную свою задачу видела в борьбе за освобождение рабочего класса в мировом масштабе. Более подходящую почву пропаганда Пилсудского находила среди мелкой буржуазии и части трудовой интеллигенции.

Особенно тяжелое разочарование принес Пилсудскому 1905 г., когда во время революционной бури вполне определенно выяснилось отношение основных классов польского общества к вопросу о неза-

---

[1]) Там же, стр. 6.

висимости Польши: ни среди буржуазии ни среди широких слоев пролетариата этот вопрос не выдвигался в качестве очередной задачи. В 1908 г. Пилсудский эмигрировал в Галицию, где, учитывая неизбежность военного столкновения Австрии и Германии с Россией, стал работать по подготовке кадров будущей польской армии. Со свойственной ему горячностью он всецело отдается военному делу: он создает офицерские кадры для польской армии, теоретически изучает военное искусство, выпускает ряд брошюр по военным вопросам.

С началом мировой войны Пилсудский с несколькими тысячами польских легионеров, подавляющее большинство которых состояло из интеллигентской молодежи, поступил под команду австрийских офицеров и вступил в пределы Царства Польского.

Но он был в сущности лишь слепым орудием в руках германо-австрийского командования, которое рассчитывало при его содействии использовать запасы польской живой силы для укрепления своего восточного фронта. « С каждым днем Пилсудскому приходилось все больше убеждаться в том, что его карта бита: чем более побеждал германский империализм, тем менее он был готов выполнить свои обещания. Он не только не думал соединить прусскую часть Польши с бывшим Царством Польским, но и, захватив ее, послал легионеров в полесские болота, дабы спокойно заняться новым разделом Польши, оторвать от нее угольный район, присоединив этот в высшей степени важный источник промышленности Польши к Пруссии. Германский империализм ссылался при этом на то, что и обещания, даваемые Пилсудским, не были исполнены: польское общество в Царстве Польском не только не восстало против царизма, но и в лице самих господствующих классов об'единилось вокруг него. И когда немцы заняли Польшу, то вокруг них там собралась незначительная часть интеллигенции, в то время как и капиталисты и помещики заняли определенно или союзную или нейтральную позицию.

С момента начала русской революции для пилсудчиков пропала всякая причина проливать свою кровь за германский империализм: царизма больше не существовало, и Пилсудский был уверен, что теперь врагом Польши является только германский империализм. В легионах начинаются волнения, и их переводят в концентрационные лагери. Пилсудский подает в отставку и основывает тайную польскую военную организацию (ПОВ) для подготовки восстания против вчерашнего союзника. Пилсудский и его партия, которая вчера еще развращала польские трудовые массы австро-германской ориентацией, теперь меняют фронт, поют славу французским освободителям, выдвигают знамя «виль-

сонизма». Генерал Безелер отвечает на это арестом Пилсудского и его интернированием в Магдебургской крепости.

После разгрома центральных держав и взрыва революции в Германии Пилсудский получил свободу и, вернувшись в Польшу, создал первое польское правительство Морачевского. Правительство это носило ярко выраженную социал-патриотическую физиономию, но выступило на политическую арену под наименованием «рабоче-крестьянского». Под давлением крупной буржуазии правительство Морачевского уступает место правительству Падеревского, поддерживаемому Антантой. Пилсудский становится во главе польской республики и получает звание «начальника государства», т. е. президента, сохраняя в своих руках высшее командование польской армией.

Подогреваемый своими собственными социал-патриотическими фразами, которые нисколько не мешали ему работать в самом тесном контакте с буржуазией и творить волю Антанты, Пилсудский начал войну с Советской Россией, о чем мы имели случай говорить выше. Военные успехи Пилсудского окончательно вскружили голову всей мелкобуржуазной польской стихии. Начинается какой-то неистовый, языческий культ «начальника», роль главного жреца в котором берет на себя ППС, помещавшая в своей печати в честь Пилсудского акафисты вроде следующих:

«Убежденнейший демократ, хотя и шляхтич по происхождению и традициям, воспитанник трезвой позитивной эпохи и в то же время настоящий сын своей матери, типичной польской женщины 1863 г., сторонник социалистических принципов и в то же время романтик-индивидуалист, знающий наизусть Словацкого и Выспянского, выше всего ставящий польские повстанческие традиции, солдат по профессии и призванию и поэт в глубине души, — Пилсудский гармонически соединяет в себе все эти разнообразные начала, кажущиеся столь противоречащими друг другу.

Этот необыкновенный человек, детство которого протекало в достатке и даже в комфорте, и который добровольно обрек себя на труд и лишения; эта чистая и твердая душа, столь же, несмотря на свою разносторонность, прямолинейная, как стрела, направленная в цель, — напоминает слова Адама Мицкевича: «Польше необходим вождь, который был бы в одно и то же время и солдатом и поэтом».

Пилсудский пользуется доверием широких масс. Пилсудский не только верховный вождь польских вооруженных сил: он вождь польских сердец и душ» [1]).

[1]) «Jednosé Robotnicza», 3 wrzesnia, 1916.

«Костями героев засеяны, кровью героев политы пути, по которым ты вел душу и мысль народа к заре великой, благословенной будущности. Непреклонна была твоя воля, неутолимо сердце, неисчерпаема сила в этом нечеловеческом напряжении, в этом вихре противоречивых чувств и желаний, в этой геенне, через которое пробивалось польское знамя.

Тяжел был твой путь, первый солдат воюющей республики! За семью горами, за семью реками спала наша свобода, зачарованная темными силами... О, как мужественны были твои встречи с грозными вампирами красной войны и с еще более грозными чудовищами зависти, слабости и трусости!

И вот, по воле всемогущей справедливости исполнилась мера страдания земли... Ее золотое копье ниспровергло апокалипсического зверя в кровавую трясину поражений, во тьму презрения и нищеты; вихрь ее гнева развеял, как сухие листья, венцы и державы тиранов — величественная заря занялась над землей. И вместе с этой зарей свободы, занимающейся над нами, вернулся к нам ты.

Открыла перед тобой настежь ворота свои молодая Польша, Польша торжествующая, Польша народная. Она приветствует тебя, упорный борец, неустрашимый проповедник, гордый заключенный; она доверяет тебе руль своей ладьи, носящейся по бурным еще волнам. Кто же более достоин стоять со знаменем и мечом в руках перед престолом великой республики?» [1]).

При таких панегириках честолюбивому и обладающему большим самомнением Пилсудскому нетрудно было поверить в свое сверх'естественное призвание.

Понятно, что он не мог примириться с тем положением, которое ему приходилось играть в последнее время; он не мог примириться с жизнью частного человека, доживающего свой век в тихой Сулеювке, тем более, что сложившиеся к 1926 г. социальные взаимоотношения и экономическая ситуация в Польше толкали его на новую авантюру.

Последняя, по сообщению газет, подготовлялась Пилсудским и его сторонниками постепенно. Так, на с'езде ППС в январе 1926 г. один из видных деятелей ППС (Дашинский) заявил, что с'езд сознает опасность создавшегося положения и что никто не верит в спасительность коалиции. Если ППС встретит со стороны коалиции упорное непонимание, то партия, по словам Дашинского, перейдет к непосредственной борьбе за образование рабоче-крестьянского правительства. Ко-

---

[1]) «Naprzód», 20 listopada 1918.

гда же Дашинский заявил, что польская армия после ухода Пилсудского стала поприщем карьеризма, с'езд устроил в честь Пилсудского овацию.

По сообщению ПАТ (Польское телеграфное агентство), на заседании политического комитета совета министров, состоявшемся 11 января 1926 г., обсуждался вопрос о возвращении Пилсудского в армию. Политический комитет постановил поручить премьеру Скшинскому обратиться к председателю сейма Ратаю с просьбой ускорить рассмотрение сеймом проекта устава организации руководящей военной власти.

Согласно просьбе прьемьера, председатель сейма начал переговоры с отдельными фракциями сейма в целях добиться соглашения фракций по вопросу о возвращении Пилсудского в армию. В Варшаве в связи с этим ходили слухи, что Пилсудского посетил английский посланник и что возвращение Пилсудского в армию связано с предоставлением Польше займа Англией.

В январе же месяце во львовской газете «Новый век» был опубликован материал о переговорах национал-демократов с Пилсудским. От имени национал-демократов ему был предложен пост премьера с диктаторскими полномочиями на условии отказа пепеэсовцев от 8-часового рабочего дня и ликвидации министерства труда.

В конце февраля в Варшаве уже открыто говорили о таинственных приготовлениях сторонников Пилсудского и выступление его приурочивали к окончанию сессии Лиги наций.

Предлогом для вооруженого восстания и захвата власти послужили для Пилсудского произведенные в начале мая военным министром в кабинете Витоса замещения ответственных должностей в военном министерстве сторонниками генерала Сикорского, крайнего правого и заклятого врага Пилсудского. На основании последних газетных сообщений картину произведенного Пилсудским государственного переворота можно нарисовать следующим образом.

Выступлению Пилсудского непосредственно предшествовали волнения, возникшие среди его сторонников в Варшаве. Последние группами около 30 человек, во главе с офицерами, заходили в некоторые рестораны и кафе в центре города с криками: «Да здравствует Пилсудский!», причем заставляли публику вставать и обнажать головы. Одновременно по городу раз'езжали автомобили, с которых разбрасывались летучки с надписями: «Не позволим грабить Польшу», «Не дадим третировать армию», «Да здравствует главнокомандующий маршал Пилсудский».

11 мая в расположенный под Варшавой военный лагерь Рембертов неожиданно прибыл Пилсудский. Его сопровождал ряд преданных ему офицеров. Громадное большинство офицеров и командиров находившихся в Рембертове частей немедленно заявили себя сторонниками Пилсудского, а ненадежные лица из командного состава были немедленно же смещены Пилсудским и заменены его сторонниками. После этого гарнизон Рембертова был приведен в боевую готовность.

На следующий день Пилсудский двинул находившиеся в Рембертове войска на Варшаву. Предместье Варшавы Прага, находящаяся на правом берегу Вислы, была занята без сопротивления со стороны правительственных войск. Однако, при попытке перейти мосты через Вислу, соединяющие Прагу с Варшавой, войска Пилсудского наткнулись на сопротивление. К вечеру началась перестрелка. Очень скоро обнаружилось, что перевес находится на стороне пилсудчиков. В 11 часов вечера Пилсудский перешел Вислу. На улице завязались бои. Были убитые и раненые. К 1[illegible] часам Пилсудский занял большинство правительственных учреждений, в том числе помещение генерального штаба. Ночью же была занята Варшавская цитадель, и город окончательно перешел в руки Пилсудского.

В помещенных в некоторых польских газетах от 11 мая сообщениях отмечено, что последний, выступая во главе перешедших на его сторону войск, заявил о своем решении о б'я в и т ь в о й н у правительству Витоса.

Заняв Варшаву, войска Пилсудского направились к Бельведеру, резиденции президента Войцеховского, и после вялого сопротивления со стороны правительственных войск заняли ее. Президент и члены правительства Витоса, во главе с премьером, заблаговременно покинули Бельведер и удалились в одну из ближайших к Варшаве деревень, откуда прислали Пилсудскому сообщение о своем выходе в отставку.

Выступление Пилсудского было поддержано не только ППС, но и рабочими, стоящими на классовой платформе. Так, 14 мая ЦК и Варшавский комитет ППС выпустили воззвание к рабочим, призывающее начать всеобщую забастовку, требовать отставки правительства Витоса и прекращения братоубийственной войны и оказать помощь войскам Пилсудского. Классовый профсоюз железнодорожников об'явил всеобщую забастовку, призывая железнодорожников не допускать к Варшаве враждебных Пилсудскому войск. На события отозвалась и КПП. 15 мая на одной из площадей Варшавы был организован митинг, на котором выступал коммунистический депутат сейма Сохацкий с призывом к образованию единого рабочего фронта, но и этот призыв,

подобно всем обращениям КПП к рабочим, вызвал противодействие со стороны ППС, которая в своем «Работнике» заявила, что «ППС решительно и со всей силой противопоставляет себя разрушительной работе коммунистов, являющейся попыткой разбить единый рабочий фронт» (?!).

Варшавские события вызвали сильное брожение, сопровождавшееся активными выступлениями, и среди провинциальных гарнизонов всей Польши: правые генералы пытались было организовать в широких размерах движение в войсках против Пилсудского, но нигде сколько-нибудь значительного успеха не имели.

Купив свою победу ценой 980 убитых и около 1 000 раненых и сделавшись хозяином положения в Варшаве, Пилсудский поручил председателю сейма, вступившему согласно конституции в исполнение обязанностей президента республики, составить новое правительство. Правительство это было образовано 15 мая внепарламентским путем, так как попытка создать правительство «общенациональной коалиции» не увенчалась успехом ввиду требования ППС и «Вызволенья» образовать коалицию левых партий. Плохо скрываемое желание Пилсудского итти на сотрудничество с буржуазией встречает резкое противодействие со стороны крестьянских сеймовых группировок (группы Брыля и Домбского и «Вызволенье»), которые прежде всего требуют радикальной земельной реформы, провести которую в сотрудничестве с буржуазией, конечно, невозможно. ППС, под давлением рабочих и крестьянских кругов, выдвинула даже лозунг «рабоче-крестьянского правительства», но, конечно, для нее этот лозунг не более как демагогический прием.

Мы заканчиваем эту книгу следующими словами органа КПП [1]), посвященными перевороту, совершенному пилсудчиками:

«...Пилсудский ведет фактически к социальной капитуляции перед фашизмом, не будучи способным подорвать социальные силы фашистского лагеря. Уже в процессе борьбы Пилсудский начал колебаться. Штаб Пилсудского не решился арестовать ни одного фашиста, и фашисты разгуливали на свободе. После победы штаб Пилсудского об'являет, что он не хочет нарушать правопорядка конституции и стремится к созданию правительства национального соглашения. Разве для того была пролита кровь рабочих и крестьян, разве для того они призывались к борьбе не на жизнь, а на смерть, чтобы теперь было торжественно об'явлено о соглашении с фашистскими канальями — смертельным врагом рабочего класса?

---

[1]) Червоны Штандар.

Тот, кто боится рабоче-крестьянской массы, кто не решается разжечь массовую борьбу и разбудить энергию масс, тот обречен на бессилие против фашистов. Никому из нас не приходило в голову, что Пилсудский осуществит коммунистическую программу, но лагерь Пилсудского утверждает, что он является лагерем демократии. Но никто еще не завоевывал и не укреплял демократию полумерами, нерешительностью и братаньем с врагом. Какая может быть демократия, когда в руках фашистов оставляются материальные силы и власть? Никакое правительство, которое теперь возникнет, будет ли это правительство левого блока или, по проекту Пилсудского, правительство национального соглашения, не справится с громадными задачами, перед которыми стоит Польша. Справиться с ними может лишь решительное творческое рабоче-крестьянское правительство, твердо опирающееся на народные массы, которое железной рукой раздавит капиталистическо-помещичью контр-революцию» [1]).

---

[1]) См. «Правду» от 21 мая 1926 г.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

С. Я. ГЕССЕН

ОКРАИННЫЕ ГОСУДАРСТВА

ПОЛЬША, ФИНЛЯНДИЯ, ЭСТОНИЯ, ЛАТВИЯ и ЛИТВА

Стр. 151. Ц. 85 к.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ

ШАГ ЗА ШАГОМ

Перевод с польского. С предисловием Г. Валецкого

Стр. 69. Ц. 40 к,

Статья „Шаг за шагом" представляет собой замечательный анализ всей экономической, социальной и политической истории русской Польши за XIX столетие, непосредственно вызванный нелепой манифестацией („громадным шипящим фейерверком лакейства"), устроенной польской буржуазией по случаю приезда в Варшаву (в 1897 г.) Николая II.

Ф. КОН

ПОЛЬША НАШИХ ДНЕЙ

С картой Польши

Стр. 108. Ц. 90 к.

Содержание: Границы. Население. Землевладение. Аграрная реформа. Промышленность. Положение рабочих. Финансовое положение Государственный строй. Конституция. Профессиональное движение. Политические партии.

Ф. А. АРСКИЙ

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛЬША

С 6 рисунками

Стр 79. Ц. 65 к.

Содержание: Физическая география страны. Население Польши. Возникновение нынешней Польши и ее история. Социальная структура. Политическое положение Польши. Рабочее движение. Культурная жизнь.

С. КРУШЕВСКИЙ и М. ЗДЗЯРСКИЙ

БЫТ РАБОЧИХ В ПОЛЬШЕ 1913—1921 гг.

Перевод с польского В. П. Друнина

Стр. 135. Ц. 30 к.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА ПОЛЬШИ

Ц. 1 р. 20 к.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

-14k

61
1780

1 р. 40 коп.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

П О Л Ь Ш А

И. ВОЛКОВИЧЕР

НАЧАЛО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ В БЫВШЕЙ РУССКОЙ ПОЛЬШЕ

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПАРТИИ „ПРОЛЕТАРИАТ"
ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Часть первая

С 6 вкладными листами портретов.

Стр. 124. Ц. 50 к.

Из содержания: Введение. Экономические предпосылки. Ранний социализм. Рабочее движение первой половины 70-х годов. Среди студенчества. Зарождение социалистической организации. Первые обыски и аресты. Вопрос о терроре. Первая социалистическая программа. Приложения (неопубликованные материалы).

ГЕНРИК КАМЕНСКИЙ

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ПОЛЬСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

(1914—1918 гг.)

Перев. с польского В. П. Друнина
Предисл. Юз. Красного

Стр. 119. Ц. 50 к.

Жизнь и борьба польских рабочих во время империалистической войны.

ИГНАТИЙ ЕЖОВЕР

ОТ НАЦИОНАЛЬНОЙ РЕВОЛЮЦИИ К СОЦИАЛЬНОЙ

из истории революционного движения в польше

Стр. 75. Ц. 25 к.

ЮРИЙ СОХАЦКИЙ

НАЦИОНАЛЬНАЯ РАБОЧАЯ ПАРТИЯ В ПОЛЬШЕ

Перевод с польского и предисловие В. П. Друнина.

Стр. 128. Ц. 30 к.

С. ГУРНЯК

ПОД КРАСНЫМ ЗНАМЕНЕМ

(1905 год в Польше)

Перев. с польск. Л. П. Круковской

Стр. 136. Ц. 75 к.

В. ЛЕДЕР

1905 ГОД В БЫВШЕЙ ЦАРСКОЙ ПОЛЬШЕ

Стр. 32. Ц. 10 к.

СТАНИСЛАВ ЛАНЦУЦКИЙ

P. P. S.

ПОЛЬСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ

Перевод с польского В. П. Друнина.

Стр. 102. Ц. 30 к.

Содержание: Защита власти буржуазии. Позиция ППС в вопросе о войне с Советской Россией. Отношение ППС к Советской России. Позиция ППС в национальном вопросе. Отношение ППС к коалиции. Милитаризм ППС. Отношение ППС к Пилсудскому. ППС и Интернационал. Разложение предательницы рабочего класса.

ПРОДАЖА ВО ВСЕХ МАГАЗИНАХ И ОТДЕЛЕНИЯХ ГОСИЗДАТА

8842